

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ISSN 0134 - 241X

4 (766) апрель, 2021

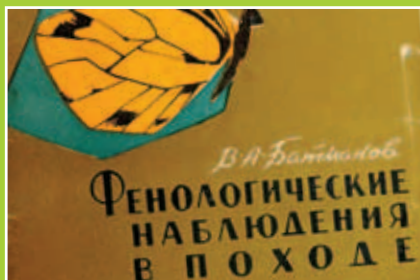
www.uralstalker.com

Приходит время

СЛЫШИМ КОСМОС

КАЛЕНДАРЬ ПРИРОДЫ

ПУСТЬ ПРОСНЁТСЯ ГОРНИСТ

Апрель 2021

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Консультант – Ю.А. Горбунов.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке –

1 стр.: Победитель. Фото Николая Плотникова.

4 стр.: Фото Ларисы Поздняковой.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин,
Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко,
Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2021 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №4 (766), 2021 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по РФ
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,
выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **УС**, публикуются на правах рекламы.

Проект «С чего начинается Родина»
выходит при финансовой поддержке
Фонда Президентских грантов

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России:
Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

**Аэлита
Журнал
в журнале**

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №4, 2021 г.
Подписан к печати 27.03.2021 г. Печать офсетная.
Отпечатано ООО «Периодика», 623751,
Свердловская область, г. Реж, ул. О.Кошевого, д.16.
Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Тираж 11000. Заказ №

Встречный ветер

Версия

Ю.МАМОНТОВ
Опасный груз 10

Заповедные земли

С.ЗИМИН
Тетерев на Урале 28

Добрые попутчики
Средиземно-
морский колорит
по-уральски 41

Юбилей

Л.КРАПИВИНА
Голос дороги 14

Фотолетопись

Н.ПЛОТНИКОВ
Косач и капалухи 23

**Быть молодым —
здорово!**
О.ЧЕРЕПАНОВА
Как стать
спелеологом 45

Река времени

Традиции

Н.ПАРТАНОВ
Избранные
медведем 3

Юбилей

Л.КОЩЕЕВ
Родина
слышит 6

Далекое-близкое
А.ЗАЕЦ
Полковой
оркестр 18

Портреты
О.ТИТОВА
Династия
талантов 32

Юбилей

**М.КУПРИЯНОВА,
Н.БЕЛЯЕВА**
Фенология человека 36

Традиции

В.КИСЛЫХ
Сельская Фемида 42

▼ Селение Неремово на протоке Персым (Малая Обь) и селение Вежакары на Большой Оби

Избранные медведем

Каждый день зверя, рыбу добываем

В нескольких километрах от Березово в Западной Сибири, на правой стороне реки Малая Обь, берет начало протока Пырсим, где находится и одноименное селение. Берега протоки обрывисты, холодные воды Оби через протоку Пырсим впадают в реку Северная Сосьва возле Шайтанского Мыса. На этой же протоке находилось и мансийское селение Пукшамт-Неремово.

В этом живописном месте между рекой Обью и Северной Сосьвой (описанных еще Г. Миллером) издревле находились два поселения коренных жителей: Неремово — рядом с рекой Малая Обь, и Пырсим — ближе к Северной Сосьве. Здесь на благоприятных для жизни землях жили древние роды Тымановых, Котлехумовых, а также Новьюховы, Лихачевы, Яркины. Финский ученый, этнограф, лингвист Артур Каннисто, находящийся здесь с экспедицией в середине 19-го века, писал: «... в юртах Неремово проживали 71 человек. Семьи Курлиных, Котлехумовых, Новяхумовых, всего 16 семей». Основным занятием их

всегда была рыбалка и охота, занимались они и разведением скота. Существовала здесь также и традиция больших праздников, проводимых всем селением по особым случаям.

Медвежий праздник

Одним из самых известных и любимых праздников обских угров является «Медвежий праздник», который имел особое сакральное значение. На нем всегда исполнялась «Священная песня» — «Ворт олнэ ойка ялын хотал эрыг». Поселения Неремово уже не существует, но сохранилась запись этой песни в исполнении ее жителя — Петра Тыманова, сделанная

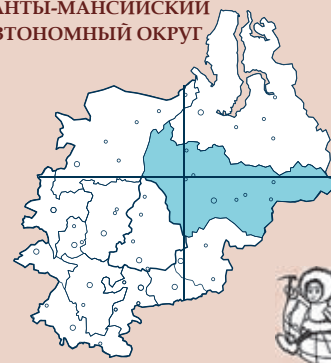

Никита Партанов

Родился в 1960 году в ХМАО-Югра. В 1994 году поступил в Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Получил высшее образование учителя культурологии и истории. Работал лектором-экскурсоводом в Этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа». Публикуется в различных изданиях. Член Союза журналистов с 1996 г.

Иллюстрации
из архива автора

ХАНТЫ-МАНСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

▲ Потомки коренных жителей

в декабре 1971 года, московским этнографом И.А. Богдановым (Бродским).

*Живут, поживают двое
мужичин, у них поющие души,
Мы двое тоже сказки рассказываем.
Мы с маленького Неремова
двое мужчин, мужчины.
О нас тоже сказки рассказывают,
как мы живем.*

Священная песня

В авторской песне рассказывается о том, как был добыт зверь, о промысловиках, которые специально не готовились идти на крупного зверя, но «в мыслях и душе» они были готовы к этому. Поэтому, когда нашли берлогу, у них все было готово к встрече с ним. В священной песне поется о двух охотниках, автор поет о себе от третьего лица, то есть поет песню о себе, сказки рассказываем.

*Короток день, когда в лес собираем.
Подумывать стали о лесном (проживающем).
Черного соболя добывающие двое мужчин.
Белого горностая добывающих двое мужчин.
Белого зверя добывающие двое*

► Сцена охоты на медведя, рисунок Скосыревой Наташи, 9 лет

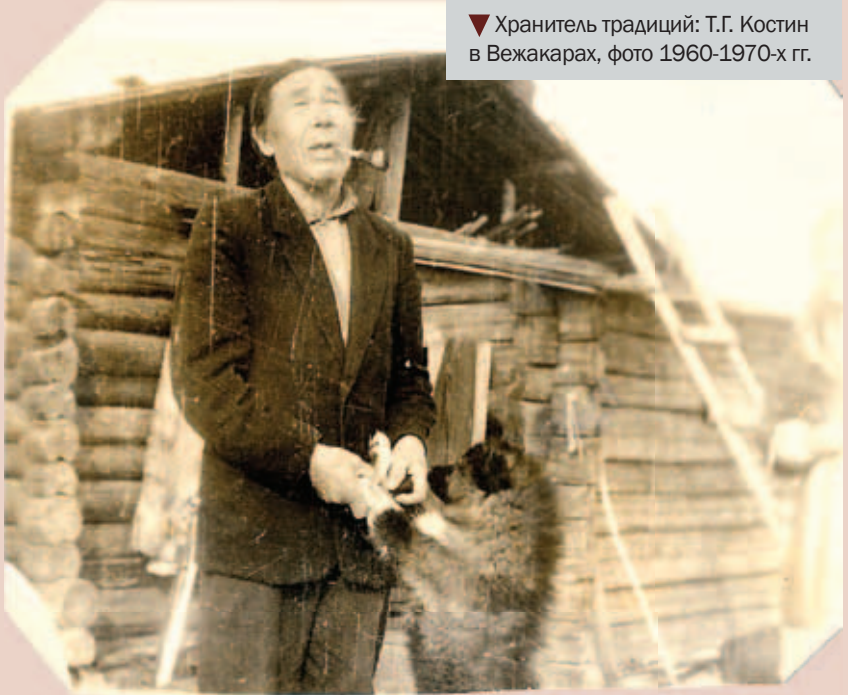
мужчин в лес собрались. Идем на лесную тропу, заступим. В лес пришли, в лесную нашу избушку, в лесной избушке порядок наведем, В лесной избушке (печку) растопим. Мы, двое тушинину добывающие двое мужчин, Соболя добывающего двое мужчин. Каждый день зверя-рыбу добываем. Зверя добудем, зверя подыдем, зверя принесем. Завтра уже в лес пойдём, промысловый наш пояс (у каждого) Полностью обвешаем, полный (пояс) домою принесем.

...С пушистыми хвостами две наши, две собаки. Собаки наши очень сильно лаять начали,

(в одном месте) землю роют, (как пляшут) землю роют, Мы поближе подошли медведь, вроде медвежьей берлоги, отверстие подошли. Отверстие берлоги. ...Под вечер жители семи домов. Все вместе соберемся.

Картина охоты

Песня воссоздает нам картину охоты с первого дня, когда промысловики нашли медвежью берлогу, добыли его, до того дня, когда они пришли с добычей в селение, и о начале «Медвежьего праздника». Найденную берлогу медведя охотники перегораживали бревнами, чтобы не выпустить его на волю. После того как зверь был поражен у собственной берлоги, его оттащивали, снимали шкуру и разделявали. Все мясо гру-

▼ Хранитель традиций: Т.Г. Костин в Вежакарах, фото 1960-1970-х гг.

зились на небольшие сани, и на лямках его тянули домой.

В селении уже знали о том, что мужчины добыли крупного зверя, так как они, подходя к селению, стреляли из ружей в воздух. Когда охотники подошли к селению девушки, извляли их в снегу и закидали снегом. Так про-

исходил процесс «очищения» охотников, вернувшихся в родное селение после удачной охоты.

Родовое начало

Зимним вечером в доме Петра Ивановича Тыманова начинался «Медвежий праздник», в котором участвовали все жители и гости селения. Праздник проводился в доме старшего человека, добывшего зверя, т.е. «избранного» медведем. Сакральным смыслом праздника являлся воспроизводимый акт «первотворения», соединение с мифологическими предками «начала времен», для продолжения жизни рода.

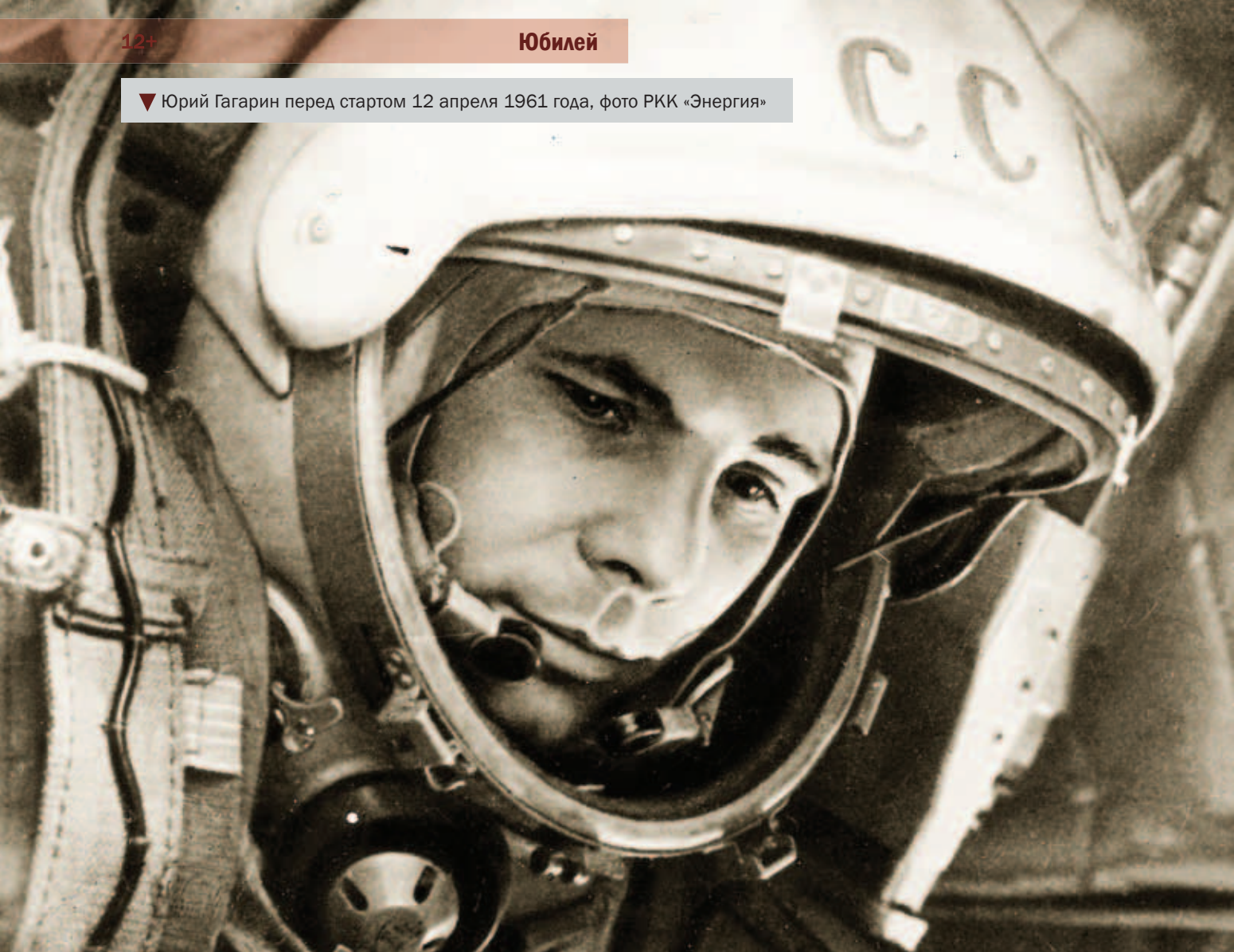
Большой дом

В настоящее время в Неремово Березовского района ХМАО никто не живет, в 1970-е годы, в период укрупнения малых населенных пунктов, жителей переселили в деревню Шайтанку. Жителей селения Вежакары на Большой Оби соседнего Белоярского района также переселяли в советское время, но еще долгое время в нем оставался «большой дом» Тараса Григорьевича Костина, который отказался уезжать и жил несколько лет хранителем этих священных для манси мест. Последний жилой дом в Неремово, где могли останавливаться путники, сгорел во время весеннего пала уже в двухтысячные. Потомки коренных жителей древнего Неремово ныне проживают в поселке Березово. Богатые охотничьи, рыбные, ягодные и сенокосных угодья, воспеты в песнях и легендах их отцами и дедками, ждут потомков своих хозяев, «избранных медведем». ❧

▼ Участники праздника: наряды и интерьеры

▼ Юрий Гагарин перед стартом 12 апреля 1961 года, фото РКК «Энергия»

Родина слышит...

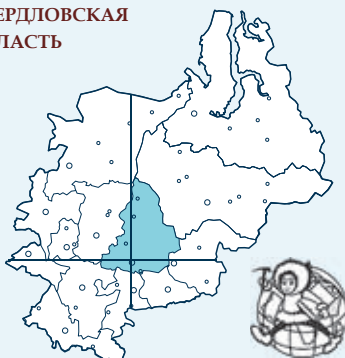
Уральский вклад в покорение Космоса

Лев Кошечев

Член Общественной палаты города Екатеринбурга. Работал в газетах «На смену!», «Главный проспект», «Наша газета». Автор сценариев документальных фильмов об истории России. Долгое время возглавлял газеты «Уральский рабочий» и «Вечерний Екатеринбург». Родился в Свердловске, закончил радиотехнический факультет УрГТУ-УПИ.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации
предоставлены автором

История Урала — вещь интересная. Вы никогда не можете сказать, что её знаете. Потому что она то и дело меняется. Точнее, дополняется. В частности, еще несколько лет назад казалось, что известно абсолютно всё об участии уральцев в покорении космоса. Но...

► Группа свердловских поисковиков у самолета, 1960 г.

▲ «Собаки-космонавты» Жулька и Жемчужина

Ракетно-космический проект напомнил лавину. Лавину, которая, как подчас казалось многим хозяйственникам, еще немного и накроет собой страну. Даже крохотные пункты в программе работ разрастались в нечто грандиозное. Например, решили ракетчики использовать в качестве окислителя жидкий кислород. И это потребовало создания мощнейших заводов по его сжижению. И еще других заводов по производству оборудования для этого. Конструкторских бюро для его разработки. Научных институтов, занимающихся соответствующими исследованиями.

И это всё в стране, которая всего за десять лет до этого наполовину была обращена в руины. Поэтому, если на совещании выяснялось, что хоть что-то не придется создавать, раздавался вдох облегчения.

— Нам нужна сеть измерительных пунктов, способных на расстоянии в тысячи километров определять координаты космических аппаратов, — сказали ракетчики.

— Сеть таких пеленгаторов существует у ВВС, — радостно заверили во-

енные, — чтобы заблудившиеся самолёты искать.

Спасительный «Круг»

Не успели зенитчики нарадоваться на появление радаров, как в конце 1940-х годов стало ясно: «бомберы» стали летать слишком быстро, не успеваем поднять истребители. Увеличить дальность работы локаторов? Но за горизонт заглядывать они не способны. О спутниках раннего предупреждения тогда и не мечтали. Посадить вокруг каждого вражеского аэродрома казачка-наблюдателя? Но непонятно ведь, куда полетят взлетевшие самолёты... А что, если определять их курс, пеленгуя их радиосигналы?

Однако пеленгация — процесс сложный. Хорошо, если вы можете работать с сигналом несколько минут. Если этих минут у вас нет, пеленг с точностью до долей градуса можно определить только при помощи системы антенн, размеры которой примерно равны десяти длинам радиоволны. Поскольку речь шла о расстояниях в тысячи километров, иметь дело предстояло с «короткими» волнами, длиной

в несколько десятков метров. Причём координаты можно определить, только имея два-три пеленга с разных точек. И точки эти должны быть разнесены как можно дальше. И отслеживать нужно Атлантику, Арктику и Тихий океан.

Возвести десяток циклопических сооружений, часть из них у чёрта на рогах, вдалеке от дорог, в сложнейших природных условиях — расходы запредельные. При том, что эффективность всей этой затеи с пеленгацией самолётов была весьма иллюзорна. Но других вариантов не было. Ценой вопроса были десятки миллионов советских людей, которые погибли бы за одну ночь, если атаку американцев не удастся отразить.

На ленинградском заводе № 619, опираясь на трофейные разработки, спешно была спроектирована поражающее воображение установка. Круг диаметром сотни метров, по его краю идёт высоченный «забор» из металлической сетки, с наружной стороны установлено несколько десятков хитроумных вертикальных антенн.

Первый пеленгатор «Круг» и центр всей системы разместились в подмосковном Климовске. До 1954 года следующие станции появились на Чукотке, возле Тикси, Хабаровска, Иркутска, Ленинграда, Мурманска. Ведало всей этой машиной Главное разведуправление Генштаба. О её существовании и возможностях знали очень немногие. Но и среди них лишь единицы были осведомлены о том, что на самом деле «Кругов» больше. Еще несколько расположены в глубине страны.

Какие бомбардировщики там можно запеленговать?! Но они, хотя и были включены в общую систему, предназначались совсем для другого. И относились к другому ведомству — радио-контрразведке органов госбезопасно-

◀ Пеленгатор «Круг»

▲ Старший радиооператор Николай Телегин

сти. Перед ними стояла задача пеленговать выходы в эфир вражеских шпионов и диверсантов. А потому эти «Круги» появились там, где концентрация секретов была наивысшей. В частности, на Урале, под Свердловском.

Уральские — значит мастера

Можно, конечно, рассуждать, что в натуре уральцев наложена некая предрасположенность к «электроволнам» — недаром же изобретатель радио родился именно здесь. Но, скорее, в генах местных жителей — склонность зажигаться каким-то делом, а потом испуганно добиваться совершенства в нём. Данила-мастер вытёсывал свой каменный цветок. Его братья по духу точно так же не спали ночей, овладевая премудростями литья пушек,ковки броневой стали...

А в небольших домиках за забором северо-восточнее посёлка Исток поселились мастера ловли радиоволн. Их космическим дебютом стал октябрь 1957 года. Старший радиооператор Николай Телегин чётко выполнил задачу по отслеживанию первого спутника. Добытые свердловским «Кругом» данные орбиты оказались настолько важны, что руководство пошло на невероятный шаг: Телегина и нескольких его сослуживцев представили к наградам Международного географическо-

▲ Космический снимок «Круга»

◀ Руководитель развертывания системы «Круг» Пётр Трофимович Костин

го общества! Случай, пожалуй, беспрецедентный в истории КГБ СССР. Но, разумеется, в представлении не было ни слова о том, где эти люди служат и тем более что конкретно они сделали.

Собачек жалко

22 декабря 1960 года Иван Александрович Стариков отложил в который раз газету и поднялся. Он и не догадывался, что делает в этот момент. А, между тем, он спасал первенство своей страны в космосе.

Уже несколько раз перед чекистами ставили достаточно странную задачу: по команде из Москвы нужно было запеленговать некий сигнал. По различным намеркам пеленгаторщики догадывались, что «работают на космос». Но источник сигнала практически не перемещался. Ну, видимо, испытывали какой-то радиомаяк.

В очередной раз предупреждение о завтрашней работе поступило 21-го. Обычно пеленговали утром, но сейчас дело шло уже к полудню, а команда так и не поступила. Стариков был ветераном войны, где опыт научил его делать больше, чем приказывают. Потому что воюем-то не ради начальства. Смена выдалась тихая. Так что он вместо того, чтобы углубиться в детектив с чаем, настроил резервный приёмник на «космическую частоту» и периодически подходил к стойке, брал наушники.

Раз на пятнадцатый он замер удивлённо, услышав характерное попискивание:

— Коля... работаем!

Телегин обомлел и бросился настраивать систему. Но в следующее мгновение его изумление только усилилось. До сих пор пеленгуемые сигналы всегда шли с небольшим разбросом со стороны Поволжья. На сей же раз сигнал был гораздо слабее и приходил с противоположной стороны.

Телегин был несокрушимо уверен: в Поволжье расположен то ли завод, то ли полигон. По идее, коротким волнам вполне под силу обойти вокруг земного шара и прийти с «обратной» стороны. Более того, «обратный» сигнал вполне может быть сильнее «прямого». Тут всё зависит от состояния ионосферы, а с ней солнечная активность чего только не вытворяет.

Доложишь наверх, что пеленг на северо-восток — потом тебя засмеют, твоё подразделение станет предметом издёвок в стенах Комитета, а над самим Комитетом будут потешаться на заседаниях правительства и ЦК. «Вы же с точностью до наоборот работаете! На рыбалке-то вы как, спиной к реке садитесь?» Позорище, короче. Вселенское позорище. Но... инструкция предписывала докладывать наверх в точности то, что «намеряла астролябия», и никаким умозаключениям воли не давать. Николай покачал желваки. И обречённо сказал в телефонную трубку:

▼ Общий вид пеленгатора

— Пеленг — пятьдесят четыре.

Он даже близко не мог представить, какой эффект в Москве и на Тюратаме произвёл его доклад. Утром на космодроме произошла очередная авария. На 425-й секунде полёта у ракеты произошла неисправность одного из двигателей, её стало уводить влево. Ещё через несколько секунд её двигатели отключились вовсе. В такой ситуации её должна была уничтожить система автоматического подрыва, чтобы она не рухнула где-нибудь в населённом районе.

Так что ракетчики отсматривали записи, обмениваясь версиями, что же произошло. Досады особой не испытывали — привыкли. Только девушки иногда вздыхали грустно: в аппарат были загружены две милые дворняжки. И вот тут-то и прошло сообщение: «Базальт» передаёт: «Факел 054». Это еще что за..?! Пеленгаторы должны были бы принять сигнал радиомаяка, если бы изделие садилось штатно. На нашей частоте работает кто-то еще?

Собрали загребовать предполагаемую трассу полёта изделия после аварии. Она пересеклась со взлетом свердловчанами пеленгом в районе Туруханска, чуть восточнее Енисея. Те же координаты дали пеленги, взятые «Кругами» из Новосибирска, Иркутска и Тикси. Но всё равно поисковикам «светило» обшаривать тысячи квадратных километров тайги. А успеть найти аппарат нужно было за двое с половиной суток. После этого его должна была уничтожить еще одна автоматическая система подрыва, чтобы он не попал в руки случайных людей, не имеющих допуска к секретным изделиям.

Чтобы ускорить поиски, Госкомиссия обратилась к военным с просьбой срочно выслать в район лучших мобильных пеленгаторщиков. Военные честно сообщили, что лучшие пеленгаторщики — не у них, а в КГБ, опять-

таки в Свердловске. На всех соревнованиях побеждают!

Всего через несколько часов вместе с необходимой техникой и спешно собранными тёплыми вещами в Ил-14 командующего Уральским военным округом срочно погрузились руководитель группы Анатолий Уфимцев, оперуполномоченные Дей Крохин, Геннадий Литвинов, Валентин Пылаев, Александр Рябков, техник Ардальон Пикулев.

Посоветовавшись еще в полёте, выработали схему поиска. Как говорится, ничего сложного. С воздуха определяем зону, где сигнал слышен особенно сильно, Ан-2 на лыжах садится где-нибудь в лесу, Рябков, Литвинов и Крохин выносят, устанавливают и включают аппаратуру, берут пеленг, собирают всё и грузят в самолёт, тот перелетает на другое место, где берут новый пеленг... И вскоре на карте должно появиться точное местоположение «изделия».

Один нюанс: чтобы пеленгатору не мешал металл самолёта, его нужно унести подальше. Весит он несколько десятков килограмм. Снег — метровой глубины. При этом на переноску, установку, измерения у чекистов считанные минуты. Потому что температура — минус 51. Щелочные аккумуляторы замерзают моментально.

Спасло то, что достаточно оказалось уже первого забега-заплыва в снегу: полетевший от места пеленгации по линии пеленга второй самолёт уже через 15 минут заметил в лесу «шарик».

Впоследствии чекистам руководство объявило благодарности и выплатило премии. Но больше всего они гордились, что им удалось... спасти собак, прежде чем те замёрзли в капсуле.

Они еще многие годы не знали, что сделали. Если бы не они, не Стариков с Телегиным, декабрьский запуск

пришлось бы повторять. Вся программа бы сдвинулась, Гагарин полетел бы не в апреле, а в мае. И мы бы оказались в космосе всего лишь вторыми.

Звёздный час

11 апреля 1961 года поступило очередное предупреждение. Но что-то особенное витало в воздухе. Начальник отдела полковник Павел Демьянович Линников перекроил график дежурств и скомандовал завтра сесть за пульт Телегину. Старикова и Николая Цыганкова, которые были назначены на смену раньше, об изменениях предупредить забыли. Обнаружив с утра, что пришли зазря, они встали и ушли. Лишив себя возможности присутствовать при историческом событии.

Никаких станций слежения на других континентах или на кораблях тогда еще не было. С Камчатки передали, что носитель отработал штатно, корабль на орбите — и наступило полное неведение. Сработала ли ориентация? Тормозной двигатель? А вдруг корабль разгерметизировался? Или парашюты не раскрылись? Щёлкнул динамик.

Пауза.

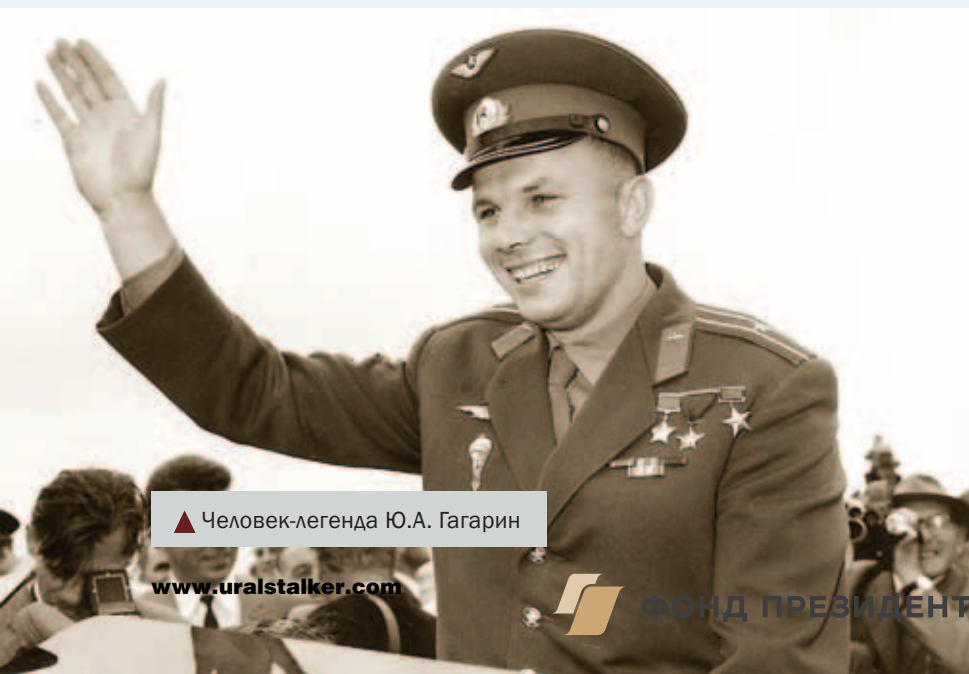
— «Базальт» передаёт: «Факел...»

Телегин и на сей раз показал класс, взял пеленг на радиомаяк Гагарина первым среди коллег. За свой вклад в покорение космоса он был награждён орденом Ленина (второй по значимости наградой в СССР), дежуривший вместе с ним 12 апреля второй оператор В. А. Луговой — орденом Красной Звезды. Вот таким окольным путём «Круги» всё-таки выполнили свою миссию. Прорыв нашей страны в космос показал всем: атаковать СССР безнаказанно не получится. Что стало лучшей гарантией мира.

Последние следы

К счастью, в наше время история идёт быстро. Ветераны космонавтики успели получить хотя бы частичку заслуженной славы. А все остальные могут купить путёвку и поллюбоваться запуском на том же космодроме, откуда стартовали и первый спутник, и Гагарин.

Но в мире теней свои законы. Здесь предают огласке только прах. К тому моменту, когда официально было рассказано об участии Телегина и его коллег в штурме космоса, их уже не было среди нас. А на том месте, где первыми услышали сигналы вернувшегося из космоса корабля «Восток-1», — теперь просто участок земли круглой формы. И сколько еще интересного о прошлом Урала хранится в стальных сейфах! ☑

▲ Человек-легенда Ю.А. Гагарин

Опасный груз

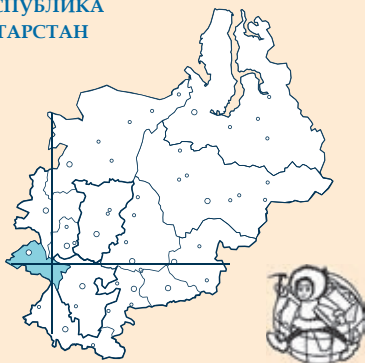
Забытые катастрофы на Урале

Юрий Мамонтов

В 1977 году закончил Армавирское училище летчиков. Служил в истребительной авиации ПВО. Летал на дальних перехватчиках в Заполярном Урале. Военный летчик 1 класса. Ветеран военной службы. Ветеран Труда.

РЕСПУБЛИКА
ТАТАРСТАН

Последний день лета. Экстренная посадка

31 августа 1972 года. Ил-18 Казахского Управления Гражданской Авиации выполнял регулярный рейс 558 Караганда — Москва. Бортовой номер 74298. Самолёт выпущен с завода в 1962 году. Самолётом управляет опытный экипаж 218-го Алма-Атинского авиаотряда. Взлёт из Караганды произведён утром в 08 ч. 31 м. Через полтора часа самолёт вошёл в зону ответственности Челябинска (траверз Троицка). Высота 7.200 метров.

Командир: «Я 74298, добрый день. Планируем пролёт Магнитогорска в десять одиннадцать. Семь двести».

«Поняли вас. Счастливого полёта».

А через несколько минут: «У нас дым в салоне и проникает в кабину. Прошу экстренное снижение и посадку вне очереди в Магнитогорске с прямой. Дым». До аэродрома Магнитогорска 45 километров.

«74298 Снижение разрешаю. Связь с Магнитогорском».

«Я 74298. На снижении. Занял четыре восемьсот. Понял с Магнитогорском». Управление самолётом Ил-18 передано диспетчеру аэропорта Магнитогорска, время 10 часов 10 минут.

«Магнитогорск подход, я 74298. Буду экстренно садиться у вас. У нас сильное задымление салона и кабины. Управление самолётом затруднено. Дальнейшее снижение».

«Разрешаю дальнейшее снижение».

«У нас пожар во втором багажнике». Ещё через две минуты самолёт вышел с курсом 295 градусов к четвёртому развороту на высоте 2700 метров. Штурман экипажа: «Командир, полоса слева под девяносто. Удаление тридцать. У нас высота большая. Снижайся. Крути вправо!»

Самолёт поперёк пересекает глиссаду. Командир выполняет разворот вправо со снижением. «Я Магнитогорск-старт, 74298 вам посадка разрешена с посадочным курсом 185 градусов. Установите давление аэродрома...».

«Старт, мы ничего не видим. В кабине сильное задымление. Шестьсот по вашему давлению. Курс девяносто».

«Плавно занимайте курс 135. Контроль высоты и скорости».

Автор благодарит за оказанную помощь, представленные уникальные фотографии музей Университета Гражданской авиации в Санкт-Петербурге, историка-исследователя, консультанта музея Геннадия Федоровича Петрова.

«Выполняю».
«74298, занимайте посадочный 185, вправо доворот».

«Выполняю. Впр...».

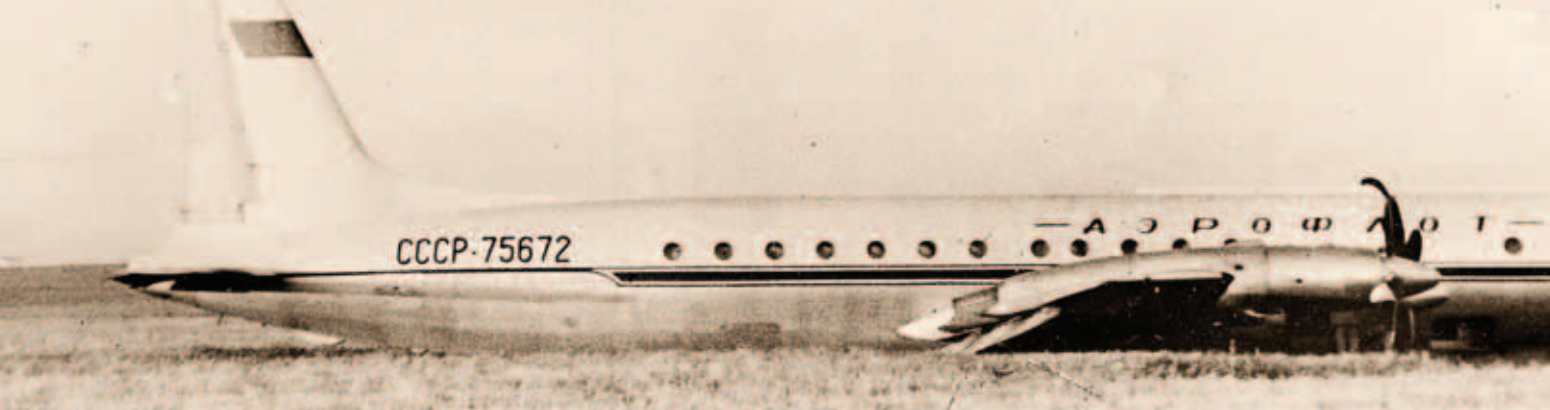
«74298, вы уходите с посадочного».
«Вы пересекли посадочный», «Борт 74298, займите посадочный!». Самолёт Ил-18 снижался и шёл в другом направлении. Время 10 часов 18 минут. До столкновения с землёй минута. В 10:19:33 самолет с убранными шасси и закрылками с курсом 250° на скорости 370 км/ч «плашмя» упал на вспаханное поле. Все находившиеся на борту 93 пассажира и 9 членов экипажа погибли.

При расследовании выяснилось следующее: примерно в 10 ч. 14 м. наступила критическая обстановка. Экипаж потерял возможность правильно управлять самолётом, так как наглотался ядовитыми выбросами от горения. Пассажиры вместе с детьми были вынуждены уйти от места горения и скопились у пилотской кабины. Центровка самолёта была сильно нарушена и не позволяла подготовить самолёт к посадке — выпустить механизацию и шасси. Командир экипажа допускал большие крены, перегрузку, РУДы (ручки управления двигателями) перемещал от взлётного ре-

жима до малого газа, переводил самолёт из набора высоты на снижение. Фактически была потеря экипажем работоспособности. Сильная задымлённость кабины не позволила выполнять визуальный полёт и видеть приборы.

Причина задымления была установлена. В багажном отсеке произошло возгорание неизвестного вещества плотной массы, состоящее из мелких кристаллов светло-серого цвета. Также среди багажа были обнаружены изделия, относящиеся к взрывчатым и заперщённым к перевозке: взрывпакеты, осветительные патроны. Следы отравляющего вещества и остатков горения обнаружены в системе сброса воздуха из пассажирской кабины, в выпускном клапане регулятора давления системы надува пассажирской кабины и на внешней поверхности фюзеляжа сразу за патрубком сброса воздуха. Всё это свидетельствовало о большой задымлённости воздуха, который сбрасывался из кабины в полете. Над вторым багажным отсеком между 48 и 50 шпангоутом выявлено разрушение тяги управления рулём направления вследствие сильного нагрева. Проникнуть в злополучный хвостовой багажник из пассажирского салона, чтобы произвести сброс за пределы самолёта всего содержимого, не представля-

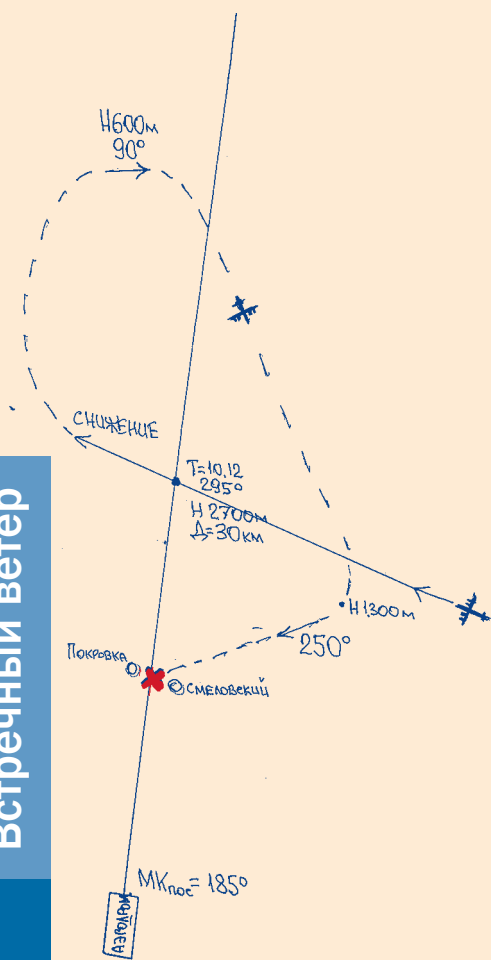

лось возможным ввиду конструктивной особенности данной модификации самолёта.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что все пассажиры погибли от отравления угарным газом до столкновения самолета с землей. Вскрытие тел членов экипажа, находившихся в пилотской кабине, показало, что полученные ими травмы при ударе самолета о землю носили прижизненный характер.

Место падения Ил-18: Башкирия, Абзелиловский район, между населёнными пунктами Покровка и Смеловский. 23 км севернее аэропорта Магнитогорск.

Моё мнение отличается от выводов комиссии ввиду отдельных «незначительных» фраз в документах, свидетельских показаний очевидцев падения самолёта в поле на пахоту, пояснений годами позже и личного опыта. При изучении документации самолёта я нашёл, что «полный обмен воздуха производится в салонах менее чем за 2 минуты», а «хвостовой багажный отсек был негерметичным по конструкции». Командир понимал, что алюминиевые тяги управления самолётом к хвостовым рулям проходят в непосредственной близости от этого отсека и могут быть обрезаны огнём в любую минуту. Каждый иллюминатор пассажирской

кабины имел по два стекла повышенной прочности и уничтожить несколько из них подручными средствами не представлялось возможным практически. Даже если, предположим, были уничтожены один или несколько иллюминаторов, приток воздуха мог только усугубить положение.

Полагаю, что развитие событий было следующим: после выхода на курс 90 градусов и занятия высоты 600 метров были выпущены шасси. Посадку Ил-18 готовился выполнять на взлётную полосу Магнитогорска. Полосу командир видеть не мог не только из-за сильного задымления в кабине, но и полётной видимости 5 км. Система обмена воздуха в салоне и кабине экипажа была забита остатками горения неизвестного вещества и окончательно пере-

стала работать. Командир начал доворот на посадочный курс (на полосу) вправо и почувствовал сильные продольные нагрузки на штурвале. В это время пассажиры скопились у пилотской кабины и центровка самолёта была нарушена. Командир снимал нагрузки триммером и понимал, что посадка на ВПП невозможна. (Руководство по лётной эксплуатации Ил-18 В подтверждает такой вывод). Шасси на уборку. Закрылки не выпускались. Время работает против командира и всего экипажа. Дальнейший полёт в таких условиях невозможен. Принято решение в кратчайшее время посадить самолёт на вынужденную. Для этого вокруг есть озёра и пахота. Не было хаотических управлений рулями и двигателями. Командир «подпрыгнул» в надежде увидеть надёжное место посадки на «живот». Он уже не слушал руководителя посадки. Жители Смеловской выдели, как над ними шёл Ил-18 со снижением в сторону Покровки на пахоту. Направление снижения было поперёк посадочного курса. Экипаж проявил героизм и мужество. Если бы в кабине у командира экипажа был противогаз с гопколитовым патроном, исход полёта был бы другим.

В наши дни надежда только на пропускной режим. Взлёт можно отменить, а вот посадку никогда. **УС**

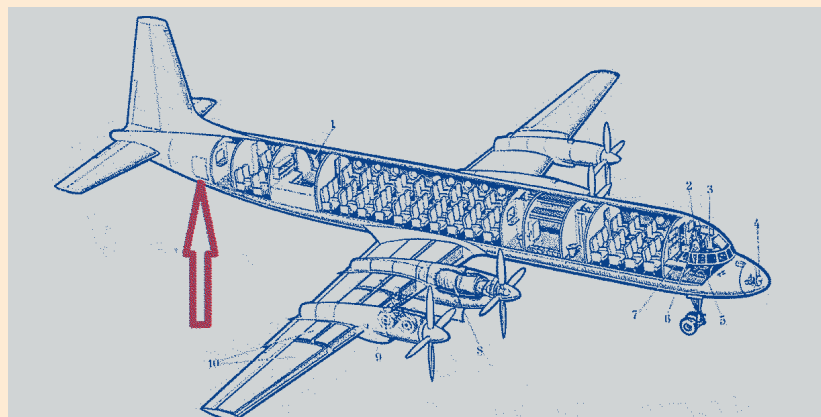
Комментарий

Владимир Катомин — ветеран гражданской авиации России. За плечами пилота много освоенных типов пассажирских и транспортных самолётов, полёты над территориями других стран. Командировка в Африку.

«Подготовка к перевозке опасных грузов очень ответственный этап. Не все грузы можно перевозить на самолётах. Существуют грузы, которые можно перевозить только на определённых типах самолётов, есть грузы, для которых определён объём для перевозки. Для других определены правила упаковки, часть можно перевозить в определённых местах в грузовой кабине. Другие можно перевозить только военными бортами. Есть перечень грузов, которые вообще запрещены для перевозки на пассажирских самолётах.

У экипажа Ил-18 не было дымазащитных масок. Едкий химический состав воздуха в кабине раздражает глаза и взвинчивает нервы. А может и лишить зрения. Всё же нужно было открыть форточку в кабине, а может, и сбросить входную пассажирскую дверь. Экипаж правильно принял решение и пошёл на вынужденную. Время работало против экипажа и пассажиров. Современный самолёт — это многотонное хранилище горюче-смазочных материалов. Чем быстрее посадишь самолёт, тем больше шансов сохранить жизнь пассажирам. Стрессовое состояние у экипажа было. Но пилоты всегда могут управлять и своим состоянием, и управлять самолётом до последнего. Продолжу ... не исключаю, что вертикальная скорость Ил-18 была высокой, экипаж «торопился» посадить самолёт. При подходе к земле командир взял штурвал на себя, положение самолёта изменилось и пассажиры «посыпались» в хвостовую часть. Центровка резко нарушилась. Произошло парашютирование и ... удар о землю. Всё же погибли пассажиры не от дыма, а от удара. Но это моё мнение. Не исключаю, что могла перегореть и тяга управления рулём высоты. А управлять по тангажу тягой четырёх двигателей не каждый командир сможет. Там нужна особая подготовка. Обиций маневр самолёта выполнен правильно, снизились, диспетчер помог, а в последнюю минуту штурман экипажа, нагловавшись опасного дыма (он сидит ближе к пассажирской перегородке), был выведен из строя и доворот на полосу влево не получился, сели перед собой.

В данном случае это чрезвычайная ситуация. В моей практике возгорания были, но мой экипаж действовал быстро и точно. Все живы».

▲ Ил-18В

Длина (м).....	35.9
Размах крыла (м).....	37.4
Высота (м).....	10.2
Площадь крыла (кв.м).....	140.0
Максимальный взлётный вес (кг).....	61 200
Вес пустого (кг).....	32 350
Максимальная коммерческая загрузка (кг).....	13 500
Ёмкость топливных баков (л).....	23 700
Максимальная дальность полета (км).....	5 400

Дальность полета с максимальной загрузкой (км).....	4 300
Максимальная крейсерская скорость (км/ч).....	625
Максимальная скорость (км/ч)....	685
Потолок (максимальная высота полета) (м).....	10 000
Длина разбега (м).....	1000
Длина пробега (м).....	800
Двигатели.....	АИ-20К, 4 x 4000 л.с.
Количество кресел (эконом).....	89
Длина салона (м).....	24.0
Ширина салона (м).....	3.23
Высота салона (м).....	2.00

Голос дороги

60 лет отряду «Каравелла»

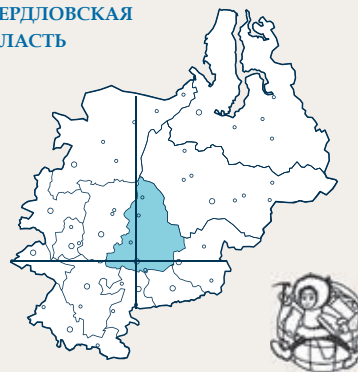
Все 60 лет в «Каравеле» существует своя песенная культура. Она создавалась постепенно, никогда не была главной, не претендовала на какую-то особую роль в жизни отряда, но именно благодаря ей, как это ни крамольно прозвучит сегодня, многие ребята и взрослые, некоторые, даже не подозревающие о существовании «Каравеллы» и книг Владислава Крапивина, до сих пор легко приобщаются к ценностям и идеологии нашей организации. Потому что «из песни слов не выкинешь...».

Вспоминаю, как в мае 1995 года мы приехали с ребятами в международный детский центр «Артек» на всероссийскую смену юных журналистов, которую проводило агентство «ЮНПРЕСС». И первое, что встретило нас на гостеприимной тёплой крымской земле, — звук знакомой песни из радиоприёмника. Правда, не на наш мотив, но весьма старательно и звучно певцы хором исполняли «Синий Краб». Следом зазвучал «Последний Марш», за ним был «Остров Сокровищ», а под финал ещё и гимн

«Маленькие барабанчики» — «Как бы крепко ни спали мы...».

Изумляло не то, что песни звучали, а то, что Советского Союза уже не существовало, всесоюзная организация была распущена, все пионерские отряды реорганизованы в скаутские или какие-то другие формы детских творческих объединений, а «Каравелла» вместе со своими песнями, формой, традициями, уставом, линейками, построениями, барабанчиками, ритуалами выглядела не просто архаично, а как-то даже неприлично консервативной, среди

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Лариса Крапивина

Командор детской парусной флотилии «Каравелла», яхтенный капитан, член Союза журналистов России, кандидат педагогических наук, Почётный работник сферы молодёжной политики РФ.

Фотографии из архива семьи Крапивиных и отряда «Каравелла».

всех других, радостно освободившихся от коммунистического гнета. И шла вперёд, упорно отбиваясь от предложений «снять красные галстуки», продолжая свой собственный путь, отстаивая интересы своего отряда среди тотального уничтожения, хаоса и разброда. Поверьте, держать прежний курс помогали не только песни, хотя они тоже поддерживали, но, прежде всего, люди, которые чувствовали, понимали, защищали. Были, конечно, и другие:

— Чего вы добиваетесь? Что кому доказываете? Зачем Вам это всё, Лариса Александровна? — не раз спрашивали меня на протяжении тридцати лет становления истории новой России.

— Да просто хотим, чтобы оставили в покое, не вмешивались и дали возможность работать с ребятами по нашим программам, как и прежде, сохраняя то лучшее, что уже есть, не навязывая того, что нам чуждо.

*«Пусть проснётся горнист,
Протрубит Общий Сбор.
Нам пора выходить на тропу,
Будут ветер и снег,*

будут пули в упор

И слова, повинцовойе пуль...»

И, быть может,

в траву упадем мы с тобой

И рассвет не пробьётся в ночи...

Но горнист никогда

не сыграет «Отбой» -

Не смогли мы его научить.

56.835008 с.ш,
60.610554 в.д
Мальшева, 68

« П И О Н Е Р »
ИСКРЕННО РАД, ЧТО
У НЕГО ЕСТЬ ТАКИЕ
ДРУЗЬЯ, КАК ВЫ.
В ПОЧТИ
М И Л Л И О Н Н О М
Т И Р А Ж Е
НАШЕГО ЖУРНАЛА
МЫ ВИДИМ
БОЛЬШОЙ ТРУД
ДРУЗЕЙ -
РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ
И ПРОПАГАНДИСТОВ.
« П И О Н Е Р »
ЖЕЛАЕТ ВАМ
УСПЕХОВ В ДЕЛАХ.

Издательство «Политиздат»
 и Свердловское отделение
 Свердловской Федерации
 Коммунистической
 молодежи
 Москва, А-21, ул. «Коммуна», 24
 Телефон 4-235-12

23 октября 1950

По инициативе редакции и редакционной
 журнала «Пионер» в городе Свердловске создан
 и действует специализированный пионерский отряд
 по месту жительства под руководством члена Совета
 пионеров ООСР И.И. Крапивина.

Отряд действует на основе принципов, положен-
 ных в основу организации работы пионерской организа-
 ции, предлагаемой методической группой, созданной при ИИ ЦОМЦК.
 В соответствии с программой специализированного отряда предостав-
 ляется право приема в отряд, признания системы роста пионеров
 в отряде, право присвоения ряда пионерских званий.

Заведующий редакция журнала «Пионер»
И.И. Крапивин (И.И. КРАПИВИН).

Встречный ветер

*Мы учили его, если грянет беда,
 Звать в атаку друзей за собой.
 Наш горнист никогда,
 никогда,
 никогда!
 Не слышал о сигнале «Отбой»...»*

Первое название группы было «БВР». Она объединяла 12 человек и просуществовала почти два года. Затем, ещё на два года, появились «Мушкетёр» и «Лесная Звезда». В них входили уже больше 25 ребят. Они все жили по соседству, могли собраться по тревоге за 15 минут и, встречаясь, чувствовали огромный магнетизм взаимного притяжения, счастья и радости от совместного бытия. Многие «прилипали» к отряду намерт-

во и не хотели уходить, потому что жизнь этого сообщества была наполнена Сказкой и зовущим гололом Дороги, где на каждом шагу события, игры, путешествия, приключения и тайны.

Взрослый мир наблюдал, не понимал, роптал и изумлялся на писателя Крапивина, вокруг которого просто кипши кипели дети.

- А где он работает?
- Нигде официально не работает, он журналист и писатель, дома книги пишет.
- И что, читают?
- Ещё как. Почтальоны пачки писем от читателей приносят.
- Ну и чего ему тогда не хватает? Работа есть, женат, вон на какой красавице, ребёнок недавно родился. Зачем он лезет воспитывать чужих детей?

- По долгу совести. На общественных началах.
- Чего-чего? Это он с утра до вечера детей воспитывает и даже денег за это не получает? Он вообще нормальный?
- Абсолютно.
- Непонятно. А на что он живёт?
- На гонорары от своих книг. Он их на ваших детей тоже тратит.
- А почему он нигде не числится?
- Деньги государству экономит.

А если серьёзно, не хочет, чтобы кто-либо ходил и приказывал ему заполнять журналы, писать формальные бумаги, проводить непонятные показательные мероприятия, от которых скулы сводит, а в детях формирует только протест и отторжение.

- И что же он тогда делает вместе с детьми?

— Выпускает стенгазеты, организуется походы, пишет сценарии, снимает кинофильмы, учит ребят фехтованию, ставит спектакли, проводит малые олимпийские игры и рыцарские турниры, стрелковые соревнования из лука и пневматического оружия...

— А когда ж он книжки-то свои пишет?

— Так вот и пишет, в свободное от отряда время...

Они появлялись и выходили одна за другой: «Рейс «Ориона», «Брат, которому семь», «Палочки для Васькиного барабана», «Оруженосец Кашка», «Бегство рогатых викингов», «Я иду встречать брата». И параллельно со всё более уверенно звучащим голосом писателя подрастал и окреп внешкольный, экспериментальный пионерский отряд «Ветер» — специальный корпус на Урале газеты «Пионерская Правда» и журнала «Пионер». Почему экспериментальный? Потому что официально разрешённые пионерские отряды создавались тогда только в школах и только в классах, где обучались ребята-ровесники. Задумайтесь сами. Это был 1965 год. Все коммунальные методики только начинали своё движение по стране. Каким будет этот непонятный никому отряд и во что всё это вырастет, никто тогда не мог предсказать и предположить. И, конечно, все испытывали страх перед неизвестностью. Но ведь «смелость, это когда человек боится и всё равно не сворачивает с дороги».

Первый символ был получен от редакции «Пионера» авансом за серию публикаций. Было решено на Совете группы, что звание отряда надо заслужить, поэтому на флаге при помощи специальных рисунков-значков будут отмечаться самые важные дела и события. Как только заполнится флаг, тогда

и быть отряду. И уже через год красное полотнище было возвращено в редакцию в обмен на яркий, алый, шёлковый отрядный флаг. На нём крупными буквами красиво написали «Пионер». И были счастливы, что обрели официальный статус. Беспризорная воляница закончилась. Началось постепенное проникновение в систему, с которой выстраивали работу исключительно по новым принципам, где добровольность, разновозрастность и внешкольность были главными.

Своего помещения тогда не было. Собирались по звеньям в квартире молодой семьи Крапивиных на Бажова, 54/5, на шестом этаже, в двух комнатах большой коммунальной квартиры с длинным тёмным коридором и шестью соседями. В одной комнате бодро наскакивал, стуча каблуками, Д Артаньян — герой нового фильма «Три мушкетёра», а в другой засыпал трёхмесячный сын Павлик — первенец и продолжатель семейной фамилии. Сборы и линейки проводили в помещении Дома писателей в старом особняке на Пушкина, 12, куда командира пускали как молодого члена творческого союза. А все тренировки и соревнования по фехтованию шли в спортзале художественного училища на Малышева, 68 или прямо всё в том же любимом уктусском лесу. Лес любили все, но об этом уже другая история. **УГ**

56.837118 с.ш,
60.609240 в.д
Пушкина,12

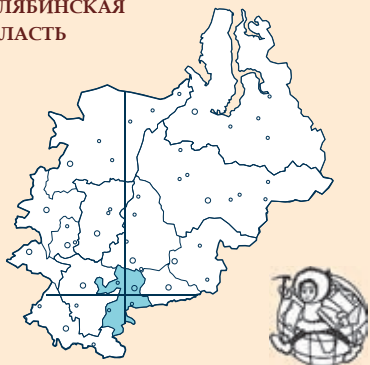
Полковой оркестр

Мокшанский полк на сопках Маньчжурии

▲ Вид на город Златоуст (северо-западная часть), фото Проскудина-Горского 1910 года

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Части корпуса, формируемого в Златоусте для отправки на русско-японский фронт, в июне 1904 года посетил сам император Николай II и его брат Михаил. В одном из полков его служил в это время капельмейстером Илья Шатров, прославивший подвиги однополчан в знаменитом вальсе «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии», посвященный погибшим.

Андрей Заец

Сотрудник Центра военно-исторических исследований Муниципального музея Памяти воинов-интернационалистов «Шурави», город Екатеринбург.

Фотографии
из архива автора

На момент начала Русско-японской войны в Златоусте были расквартированы 1-й батальон и управление 214-го Мокшанского резервного полка, входившего в состав 54-й резервной бригады генерал-майора Николая Александровича Орлова. Командовал полком полковник Павел Петрович Побыванец. Второй батальон находился в Екатеринбурге.

Мобилизация

О том, каким напряжением для Златоуста стало развертывание резервных полков, говорит тот факт, что на-

селение города в тот период не превышало 30 тыс. человек, а значит, с прибытием мобилизованных одновременно увеличилось почти на треть. Кроме того, распоряжением властей в городе были закрыты все пивные и винные лавки, что для уральских мастеровых стало испытанием не меньшим, чем недостаток хлеба.

Днем начала пятой частичной мобилизации на Урале было объявлено 31 мая. Всего в Златоустовском уезде призыву на действительную службу подлежало до 300 человек, остальной личный состав прибывал со всего Ура-

ла. В первых числах июня в Златоуст начали прибывать мобилизованные. Так, уже 2 июня по железной дороге в Златоуст прибыли резервисты из Саткинского завода. Из северной, сельскохозяйственной части Златоустовского уезда,

► Командир 214 полка П.П. Побыванец

мобилизованные прибывали на подводах по Бирскому тракту. Корреспондент «Уральской жизни» писал: «Город сразу стал неузнаваем... казалось, будто целый уезд направился в свой центр. Не так много солдат, как провожающих. На каждую сотню мужчин приходится 3-4 сотни женщин и детей. Пьяного шума не замечается. Слышен только плач: женский, детский. Будущие герои выглядят бодро».

В казармах смогли разместить только 214-й полк, остальные находились на постое у обывателей. Для питания двух полков, а это около 8 тыс. человек, были устроены полевые кухни, под выпечку хлеба заняли все пекарни, что сразу отразилось на ценах для населения. В сутки одному полку требовалось 313 пудов 11 фунтов печеного хлеба.

Первые четыре мобилизации, объявленные в Казанском военном округе в начале 1904 г., не затронули 214-й резервный полк. Лишь 27 мая было объявлено о «приведении в усиленный состав», в числе прочих, и 54-й резервной бригады. Причем 54-я бригада превращалась сразу в 5-й Сибирский армейский корпус. Командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант Леонид Матвеевич Дембовский. Дивизии корпуса получили номера 54-й и 71-й пехотных. В 1-ю бригаду 54-й дивизии и должен был войти 214-й Мокшанский пехотный полк. Результатом такого решения стало требование к формированию на базе 214-го резервного полка сразу двух пехотных полков. 1-й резервный батальон разворачивался за счет мобилизованных в 214-й Мокшанский полк под командованием полковника Павла Петровича Побыванца в составе 54-й пехотной дивизии, 2-й резервный батальон – в 282-й Черныярский полк в составе 71-й пехотной дивизии. Командова-

ние полком принял полковник Иосиф Никанорович Тихонов.

Прием приписного состава, развертывание и боевое слаживание полков планировалось в Златоусте, поэтому 3 июня 2-й резервный батальон под командованием капитана И.И. Альбокинова был переброшен по железной дороге из Екатеринбургa в Златоуст.

Напутствие Императора

После сколачивания подразделений началась подготовка к отъезду на фронт. В связи с этим части корпуса посетил сам император Николай II и его брат Михаил. Утром 30 июня 1904 г. специальный поезд прибыл в Златоуст. День выдался по-уральски пасмурным, холодным, то и дело сыпался дождь.

К приезду высочайших

► Командир 282-го полка И.Н. Тихонов

особ городские власти срочно выровняли плац военного городка и отремонтировали шоссе, ведущее от вокзала в город. Император проследовал в военный городок, находившийся примерно в версте от вокзала, где его уже ждали 214-й и 282-й полки. Личный состав был в походной форме, построен по-батальонно, в тылу батальонов находились полковые обозы и патронные двуколки. После объезда полков состоялось прохождение церемониальным маршем, а затем: «Государь Император выехал на середину фронта и в милостивых выражениях напут-

ствовал полки в поход, благословив при этом святыми иконами». В тот же день императорский поезд покинул Златоуст, отправившись снова на запад.

Боевое знамя

3 июля на главной площади Златоуста было освящено боевое знамя 282-го Черныярского полка, а уже 4-го город провожал 214-й Мокшанский полк. Для нижних чинов за счет пожертвований горожан было устроено угощение на плацу военного городка, господ офицеров чествовали в клубе, причем командиру полка полковнику П.П. Побыванцу от Златоустовского казенного оружейного завода была вручена сабля с гравировкой. 11 июля так же проводили 282-й Черныярский полк, только угощение солдат было организовано на соборной площади.

В Маньчжурии

За месяц по Транссибирской магистрали полки добрались до Маньчжурии, и 31 июля 1904 г. 214-й полк разгрузился в Мукдене. Через несколько дней эшелонами прибыл и 282-й полк. Во время сражения под Ляояном 214-й и 282-й полки были задействованы мало: 214-й полк обеспечивал левый фланг всей армии от возможного японского обхода на Мукден, а 282-й полк находился в отряде генерал-майора Кондратовича, который обеспечивал правый фланг армии.

Сражение под Ляояном

26 августа 282-й полк был вновь переброшен на левый фланг, где вместе с батальоном 214-го полка вошел в состав отряда генерал-майора Экка. Ввиду подобной диспозиции полки больше перемещались по залитым грязью дорогам, чем находились под огнем, и Ляоянское сражение прошло для них практически без потерь. В сражении на реке Шахе 214-й и 282-й полки вошли в состав отряда генерал-лейтенанта Реннекампа, который был призван обеспечить опять же левый фланг всей армии наступлением в направлении

▲ Златоустовский завод и Троицкий собор, 1910 г.

► В Маньчжурии

на Бенсиху. Атаки 26 и 28 сентября успеха отряду Ренненкампа не принесли. В ночь на 29 сентября 282-му полку удалось занять одну из сопок, но утром батальоны попали под сильный огонь с соседних высот, и были вынуждены вернуться в исходное положение. Так и не взяв Бенсиху, 30 сентября Реннекамampf начал отход к Бели-

▼ Журнал боевых действий 214-го Мокшанского полка

пузе. Командир 282-го полка полковник И.Н. Тихонов за участие в боях под Ляояном и Бенсиху был удостоен орденов Св. Станислава и Св. Анны первых двух степеней и золотым оружием. После сражения на реке Шахе его сменил подполковник Алексей Сергеевич Полянский.

начался массовый отход оровайцев с позиций. Для восстановления положения начальник штаба 54-й дивизии полковник П.А. Коцебу направил две роты 214-го Мокшанского полка. Роты возглавил лично полковник П.А. Коцебу и командир 214-го полка полковник П.П. Побыванец. По некоторым сведениям, Побыванец приказал выдвинуть вперед полковое знамя и оркестр. Бегущие были

▼ Император во время смотра под Златоустом беседует с нижними чинами

▼ Вид на город Златоуст с Александровской сопки

остановлены, возвращены в окопы и до 14 часов отбивали все атаки японцев.

Между тем, во второй половине дня 19 февраля японская пехота охватила позиции 1-й бригады 54-й дивизии с трех сторон, простреливая Шоуялинзу фланговым огнем. Во избежание уничтожения всей бригады, начальник 54-й дивизии приказал отойти к деревне Бейтайзыинь. Японцы атаковали Бейтайзыинь утром 20 февраля, причем в этот раз главный удар пришелся на 214-й Мокшанский полк. Бой продолжался в течение всего дня, и под вечер мокшанцам удалось удержаться только с помощью двух батальонов 213-го Оравайского полка.

Натолкнувшись на упорное сопротивление частей 54-й дивизии, 21 и 22 февраля японцы на ее участке ограничились перестрелкой. Одновременно совершался обход всего правого фланга русских армий с выходом к железной дороге в их тылу. Поэтому уже вечером 22 февраля последовал приказ главнокомандующего о включении 54-й дивизии в состав отряда генерал-лейтенанта С.Н. Мылова для прикрытия линии железной дороги. Сосредоточившись в деревне Цуэртунь, 1-я бригада 54-й дивизии начала атаки против 9-й японской дивизии, выходящей к линии железной дороги. Особого успеха эти атаки не принесли, но позволили вывести части 2-й и 3-й армий из возможного окружения.

Последний бой

Последнее боевое столкновение 214-го Мокшанского полка с японцами произошло у станции Синтайцзы. В 23 часа 26 февраля командующий 2-й армией генерал Каульбарс лично приказал командиру 1-й бригады 54-й дивизии генерал-майору Петерову: «Немедленно займите позицию у станции Синтайцзы, и, если хоть один японец пройдет, я вас и ваших командиров отдам под суд». К 23 часам 214-й и 213-й полки заняли боевые позиции по северному берегу реки Илу.

У железнодорожного моста через реку Илу оборонялись две сводные роты 214-го полка, у моста перед деревней Илу — четыре сводные роты 213-го полка. Ночью через позиции 1-й

▼ Обложка для нот

► Русский вальс начала XX века, посвященный погибшим в Русско-японской войне воинам 214-го резервного Мокшанского пехотного полка. Автор — военный капельмейстер полка Илья Алексеевич Шатров

бригады прошли части 9-й и 61-й дивизий, но 22-я дивизия еще продолжала отход, когда в предрассветных сумерках перед позициями появились японцы.

Перед рассветом 27 февраля по всей линии началась перестрелка. Под прикрытием ружейного огня японская батарея развернулась в 600 саженьях от позиций и в половине восьмого начала обстреливать позиции бригады шрапнелью. Основной удар японцы направили вдоль Мандаринской дороги на деревню Илу, при этом, из-за изгиба реки Илу, мокшанцы получили возможность вести фланговый огонь по японским цепям, атакующим оровайцев. В результате, атака на Илу была отбита, а 22-я дивизия к 10.30 без потерь прошла в наш тыл. Около 11 часов 27 февраля, начиная с левого фланга, 1-я бригада

чинов, ранеными — 16 офицеров и 785 нижних чинов, еще один офицер и 235 нижних чинов пропали без вести. За боевые заслуги полк получил особые отличия: офицеры — нагрудные знаки, а солдаты — знаки на головные уборы «За отличие в Русско-японской войне 1904–05 гг.».

В марте 1906 г. на Дальнем Востоке был расформирован 282-й Черноярский полк, офицеры вернулись

▲ Знак на головной убор солдат и офицеров

начала отход.

Вечером 27 февраля генерал-майор Петеров собрал около Телина всех, кто уцелел в Мукденском сражении из состава 213-го и 214-го полков. Бой стал роковым и для командира 214-го полка полковника П.П. Побыванца. Уже во время отхода с позиций командир полка был ранен в бедро осколком снаряда. Полковник отказался от эвакуации, пока с позиции не будут вынесены все раненые полка. В результате он был эвакуирован последним, и медицинская помощь запоздала. Павел Петрович скончался в санитарном поезде на станции Гунжулин. Тело командира 214-го Мокшанского полка полковника П.П. Побыванца было перевезено в Златоуст и 25 мая 1905 г. захоронено в ограде Симеоновской церкви станционного поселка. Ввиду больших потерь 54-я дивизия все остальное время до окончания войны находилась в резерве.

За боевые заслуги

Всего в Русско-японской войне 214-й Мокшанский полк потерял убитыми 7 офицеров и 216 нижних

чинов, а запасных демобилизовали. 8 мая 1906 г. 214-й Мокшанский полк вернулся в Златоуст.

Памяти павших

Последнее, о чем хотелось бы упомянуть в связи с уральскими полками. Именно в 214-м Мокшанском полку в 1903–1910 гг. служил капельмейстером Илья Алексеевич Шатров. Родившись в 1879 в г. Землянке Воронежской губернии, Шатров в 1903 г. становится капельмейстером 214-го Мокшанского полка. За бои под Мукденом и другие военные заслуги И.А. Ша-

Мокшанский полкъ на сопках Манчжуріи.

Вальсъ.

INTRODUCTION.
Andante. Грустно. Соч. И. А. ШАТРОВА. Оп. 8.

Piano.

Разговоръ осиротѣлыхъ женщинъ.

Разговоръ солдатъ.

Соп анима съ душою. Увлекайся.

Valse.

1. 2.

© Шатровъ И. А. Мокшанск. С. Спаская ул. соб. д. 120

тров 20 января 1906 г. был награжден орденом св. Станислава III ст. с мечами. Подвиг музыкантов, поднявшихся в рукопашный бой со своим капельмейстером, стал символом непобедимости русского духа. Еще находясь в Маньчжурии, Илья Шатров написал вальс «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». Со временем первая часть названия исчезла, были написаны слова на эту музыку, ставшей известной в России песней «На сопках Маньчжурии», как нетленный памятник всем погибшим в той незначительной войне. ▼

▼ Оркестр 214-го полка и его капельмейстер И.А. Шатров

Косач и капалухи

Под токовую песнь тетерева

▲ Косач и капалуха

Николай Плотников

Проживает в городе Лысьва Пермского края. Является членом Русского географического общества и членом Союза фотографов дикой природы России.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Фотографии автора.

www.uralstalker.com

Апрель — время активного токования тетерева-косача на Урале. Затаившись за скрадком темной ночью в правильном месте, мы сможем услышать под утро самую токовую песнь, а через некоторое время увидеть и силуэты красавцев-токовиков.

Есть в природе уникальное явление, которое называется ток птиц семейства тетеревиных. Конечно, весной, во время брачного периода, токует все птицы, но таких представлений, как

у косачей или глухарей, у других видов не увидишь. Запечатлеть это зрелище на фототехнику желает любой фотограф дикой природы. Снимки токовиков ценятся всегда, ведь сделать их

▼ Утро на току

▲ Цель вижу

очень не просто. Вот и готовы фотонаaturalисты испытывать различные лишения ради пары удачных кадров.

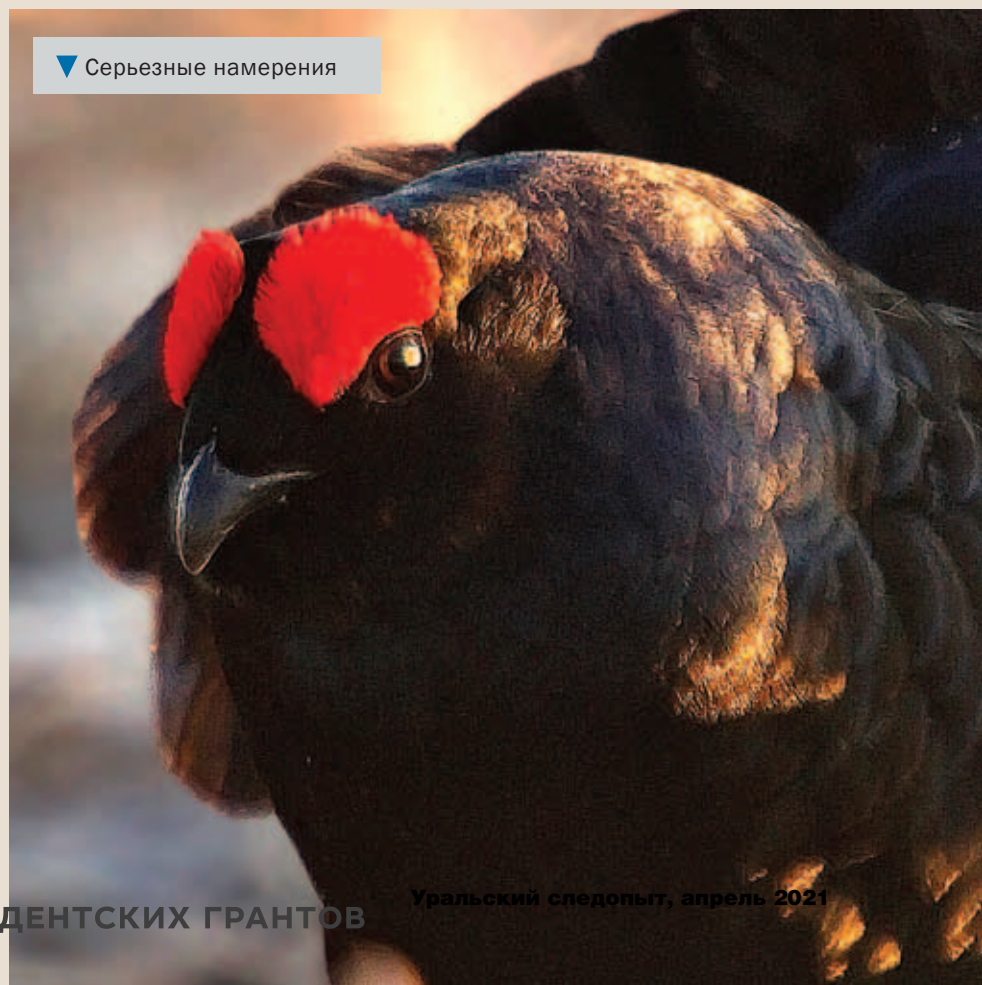
Однажды, пасмурным осенним днем, пришла мне в голову мысль, что не плохо бы снимать ток тетеревиных птиц. Как и все современные люди, я залез в интернет в поисках информации. К моему разочарованию, было найдено огромное множество статей о том, как добыть птиц на току, но крайне мало на тему фотосъемки этих созданий. Пришлось изучать и то и другое, чтобы создать более полную картину. До середины марта следующего года бесконечно перечитывал собранную информацию: как выглядит токовой помет, где искать токовище, также общие сведения о птицах и их поведении, вдобавок просмотрел десятки часов видео. Вскоре настала пора поисков заветного места, где косячи на утренней зорьке устраивают побоища ради одной цели — продолжение рода.

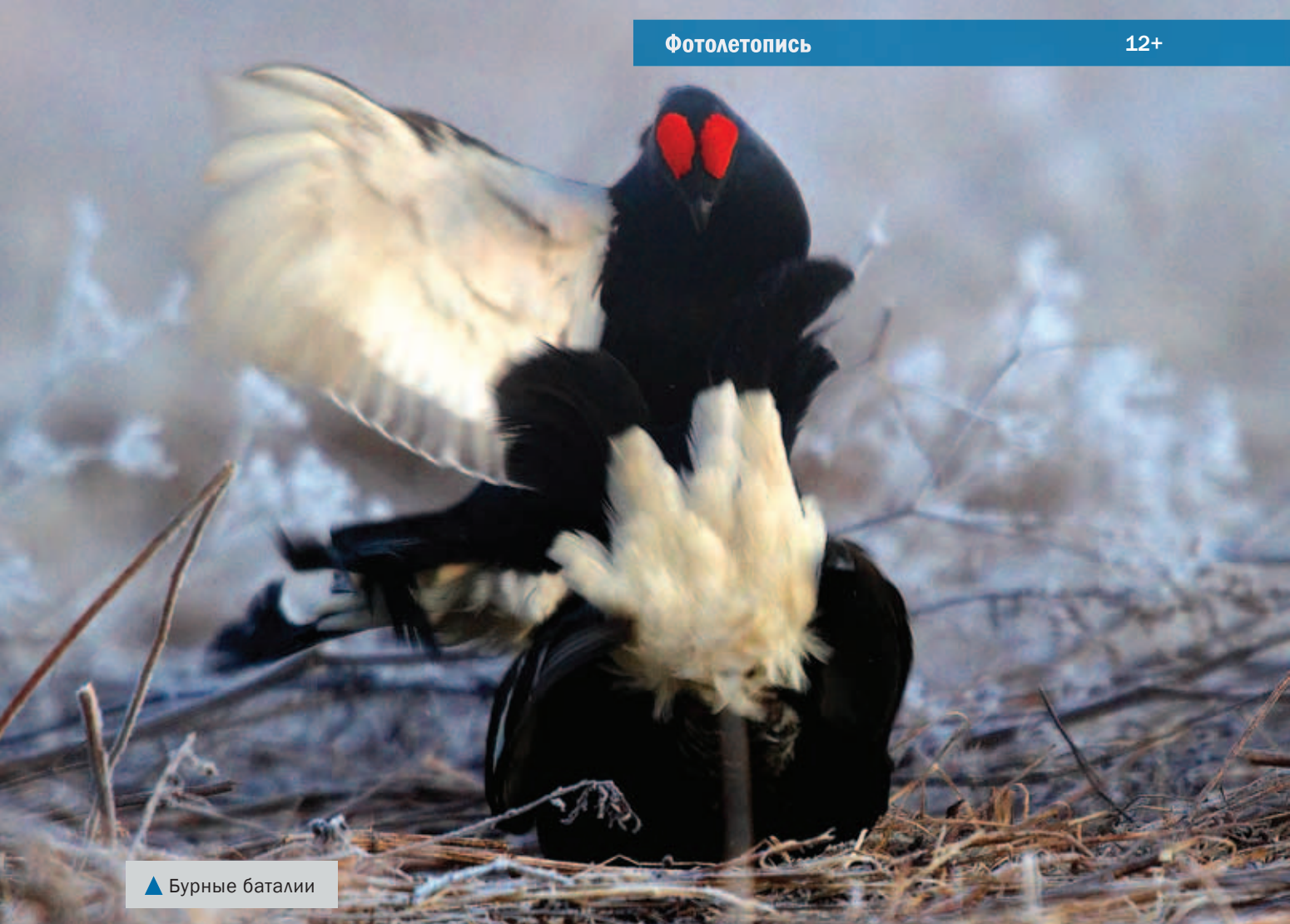
Самостоятельные поиски тока результатов не принесли. Логически поразмыслив, решил, что помочь мне смогут только охотники. С просьбой о такой помощи пришлось обратиться ко всем знакомым добытчикам мяса, пушнины и чучел, да только пора токования птиц к тому времени уже прошла и оставалось ждать следующего года. Охотники — люди интересные. Как оказалось, ни за что они не расскажут вам, где токует птица. Мотивация этого проста: если я сам их всех не перестреляю, значит, расскажу кому-то, а те (кому расскажу) обязательно добудут

весь ток, и переубедить их в этом невозможно. Несомненно, общение с подопечными Артемиды принесло свои результаты, но, к сожалению, желаемого не случилось. Хотя ток найден не был и завершался очередной токовой сезон, мне открылась масса новой информации, и оставалось снова дожидаться апреля и продолжить поиски.

Сколько еще времени было потрачено в поисках токового помета, количество вырванных в бою черных с металлическим отливом перьев, наверно, и сам не вспомню, а искомое все не находилось. Но вот как-то на майских праздниках фортуна повернулась ко мне лицом! Ток был найден! Первые снимки я пытался сделать в окно авто-

▼ Серьезные намерения

▲ Бурные баталии

мобилия, но ближе, чем на полсотни метров, тетерева меня не подпускали. Такой расклад, естественно, не устраивал. Несколько дней я наблюдал из машины токование косачей, но хороших снимков сделать так и не получилось. Выяснив расположение токовых участков птиц, решено было действовать. Под небольшой елочкой, почти в самом центре токовища, рассчитывая на уникальные снимки, поставил скрадок (специально сшитая палатка из камуфлированной ткани). В три часа ночи вернулся в свою замаскированную палатку, а на рассвете меня постигло разочарование. Косачи, приметив неизвестный им предмет на поле, переместились на метров сто пятьдесят. Очередной токовой сезон заканчивался, хоть снимков и не было, была обожванная надежда на успех в следующем году.

Еще до наступления осенних холодов на найденном месте я поставил каркас шалаша из жердей для будущего скрадка. Делается это для того, чтоб птица привыкла, поняла, что данное сооружение безопасно. В начале марта следующего года мне предстояло снова вернуться сюда. Откопав свое со-

www.uralstalker.com

▼ Скрадок фотографа

▲ Соперники на токовище

ружение от снега, набросал веток, чтоб появились очертания стен, и уехал домой ждать начала токования тетеревов. В середине апреля тетерев-косач начинает активно токовать, и хоть снега еще было по колено, ранним утром я пришел опять. На этот раз целью было выяснить, не переместилось ли токовище снова куда-нибудь и, вообще, не перебили ли ток охотники? К счастью, все было хорошо. Весь следующий день был потрачен на строительство скрадка. В нем мне предстояло провести несколько ночей, а ночи в апреле еще бывают достаточно холодные, нередко температура опуска-

ется до десяти градусов, так что строить пришлось основательно, чтоб ветер не продувал, дождь не мочил, мороз не морозил. Тогда мне думалось, что осталось только решить: с вечера заселяться в шалаш или прийти ночью, пока тетерева спят — но я ошибался. Тетерев-косач, как и большинство птиц, токует только при определенных погодных условиях. Дождь или сильный ветер, слишком теплая погода — все это делает птиц пассивными, тока в такую погоду не будет. Вот и пришлось мне опять отложить долгожданную съемку, выжидая подходящую погоду.

Погода пришла через неделю. Устроившись еще до заката в своем шалаше, от безделья и чтобы погреться, варил на газовой горелке чай. К трем часам ночи столбик термометра остановился на отметке минус двенадцать. Холодно. Холодно и тихо. И вот в половине четвертого тишину нарушило тяжелое хлопанье крыльев какой-то птицы. Началось! Надо сказать, что к этому времени я уже основательно замерз, а выпитый чай уже давал о себе знать.

Ночь за моим скрадком наполнилась токовой песней, но только через полчаса в темноте стали разли-

чимы силуэты токовилов. Не дождавшись и шести утра, косачи снялись и улетели. Как ни странно, но меня это обрадовало. Наконец появилась возможность избавиться от выпитого чая, а чтоб хоть как-то согреться, мне пришлось почти бежать к машине, так и не сделав ни единого снимка. Ток на моем поле разделился на две части. Две группы петухов токовали на расстоянии пятисот метров друг от друга, и когда на какой-то участок прилетали копалухи (так называют самок тетерева), туда же летели и все самцы с другого участка. В этот момент мне и повезло выйти, не распугав птиц.

Эта весна ясными деньками нас не баловала, только через несколько дней прогноз снова пообещал подходящую погоду. С учетом предыдущего опыта, запас теплых вещей был сделан с расчетом на минус двадцать, а чтоб не мучиться долгими ожиданиями, только в три часа ночи я устроился в скрадке, ожидая представления. Как и в прошлый раз, словно по часам в три тридцать захлопали крылья приземляющихся птиц, а следом началось «чужырканье». Едва заметные на снегу силуэты прыгали, размахивали крыльями, пытаясь показать свое превосходство над соперниками. Светало. Ожидая восхода солнца, мне оставалось только наслаждаться зрелищем. Едва первые лучи окрасили в теплые цвета макушки деревьев, меня опять постигла неудача, петухи покинули место сражений, расевшись по деревьям, а через полчаса и вовсе разлетелись по своим делам.

Следующей ночью все повторилось с изумительной точностью.

Подняв светочувствительность своей камеры почти до максимума, я начал пытаться снимать птиц, едва они стали различимы. В половине шестого прилетели капалухи, и тут ток наполнился невообразимой активностью. Я снимал, опуская светочувствительность пропорционально приближению восхода. И вот первые лучи солнца коснулись прошлогодней травы, окрасив ее в ярко-красный цвет. В этом удивительном освещении косачи токовали еще пару минут, дав возможность сделать несколько кадров. Едва солнце поднялось над горизонтом, только что бушевавшие страсти стихли и все разлетелось подкрепиться после бурных баталий.

Тогда мне пришлось испытать настоящую эйфорию. Конечно, не уникальные, но достаточно интересные

снимки были сделаны. Пусть затраченные усилия и не оправдались с первого раза, но полученный опыт в будущем оказался не лишним. Еще несколько раз в этот сезон мне удалось встречать рассвет под токовую песню тетерева, каждый раз испытывая волнение и неопикуемый восторг.

После увиденного на токовище мне сложно понять людей, которые стремятся оказаться на подобном месте только с целью добычи. Мне хочется надеяться, что снимки этих птиц заставят хоть кого-то пересмотреть свое отношение к охоте на этих чудесных птиц. Я же снова жду токового сезона, строю новые планы на съемку этих удивительных лирохвостых созданий, украшающих своим присутствием весенние просторы. **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

◀ Тетерев лирохвостый

Тетерев на Урале

Сергей Зимин

С 2017 года работает в ФГБУ «Государственный природный заповедник «Вишерский». Окончил Вятскую сельскохозяйственную академию. Биолог-охотовед. Занимается изучением охотничье-промысловых млекопитающих.

На этот раз тайга встретила меня молчанием. Перед полевой командировкой наш специалист по птицам Василий Колбин напутствовал, чтобы я обращал внимание на пернатых обитателей. Но позади уже три дня таежной жизни, а мною так и не были отмечены ни вездесущие клесты (верный признак неурожая еловой шишки), ни проворные синицы, даже шумные кедровки и те куда-то откочевали в поисках лучшей доли.

Поэтому спугнутый мною красавец тетерев-косач на склоне хребта Чувал, с шумом вылетевший из-под снега, заставил очнуться от задумчивости, и я, с восторгом глядя ему вслед, вспомнил свои молодые годы, когда ходил за ними на охоту «из-под лунок». Что ж, в январе у нас на охраняемой территории не часто увидишь этого красивейшего родственника фазана.

Лирообразный хвост

Тетерев (*Lyrurus tetrix* L.) – распространённая птица семейства фазановых, обитающая в лесной, лесостепной и частично степной зоне Евразии. На всем протяжении ареала оседлая либо кочующая птица селится на лесных опушках, вдоль кромки леса, в до-

линах крупных рек. В окрасе ярко выражен половой диморфизм. Самец легко узнаваем по блестяще-черному оперению с фиолетовым или зеленым отливом на голове, шее, зобу и пояснице, ярко-красным бровям и контрастно-белому подхвостью. На первостепенных и второстепенных маховых перьях выражено «зеркало», которое занимает значительную часть крыла. Рулевые перья хвоста черные с фиолетовым отливом, крайние рулевые сильно загнуты в стороны, из-за чего хвост приобретает лирообразную форму.

Самка пестрая, рыжевато-коричневая с поперечными серыми, темно-желтыми и черно-бурыми полосками. Внешне она похожа на самку глухаря, однако мень-

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

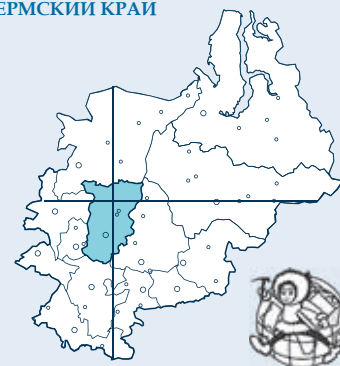

Фото Константина Карасева

ше размером (40–45 см и 0,7–1,0 кг), с белыми зеркалами на крыльях и белым подхвостьем.

Держится стаями

Тетерев обычен на всей территории заповедника до горных лугов включительно. Зимой он встречается в горном березовом криволесье или в речных поймах. Птица общественная — в сезон размножения и особенно в зимние холода держится стаями. С конца марта они начинают посещать тока, в районе которых проводят апрель, май и часть июня, кормясь ягодами и зелеными частями растений. Тока в запо-

веднике «Вишерский» чаще всего расположены на открытых сфагновых болотах, а в горных районах на субальпийских лугах.

Самки издают быстрые кудахтающие крики «ко-ко-ко», самцы звонко и продолжительно бормочут либо, в случае приближения опасности, издают крик «чуу-ишш». Громкое пение самцов чаще всего слышно во время токования, которое в заповеднике начинается со второй половины апреля до конца мая.

Вот как описывает тетеревиный ток русский писатель Ф. А. Арсеньев: «Тетеревиный ток имеет особенную, ни с чем несравнимую прелесть, особенно на местах не разбитых, где бывает хороший слет косачей, где несколько штук токовилов начальствуют на токовище и вступают между собою в отчаянное побоище. Гортанные звуки льются неумолкаемо. Беспреданное чувывканье, припрыгивание, карканье, хлопанье крыльями раздаётся со всех сторон, а в лесу доносится кококанье тетерок, сильно разжигающее самцов до шее, как челноки, шмыгает тетеревьё мимо шалаша, и не налюбуешься на их молодцеватость, на яркие, кровавого цвета брови, на блестящее, как полированная сталь, оперение...».

Творческие люди нередко сравнивают тетеревиный ток с театральным представлением по всем правилам жанра, когда усталые актеры сходят со сце-

ны после удивительного представления и после закрытия занавеса восхищенные зрители еще долго вспоминают это чудесное зрелище.

Время разгара тока изменяется в зависимости от метеорологических условий года. Время спаривания приходится на начало или середину мая, после чего самки перестают посещать тока, самцы же продолжают токовать долгое время. Гнездо устраивается чаще всего на сухих, сильно захламленных участках. Максимальное число яиц в кладке может достигать 11 штук, в среднем — 7.

Успешность размножения тетерева зависит от температурных условий июня. Как и у глухаря, кладки яиц тетерева при возврате весенних холодов нередко гибнут целиком, и некоторые тетерки остаются без выводка. Знаменитый зоолог О. И. Семенов-Тянь-Шанский сообщал, что яйца, оставленные на холоде на срок более 6 часов, практически остывают до температуры окружающего воздуха, и считал, что при температуре выше 0° С яйца хорошо переносят даже длительные периоды инкубации. Ученые, изучая процессы инкубирования тетеревиных яиц, искусственно создавали перерывы в их нагревании.

Выяснилось, что на разных стадиях периода насиживания эмбрионы имеют различную выносливость. В течение первых трех дней инкубации

достаточно перерыва в нагревании на 2–3 часа, чтобы вызвать гибель эмбрионов. На последних стадиях насиживания эмбрионы тетерева могут переносить перерыв в нагревании в течение двух и даже трех суток. Первые встречи выводков могут приходиться на конец июня. Молодые тетерева быстро растут, но только в середине сентября заканчивают вторую линьку и тогда почти не отличаются по внешнему виду от взрослых. В период линьки (июль–август) тетерева придерживаются главным образом высокоотравных мест, например, густых зарослей кипрея. Они обладают хорошим зрением и слухом — в случае опасности быстро взлетают и удаляются на дальнее расстояние. В сентябре–октябре отмечены случаи, что косачи снова посещают тока и при этом могут бормотать вполне азартно.

Много врагов

В период с 2008 по 2020 гг., по результатам зимних маршрутных учетов в заповеднике «Вишерский», средняя встречаемость тетеревов на 10 км пути варьируется с 0,1 до 1,2 особи. При этом максимальные значения были отмечены в 2010 и 2017 годах. На восьми модельных токах ежегодно отмечается в общей сложности около 30–35 токующих самцов.

Тетерев по характеру обеспечения зимними кормами, по сравнению

с другими тетеревиными птицами, занимает особое положение. Зимой, в сильные морозы, кормится один раз в сутки, ненадолго выбираясь из-под снега. В его зимнем питании ведущее место занимают «сережки березы». Согласно анализу содержимого зобов, в зимний период в Печоро-Ильчском заповеднике 45% составляют «сережки» березы, 25% — почки и побеги лиственных пород, 20% — «озимь» хвойных пород, 5% — побеги черники и 5% — ягоды.

Приведенная характеристика зимнего кормового режима отнюдь не позволяет сделать вывод о том, что он всегда обеспечен кормами в одинаковой степени. В данном случае в наиболее выгодных условиях находится глухарь, основной корм которого хвоя, которая встречается в неограниченных количествах. Питательные свойства хвои достаточно высоки, и глухарь к концу зимы не теряет в весе. Зимние корма тетерева хоть и не уступают в питательности (тетерев, так же как и глухарь, за зиму не худеет), но их состояние находится в прямой зависимости от урожая березовой сережки и этот урожай подвержен колебаниям. Поэтому миграции тетерева имеют более отчетливый характер по сравнению с другой боровой птицей (глухарь, рябчик, белая куропатка) и наблюдаются чаще. К примеру, в Печоро-Ильчском заповеднике в 1941 году наблюдался налет

тетеревов из других районов и было отмечено увеличение численности более чем в 14 раз. Зимние оттепели, вызывающие обледенение ветвей и образование на поверхности снега настовой корки, оказывают на численность тетерева отрицательное влияние. На обледенелых ветвях птице труднее держаться, покрытые ледяной коркой почки и сережки деревьев менее доступны и менее полноценны как корм, так как на их разогрев тратится дополнительная энергия. Наст мешает тетереву зарываться в снег и использовать его как убежище от холода.

Питание тетерева в бесснежный период года почти исключительно на поверхности почвы. Основное значение имеют ягоды, зеленые части растений (в первую очередь побеги черники), насекомые (наибольшее значение имеют муравьи). В целом летний рацион очень богат и может состоять из 105 видов пищи (разнообразные семена, побеги, насекомые, ягоды и почки).

В шестидесятых годах прошлого века в Печоро-Ильчском заповеднике проводились работы по кольцеванию тетеревов на токах. По возвратам было установлено: три самца были отловлены через год в 1 км, один самец вторично пойман через год в 9 км, а также два самца добыты охотниками (через полгода в 7 км и через год в 3 км соответственно). Эти сведения показывают, что, когда тетерева не подвержены

миграциям, они придерживаются своих токовищ.

У тетерева достаточно много врагов. В питании различных хищников, по данным сотрудников Печоро-Ильчского заповедника, тетерев составляет у ястреба-тетеревятника 34%, сарыча – 32%, орлана-белохвоста – 22%, беркута – 21%, куницы – 18%, соболя – 15%, горностая – 17%.

В литературных источниках 1960-х годов отмечалась высокая численность тетеревов в ряде районов Тюменской области (Дубровинский, Вагайский, Байкаловский, Тобольский, Уватский и Самаровский), где нередко встречались тетеревиные тока с числом самцов 100–150 шт., а осенние стаи составляли 200 и более птиц. В 40-х годах

прошлого века в соседнем Печоро-Ильчском заповеднике, на сфагновых болотах, наблюдались тока, где также насчитывалось до 200 птиц. В те годы промысел боровой птицы имел широкое распространение в нашей стране. Эта дичь была объектом оживленной торговли на внутреннем рынке и экспортировалась за границу. Например, в 1931 году было заготовлено 4755 тыс. штук боровой птицы, где тетерев имел существенную долю. В послевоенные годы заготовки боровой упали и составляли до 700 тыс. шт. в год. В те времена специалисты отмечали, что в лесной зоне Среднего Урала большое влияние на снижение численности тетерева оказывала концентрация зерновых посевов на сравнительно больших площадях, с применением большого количества техники и небрежного применения ядов и минеральных удобрений, что подтверждалось большим количеством сообщений об отравлении птиц. Сейчас такие стаи тетеревов на Северном Урале уже давно не фиксируются. Например, по сведениям охотников г. Североуральска, в конце 1990-х годов возле п. Калья ежегодно наблюдалась стая тетеревов из 200–300 особей. Сейчас там, со слов местных жителей, обитает всего несколько десятков птиц.

Тетерева оставили след и в культурном наследии некоторых народов. Например, в альпийских народных танцах используется образ токующего тетерева. **УС**

Династия талантов

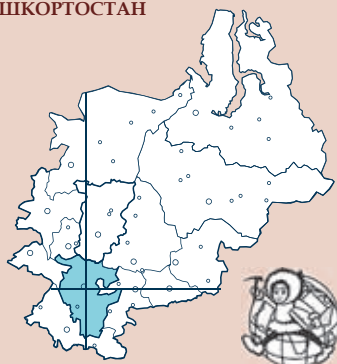
Сергей Викторович Энвальд

Посвящается 30-летию
Уральского генеалогического
общества

БАШКОРТОСТАН

▲ Бугульма. Музей Я. Гашека

► Семейное фото Энвальдов
(1885 г.), фото Е. Томашев-
ской — потомка В.Ф. Энвальда

Ольга Титова

Выпускник механико-математический факультета УрГУ. Проживает в городе Екатеринбурге, с 2007 года занимается родословными исследованиями, является членом Уральского генеалогического общества (УГО) и Уральского историко-родословного общества (УИРО), автор публикаций по генеалогии.

Иллюстрации
из архива автора

Марина Влади по материнской линии происходила из рода Энвальдов. Их жизни и судьбы оказались тесно связаны с Оренбургом, Уфой и Южным Уралом. Франц Андреевич Энвальд в молодости был офицером, а позже перешел на службу в почтовое ведомство: служил в Казанской губернии, а в 1834 году получил назначение в Бугульму (Уфимской губернии), а затем в Оренбург.

▼ В окрестностях Уфы

России требовались кадры для защиты восточных границ и освоения Туркестана, а Оренбург в те времена был настоящей кузницей военных кадров. Здесь Франц Андреевич обзавелся семьёй и стал отцом семерых (!) сыновей: Василия (р. 1835), Андрея (р. 1837), Владимира (р. 1839), Александра (р. 1843), Николая (р. 1843), Петра (р. 1848), Виктора (р. 1851).

Военная династия

В Оренбурге в то время было несколько военных учебных заведений, в том числе знаменитый Неплюевский кадетский корпус, поэтому неудивительно, что пятеро из сыновей Франца Андреевича получили военное образование и стали профессиональными военными.

На службе Отечеству

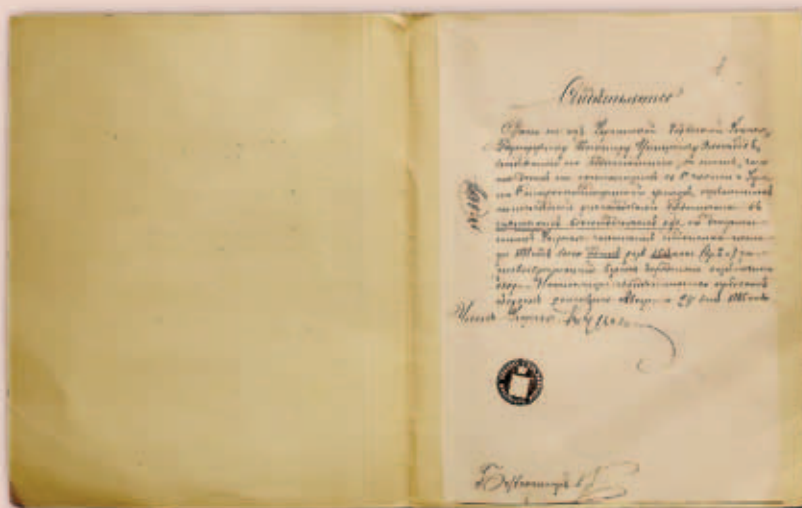
Сыновья, а потом внуки и правнуки Франца Энвальда в меру сво-

► Музей в старой Уфе (открытка из семейного архива)

Российской Империи, участвовали в освоении Туркестана, в Русско-японской и Первой мировой войнах, а внукам и правнукам Франца Энвальда судьба уготовила попасть в мясорубку гражданской войны.

Дедушка Марины Влади

Многие представители рода Энвальдов, кроме военных умений, обладали творческой жилкой. Хорошо известно о разносторонних талантах потомков старшего сына

▲ Документ — залоговое свидетельство на дом в Уфе

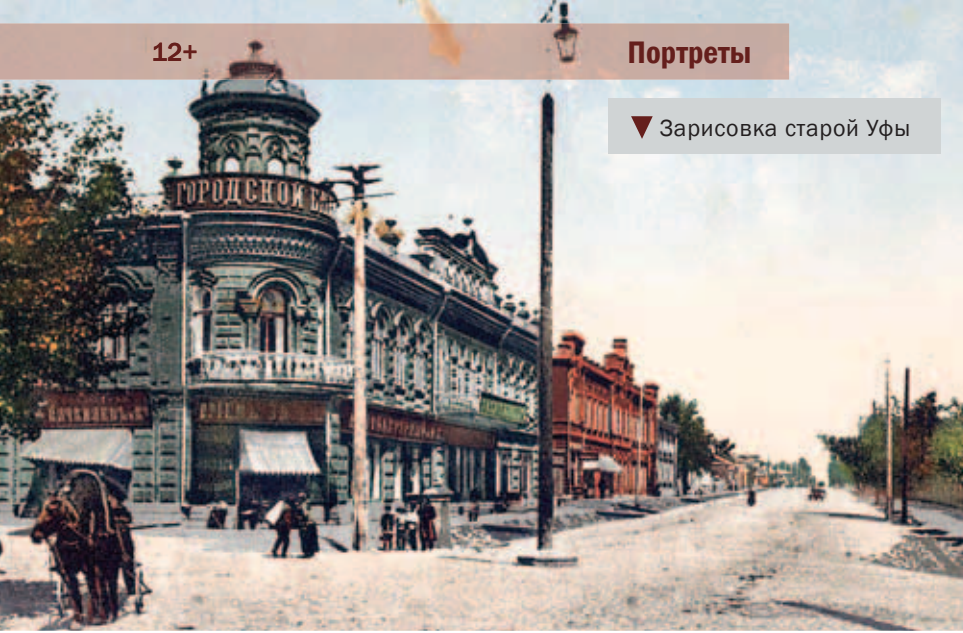
Франца Андреевича, Василия — Евгения Васильевича Энвальда — выпускника Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, генерал-майора, участника Русско-японской и Первой мировой войн, георгиевского кавалера, который был дедом Марины Влади. Таланты внуки Василия известной балерины Милицы Евгеньевны и её дочерей, в том числе многогранный талант знаменитой актрисы Марины Влади, возникли не на пустом месте.

Но в нашем очерке речь идет о младшей ветви этой династии: Викторе Францевиче и его сыне Сергее. Младший сын Энвальдов,

▼ Жандармское Управление — здесь рядом была улица Жандармская, где жили Энвальды

их сил и не щадя своего здоровья достойно несли свою службу, в различных регионах, часто в очень жёстких условиях, проявляя преданность и героизм. С течением времени род Энвальдов разросся в огромное древо, а сам Франц Андреевич превратился в родоначальника большой военной династии, подарившей России более сорока офицеров (среди них двух генералов). Они несли службу в больших и малых крепостях на границах

▼ Зарисовка старой Уфы

Виктор, после окончания Оренбургского юнкерского училища был «произведён в прапорщики с переводом в Уфимский местный батальон». Я предполагаю, что это было очень желанное назначение.

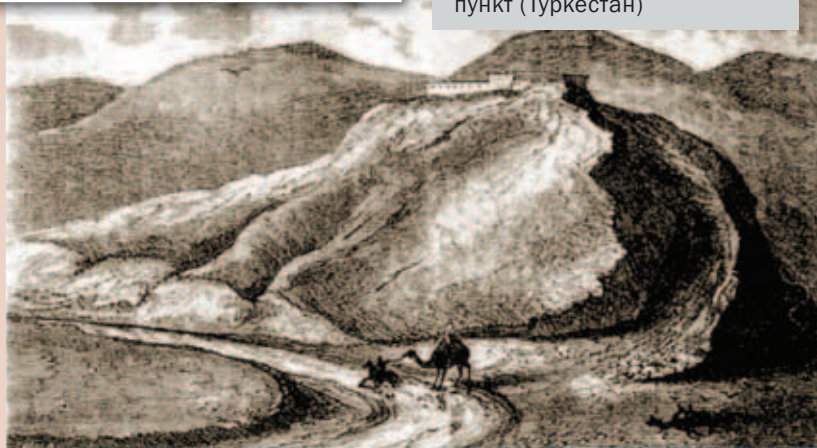
Назначение в Уфу

Ещё в 70-х годах XIX века при губернаторе Григории Сергеевиче Аксакове (сыне писателя С. Т. Аксакова) в Уфе появился театр и первый музей. Уфа была уже не просто крупным губернским городом, а центром Уфимской губернии, городом, окруженным тремя реками с мягким климатом и наличием всех популярных в те времена развлечений: балов, гуляний, катаний на лодках. А ещё Уфа была сосредоточием местной дворянской элиты и по праву считалась признанной «ярмаркой невест».

В Уфе многие молодые офицеры рассчитывали найти себе жену. В 1877 году Виктор Францевич был произведен в подпоручики и в том же году вступил в брак с Варварой Александровной Нагаткиной.

Род Нагадиных — Аксаковых

Приведу запись об этом браке из Метрической книги Предтеченской церкви Уфы: «2 окт. 1877 г. Жених — Уфимского местного батальона поручик Виктор Францевич Энвальд, первым браком, 26 лет; невеста — отставного штабс-капитана Александра Васильева Нагаткина дочь, девица Варвара, 21 год. Поручители по жениху: отставной поручик, князь Иван Львов Кугушев и аудитор управления Уфимского Губернского начальника воинского Тит. Сов. Владимир Федоров Петров. По невесте: Уфимского местного батальона штабс-капитан Василий Александров

▼ Эмбельский укрепленный пункт (Туркестан)

Нагаткин и КС коллежский секретарь Дмитрий Васильев Нагаткин». Этот брак связал род Энвальдов с Нагаткиными, а через них и с Аксаковыми. В Уфе Виктор Францевич и Варвара Александровна Энвальды прожили почти семь лет. Из архивного документа стало известно, что семья проживала в первой части Уфы по Старожандармской улице (ныне это улица Крупской).

В 1881 и 1882 годах Виктор Францевич совершал командировки в Златоуст, где служил, по видимому, под начальством брата Андрея. С 1885 года началась служба Виктора в отдалённых крепостях: в Уральской местной команде, затем в 1891 году в Кустанайской местной команде, в 1895 году — в Актюбинской местной команде. Семья разделяла с Виктором все тяготы службы.

В семье было трое детей: сын Александр (р. 1884), дочь Вера (р. 1896) и сын Сергей (р. 1897). Здоровье не позволило Виктору сделать ощутимую военную карьеру. В 1903 году, прослужив в армии более тридцати лет, он был Высочайшим приказом произведен в штабс-капитаны с увольнением за болезнью от службы с мундиром и пенсией.

В Оренбурге

После отставки Виктор Францевич с женою проживали в Оренбурге. Интересно, что Сергей Викторович Энвальд по матери приходится двоюродным правнуком Сергею Тимофеевичу Аксакову, в то же время по отцу внуком Францу Андреевичу Энвальду, и двоюродным дедушкой известной актрисе Марине Влади.

О службе в гарнизоне

Нам удалось отыскать два небольших рассказа, написанных Сергеем Викторовичем Энвальдом, которые хо-

рошо демонстрируют картины жизни тех дней. Первый — «Охотник на тигров», который, вероятно, навеян рассказами его отца, Виктора Францевича, об эпизодах службы в отдалённом гарнизоне.

Мой покойный отец в 1869 году в чине подпоручика начал свою военную службу в одной, Богом забытой, крепости, которая носила название Нижне-Эмбенское укрепление. Цель этих немногих укреплений была защищать юго-восточные границы Российского государства от набегов немирных азиатских племен. Гарнизон таких крепостей состоял не больше, чем из одной роты мирного состава. Укрепление было обнесено бревенчатым частоколом, а впереди него был вырыт не особенно глубокий ров и на валу частоккола были водружены одна или две чугунных пушки, которые были забиты всяким мусором, а потому почти не пригодны для стрельбы. Внутри укрепления строились один или два домика для начальства и несколько землянок-бараков для солдат. Жизнь в таком укреплении проходила очень тихо и монотонно. Нарушалась она только приходом редких okazji с провиантом, жалованьем и почтой или приходом редких караванов.

...Зимой же жизнь в укреплении совершенно замирала из-за страшных

оренбургских снегов, наносимых знаменитыми буранами. Снег непрерывно падает не меньше трех дней, а иногда и целую неделю, заноса дороги, телеграфные столбы и даже покрывает целые села толстым белым саваном. От села к селу можно добраться только по вехам или положить на чутье лошадей. Не дай Бог, чтобы такой буран кого-либо застал в открытом поле. Смерть тому неминуема.

...В то время там служил один юнкер, отбывая стаж на первый офицерский чин. Юнкер был огромного роста, страшной силы, а кроме того, обладал большим присутствием духа, но лицо его и часть тела были обезображены страшными шрамами. Держался он от всех в стороне. Был страстным охотником. Жил в одной огромной, собственноручно вырытой землянке, где в одной половине стояло зимой три верховых лошади, а в другой, сплошь покрытой тигровыми шкурами, помещался он с шестью охотничьими собаками. Белье на себе носил до тех пор, пока оно совершенно не распадалось. На охоту ходил только сам, абсолютно надеясь на меткость своих пуль и на твердость руки.

Однажды пристал к нему один поручик, чтобы он его взял с собой на охоту на тигров. Долго юнкер не хотел изменять своему принципу, но наконец согласился. Выбрали один вечер, чтобы отправиться в тростниковые камыши, где тогда еще в огромном количестве водились тигры, впоследствии отогнанные прогрессом цивилизации вглубь Туркестана.

Юнкер выкопал яму для поручика, а затем и для себя около тропы, по которой тигры ночью ходили на водопой. Не пришлось долго ждать, как уже появился грозный повелитель камышей. Юнкер поручику подал знак, чтобы он первым стрелял. Раздался выстрел, но тигр не был убит, а только легко ранен. Огромное животное сделало гигантский прыжок и как раз попало в яму, где сидел юнкер. Своими железными когтями тигр нанес страшные раны на лицо и на тело неустранимого охотника. Завязалась неравная борьба. Все преимущества были на стороне тигра. Ощущая невыносимые боли, юнкер не растерялся. Он выхватил охотничий нож и ментально распорол утробу кровожадного противника, чем заслужил право на жизнь.

Вылечив свои раны, юнкер дал торжественную клятву никогда и никого больше с собою не брать на охоту. И как вещественные доказательства этой клятвы, остались страшные следы ран на лице и на теле неустранимого охотника на тигров». Этот

рассказ не был опубликован. Второй рассказ был опубликован в 1974 году в журнале «Первоходник» (Сан-Франциско, США), он был найден в библиотеке американского конгресса и никогда не публиковался в России.

Каиново семя

Фрагмент из второго рассказа — «Каиново семя» — описывает события из жизни автора времен братоубийственной гражданской войны:

«В конце января месяца 1918 года из состава второй офицерской роты отряда гвардии полковника Кутепова была выделена группа в десять человек под командой ротного командира гвардии капитана Чернова для охраны водокачки станции Синявской, в районе Таганрогского фронта. На второй или третий день прибыли части Корниловского ударного полка, которые до полудня удачно вели бой, тесня красную юзовскую группу поручика фон Сиверса.

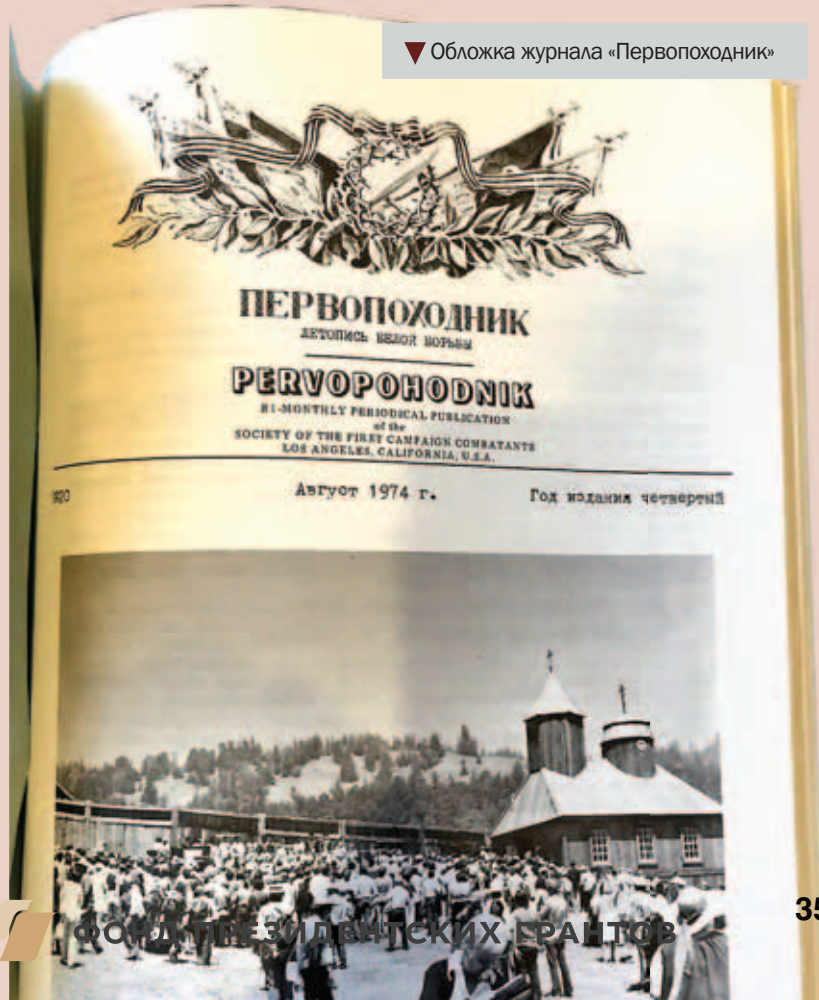
Около двух часов дня военное счастье им изменило. Под давлением огромных сил противника начали поспешно отступать, бросая даже раненых. Я находился в это время в кухне начальника станции, где кипятил воду в ведерном чайнике для нашего отряда. Несмолкаемый рой пуль немилосердно начал бить по всем зданиям станционных построек. Это обстоятельство сильно меня обеспокоило, и я при-

нуждён был выйти на крыльцо, чтобы видеть обстановку.

Моим глазам представилась следующая картина. Станция была совершенно мертва, а воздух был наполнен звуками несмолкаемой ружейной и пулеметной стрельбы и свистом и жалобным плачем рикошетных пуль. В тот же момент я услышал крики моих боевых товарищей: — «Мальши», скорей одевайся и беги к нам на помощь! — Кличка «мальши» осталась за мной из 205-го Шемахинского полка Великой войны из-за моего очень юного вида. Сами же они, вскочив на подкативший паровоз, понеслись навстречу смертному врагу...»

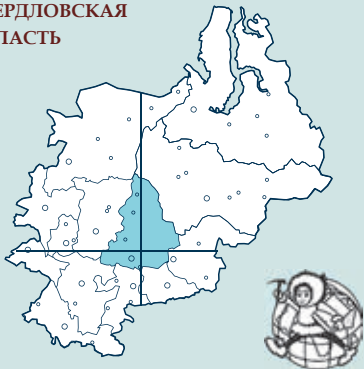
Сергей, как и многие юноши его возраста, едва окончив военное училище, сразу попал в пекло Первой мировой, а затем гражданской войн. «Выпущен из Саратовской школы прапорщиков в 1917 году, до декабря 1917 года — прапорщик 205-го пехотного Шемахинского полка в Добровольческой армии, с 29 дек. 1917, янв. 1918 в отряде полка Кутепова под Таганрогом. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку; в сен. — дек. 1918 в 6-й роте Марковского полка. Во ВСЮР в Особой офицерской роте Ставки Главнокомандующего, с 25 нояб. 1919 подпоручик, с 28 нояб. 1919 поручик. Штабс-капитан (с 5 дек. 1919). После поражения Белой армии герой нашего очерка был вынужден жить в эмиграции, далеко от России. **УС**

▼ Обложка журнала «Первоходник»

► Владимир Алексеевич Батманов. Фото А. Грахова, 1960 год. Из архива М.К. Куприяновой

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фотографии
из архива авторов

Маргарита Куприянова

Географ, биолог, кандидат биологических наук, 45 лет работала на кафедре физической географии Свердловского государственного педагогического института — Уральского государственного педагогического университета, ученица и последователь В. А. Батманова.

Наталья Беляева

Биолог, фенолог, старший научный сотрудник Висимского заповедника, «ученик ученика» В. А. Батманова.

ФЕНОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА

К 120-летию со Дня рождения
Владимира Батманова

Осталось более сотни общих тетрадей,
исписанных бисерным почерком ученого,
в которых день за днём записывалось всё,

что происходило во «внешней» и «внутренней»
жизни нашего земляка — известного
исследователя сезонных циклов на Земле...

Многие ли из нас ведут дневники, ручкой на бумаге ежедневно фиксируя происходящие события, описывая свои впечатления и мысли? С развитием цифровых технологий появились интернет-дневники — блоги, с помощью которых их авторы

ищут единомышленников, общаются с ними. Имена самых известных блогеров на слуху, ведение онлайн-журналов стало модным, а значит, популярным.

Но ни среди первых, ни среди вторых уж точно не найдётся чело-

века, кто бы вёл хронометраж своей жизни с точностью до пяти минут! А ведь такой человек был почти нашим современником: уралец, ровесник XX века, выдающийся уральский фенолог Владимир Алексеевич Батманов.

По аналогии с фенологической наукой — системой знаний о сезонных явлениях природы, сроках их наступления и причинах, эти сроки определяющих, — которой учёный посвятил всю долгую жизнь, хронометраж он называл фенологией человека. Это было глубочайшее многолетнее исследование: составлялись декадные, месячные, квартальные, годовые и пятилетние отчёты, в которых оценивалась продуктивность работы, а потом создавались планы на разные промежутки времени. В результате, В. А. Батманов выявил девятимесячные и шестилетние волны жизнедеятельности организма, что дало «возможность делать долгосрочный прогноз своей жизни».

Фенология природы

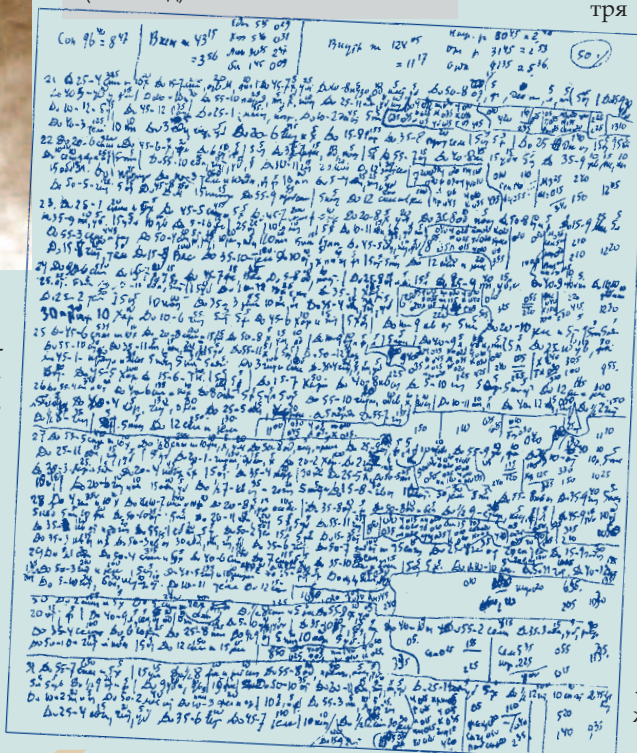
И всё-таки стремление к наиболее эффективному использованию отпущенного природой времени, потенциала организма и личности было подчинено главному делу, смыслу жизни, страсти В. А. Батманова — занятию фенологией природы. Его можно отнести к практически исчезнувшему ныне типу учёных-естественников со всеохватным взглядом на окружающей нас мир. Недаром в конце жизни он выдвигал идею планетарной, глобальной, фенологии. Как вспоминал его ученик и последователь Валентин Григорьевич Рудский: «В. А. Батманов был исключительно целеустремлённым человеком. Он знал, что ему нужно, и шёл к цели, несмотря на жестокие жизненные условия».

▲ Семья Батмановых. Владимир — стоит второй справа. Из книги Т.И. Кузнецовой «Батмановы» (2010 год)

◀ Владимир — добровольный сотрудник энтомологического отдела УОЛЕ. Июль 1916 года. Из книги Т.И. Кузнецовой «Батмановы» (2010 год)

▼ Копия страницы из дневника «Эго» за 1971 год с ежедневными записями затраченного времени. Из книги М.К. Куприяновой и Т.И. Кузнецовой «Патриарх фенологии» (2010 год)

Волны жизни

Он оставил более сотни общих тетрадей, исписанных бисерным почерком, в которых день за днём записывал всё, что происходило в его «внешней» и «внутренней» жизни, вплоть до физиологических отклонений организма. Трудно представить, какой гигантский объём данных о конкретном человеке хранят дневники «Эго» (так назвал их автор, Эго — по латыни «Я»), ведь записи были начаты 5 ноября 1921 года, а последние относятся к 1979-му.

А какими они могли быть ещё у нашего соотечественника — ровесника прошлого века?

Родословная

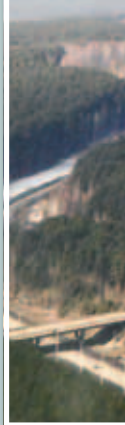
Владимир стал последним ребёнком (из восьми детей), рождённым в семье екатеринбургского нотариуса Алексея Никифоровича Батманова и его жены Александры Владимировны, в девичестве Земляницыной. Произошло это знаменательное событие 11 декабря (28 ноября по старому стилю) 1900 года. Уклад жизни в доме русских

► Дом в Екатеринбурге на 2-й Богоявленской улице, где семья Батмановых проживала в 1910–1965 годы и где в начале XX века находилась нотариальная контора А.Н. Батманова. Иллюстрация из книги Т.И. Кузнецовой «Батмановы» (2010 год)

интеллигентов-разночинцев был простой, царившая в семье атмосфера доверия, уважения и взаимопонимания сделала детские и юношеские годы детей практически безоблачными.

▼ Копия страницы из дневника «Эго» с отчётом за 3-ю декаду января 1971 года. Из книги М.К. Куприяновой и Т.И. Кузнецовой «Патриарх фенологии» (2010 год)

Отчет за III декаду января 1971

Декада изм. Солнц. наблюдений и наблюдений (особенно в утренние часы) в период с 19.01 по 29.01. Приспособлен к условиям (температура, влажность, направление ветра и др.) наблюдений. Также велены наблюдения за состоянием воздуха. Наблюдения велены делать в утренние часы (с 6 до 8 часов) и в вечерние (с 18 до 20 часов). Наблюдения велены делать в утренние часы (с 6 до 8 часов) и в вечерние (с 18 до 20 часов). Наблюдения велены делать в утренние часы (с 6 до 8 часов) и в вечерние (с 18 до 20 часов).

1. К.В. март	521
2. Р.В. март	897
3. М. март	580
4. Л. март	087
5. А. март	026
6. Р. март	035

1. Оукан	89 ²⁵	270
2. К. м. а.	21	71
3. М. м. а.	150	136
4. Ф. м. а.	104	9.5
5. М. м. а.	6050	5500
6. С. м. а.	2262	100
7. Ф. м. а.	11/11	1.00
8. И. Д. а.	14104	-
9. С. м. а.	3575	325
10. С. м. а.	35	300
11. С. м. а.	35	1.06
12. С. м. а.	71/11	3665
13. С. м. а.	8/12/15	1.08
14. С. м. а.	39	1.18
15. С. м. а.	6	-
16. С. м. а.	27	-
17. С. м. а.	33	1.00
18. С. м. а.	99	3.00
19. С. м. а.	9075	2.75
20. С. м. а.	-	50%
21. С. м. а.	0.0-0.0	-
22. С. м. а.	01-70	-
23. С. м. а.	71-86	-
24. С. м. а.	81-96	-
25. С. м. а.	91-100	9.9
26. С. м. а.	3	3.00

ной литературе, а у соснового подкорника открыл двухгодичный цикл развития. К сожалению, статья юного энтомолога так и не была опубликована, а открытие «перезоткрыли» 40 лет спустя.

В армии Колчака

Тем временем в стране началась совсем другая жизнь, прогрессивные революции, началась гражданская война. Под одну из мобилизаций в 1919 году попал и Владимир. Восемь месяцев он «состоял в белой армии нестроевым рядовым», выполнял обязанности штабного писаря. В декабре, когда армия Колчака потерпела поражение, был демобилизован, а точнее, брошен в Ачинске на произвол судьбы вместе с пятью тысячами товарищей-новобранцев. Впервые молодому человеку пришлось оспаривать у судьбы право на жизнь.

Известный просветитель

Начальное образование Володя получил дома. Отец — известный екатеринбургский просветитель, один из организаторов библиотеки имени В.Г. Белинского — брал сына на заседания Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Возможно, именно там младший Батманов утвердился в своём интересе — природа. Первым серьёзным увлечением стала энтомология. В свободное от учёбы время в екатеринбургском Алексеевском реальном училище юноша исследовал насекомых и добился потрясающих для своего возраста результатов: определил, что на Урале обитает гораздо больше видов неприметных лесных клопов подкорников, чем было описано в специаль-

Путь домой

По пути домой заболел возвратным тифом, в Новониколаевске (Новосибирске) обморозил ноги, гангрену на правой остановить не удалось — ампутировали выше колена. Всю жизнь В.А. Батманов пользовался самодельным протезом — берёзовой развилкой, к верхней части которой приматывал тряпками культю. В первые годы после ампутации, чтобы натренировать ногу, в нижнюю часть протеза вставлял отрезок чугунной трубы. В 1937 году снова трагический поворот судьбы: вместе с бра-

Река времени

◀ Варнацкий кряж. Здесь В.А. Батманов проводил фенологические наблюдения. Фото Т.П. Нездолий

▼ С Владимиром Александровичем Фришем на фенологической тропе. Варнацкий кряж, 1960 год. Из книги Т.И. Кузнецовой «Батмановы» (2010 год)

◀ Современный вид дома, где жила семья Батмановых. Фото Н.В. Беляевой

том Игорем обвинён в хранении контрреволюционной литературы и контрреволюционной агитации. Их отправили отбывать пятилетний срок на Колыму. Брат погиб в лагере, а Владимир в 1942 году был освобождён и вернулся на Урал. Даже находясь в лагере, он проводил наблюдения за цветением иван-чая, а для своего основного места заключения под Магаданом составил трёхлетний календарь природы.

◀ Обложка книги В.А. Батманова «О том, что не каждый знает». Издание 1955 года

Высшего образования Владимир Алексеевич так и не получил, хотя в 1926–1927 годах у него была неудачная попытка определиться вольнослушателем в Ленинградский университет. Главным способом приобретения знаний до конца жизни стало самообразование. Его интересовало многое: биология, география, история, геометрия, математическая статистика, астрономия, французский язык...

Но на возможность самообразовываться, заниматься любимым делом нужно было зарабатывать. Кем только он не был в разные периоды своей жизни: конторщиком в больнице, учителем в еврейской профтехшколе, состоял на службе в органах статистики; по возвращении из «мест не столь отдалённых» — сторожем в «мичуриновском саду» и на лесной опытной станции; в тяжёлый период чисток и гонений конца 40-х — начала 50-х годов — безработным,

получавшим нерегулярные гонорары за писательский труд.

Ученый-чудак

В относительно спокойные годы характер его служебной деятельности совпадал с научными интересами: работа в фенологической комиссии при УОЛЕ, после реорганизации — при Уральском областном бюро краеведения, в Уральском гидрометкомитете на должности специалиста по общей фенологии, младшим научным сотрудником в штате лесной опытной станции. Но где бы он ни работал, как бы ни жил, В.А. Батманов продолжал оставаться естествоиспытателем. Многочасовые и многокилометровые экскурсии на природу он осуществлял до старости, а число наблюдаемых за день явлений доходило до тысячи! Он был из числа тех одержимых учёных-чудаков, что не стремятся к материальному благополучию, лишь бы можно было работать, а остальное — на уровне простого поддержания физических сил.

Календарь природы

Постоянные собственные наблюдения в природе, самообразование и совершенствование личности при-

◀ Обложка книги В.А. Батманова «Фенологические наблюдения в походе» (1961 год)

носят свои плоды. Уже в 30-е годы Владимир Батманов — признанный фенолог, большой авторитет среди уральских краеведов, его знают в Москве и Ленинграде. Он автор большинства фенологических программ, научных публикаций, получивших одобрение не только у нас, но и за рубежом, признан одним из крупнейших специалистов по фенологическому картографированию. В 1934 году увидела свет «Биоклиматическая карта Урала „Весеннее развитие растительности“», в 1949-м — «Биоклиматический календарь Свердловска», а в 1952-м — «Календарь природы Свердловска и его окрестностей». Эти обобщающие ра-

▲ В.А. Батманов и М.К. Куприянова. 1960 год. Из книги Т.И. Кузнецовой «Батмановы» (2010 год)

◀ Участники научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.А. Батманова. Екатеринбург, Музей истории камнерезного и ювелирного искусства, 16 декабря 2000 года. Из архива Н.В. Беляевой

вателей, которых притягивал к нему не только профессионализм учёного, но и масштаб неординарной личности. Это студенты и преподаватели вузов, в основном Свердловского педагогического института, учителя школ, воспитатели детских садов, работники внешкольных образовательных учреждений, сотрудники гидрометеослужбы и научных институтов. А со сколькими людьми ему пришлось общаться как организатору и руководителю уральской добровольной фенологической сети!

Патриарху и человеку

В конце жизни учёный получал к каждому празднику до ста поздравлений. В знак глубокого уважения и признательности его учениками было опубликовано около 50-ти работ, посвящённых учителю, в том числе документальная повесть Маргариты Константиновны Куприяновой и Тамары Ивановны Кузнецовой «Патриарх фенологии». Сегодня к его последователям и ученикам присоединяются новые поколения лобознательных естествоиспытателей, которым передаётся эстафета интереса к науке о сезонных ритмах природы Земли — фенологии. **УС**

боты уникальны, аналогов у нас нет до сих пор, и специалисты пользуются ими и в настоящее время. Со второй половины 50-х годов коллеги относятся к учёному как к «патриарху». Он консультирует по фенологии во всеобщем масштабе, а сам последние десятилетия жизни посвящает разработке теории методов фенологических исследований.

Фенологическая сеть

Надо отметить, что наряду с сугубо научными изданиями у него есть и научно-популярные. Например,

книжка «О том, что не каждый знает», написанная для детей среднего и старшего школьного возраста, была издана дважды, в 1955 и 1958 годах. Её тираж, по нынешним меркам, был «умопомрачительным» — более тридцати тысяч экземпляров. Брошюра «Фенологические наблюдения в походе» также получила широкое распространение среди юных туристов в 60–70-х годах.

Учёный не создал свою семью, у него не было детей. Но в противовес личному одиночеству у него появилось много учеников и последо-

Средиземноморский колорит по-уральски

Редкий сорт ели с узкой, как колонна, кроной и закрученными по спирали ветками нашёл однажды в лесу под Артёмовским доцент кафедры Лесоводства УГЛУ Антон Оплетаяев.

Ель Сибирская *Fastigiata uralica* — это отечественный сорт, который выдерживает морозы до -45 градусов и имеет неповторимый внешний вид. Свою находку за схожесть формы с южным деревом Антон называет «ель-кипарис». Такая необычная форма хороша для ландшафтного дизайна и озеленения населенных пунктов в условиях сурового уральского климата: компактная крона круглый год радует глаз своей зеленью и при этом не затеняет окна домов. Для размножения редкого сорта ели методами многолетних проб и ошибок он разработал два идеальных способа размножения уникального дерева — черенками и прививкой.

Со своим проектом размножения ели-кипариса молодой ученый уральского Лестеха стал победителем конкурса инновационных идей молодежи «Умник». Выигранный грант в 500000 рублей он потратил на покупку двух теплиц для проведения исследований и зарубежную стажировку в питомниках и лабораториях США.

Кипарисовая ель — растение очень капризное — молодые ёлочки не укоренялись даже в лаборатории микрклонального размножения растений. Однако ученые добились успеха: сейчас приживаемость прививки составляет до 80 процентов, а укоренения — до 10 процентов.

Антон с коллегами впервые в России клонировали уникальное дерево ели сибирской в стенах университета. «Эту ель официально признали в Америке, обещали в Германии включить в список сортов», — делится учёный с журналистами. Заявки на саженцы Ели Сибирской *Fastigiata uralica* уже поступают от лесопромышленных предприятий Урала и питомников Казахстана.

Так, благодаря вузовской науке, возможно, и в нашем уральском климате скоро появится уникальный средиземноморский колорит, а ель-кипарис станет визитной карточкой Екатеринбургa.

Научная библиотека УГЛУ
по материалам СМИ

Почему Лестех?

Уральский государственный лесотехнический университет — единственный вуз в Урало-Сибирском регионе, готовящий специалистов лесного профиля. Богатая история, научные школы и накопленная материальная база являются огромным потенциалом для подготовки кадров в лесном комплексе, экологии, экономике, туризме для достижения целей устойчивого развития.

Телефоны приемной комиссии:
(343) 221-22-00, 8-800-350-61-10

Сельская Фемида

Из архива волостного агронома Бронникова

▲ Рассвет в селе Кишкинском.
Картина Дедюхиной В.А.

Жизнь крестьян на Урале в XIX веке носила достаточно спокойный консервативный характер. О стабильности жизненного уклада хлебопашцев говорит и очень малое число преступлений, совершавшихся в деревнях и селах.

Так, по данным статистического отчета за 1866 год в Кишкинской волости Верхотурского уезда Пермской губернии, включавшей тогда 40 деревень (в том числе и д. Махнёву) и два села, в которых проживало более семи тысяч жителей, было совершено всего семь преступлений.

Село Кишкинское Верхотурского уезда основано как ямская деревня. В 1617 году числился один двор ямщика Никиты Кишкина. В 1869 году Кишкинская волость преобразована в Махнёвскую волость Верхотурского уезда с центром в д. Махнёвой. По переписи 1908 года в селе Кишкинском проживало 225 жителей «обеого пола».

Показателен сам характер типовых сельских преступлений: одна кража из шести случаев непристойного поведения (в настоящее время это деяние называется мелким хулиганством и не считается преступлением, квалифицируется как административное правонарушение).

Дознание по такого рода делам проводилось волостным правлением.

После реформы 1861 года на сельских сходах, собираемых из представителей всех селений волости (по одному от каждого 10 дворов), стали избирать волостное правление, которое состояло из волостного старшины, волостного писаря, волостных судей и сборщиков податей. Разграничение исполнительной и судебной власти отсутствовало, правление исполняло как административно-хозяйственные, полицейские, так и судебные функции. До нас дошли материалы судопроизводства в волостном суде Кишкинского волостного правления, на основании которых и написаны эти заметки.

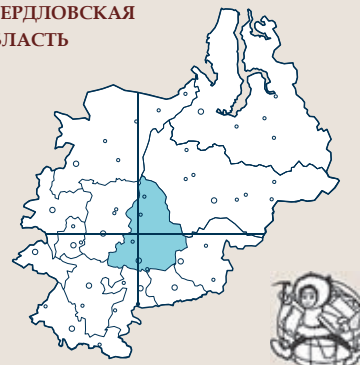
Волостные суды рассматривали мелкие уголовные дела и незначительные имущественные споры между крестьянами, могли назначить штраф, телесное наказание, приговорить к заключению на небольшой срок.

Владимир Кислых

Родился в селе Махнёво. В 1974 году окончил Свердловский юридический институт. После окончания работал следователем прокуратуры Алапаевска. Преподавал историю и основы права в школах Алапаевского района. Автор краеведческих сборников «На дороге в Сибирь» и соавтор сборника «Дорогой Ермака и тропой Симеона». Член Уральского историко-родоведческого общества.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фотографии
предоставлены автором

► Дом волостного писаря в селе Кишкинское. Архивное фото второй половины XX века

Волостные судьи избирались из крестьян, а потому разрешали дела не на основании закона, а по совести, руководствуясь дедовскими обычаями. Само собой, ни о какой юридической грамотности не приходится и говорить. Волостной суд был, скорее всего, своего рода судом третейским, отсюда его относительная самостоятельность.

Производство по делу начиналось с подачи заинтересованным лицом объявления (так тогда именовалось заявление), в котором он излагал суть дела, свою претензию к другому лицу, а также указывал на свидетелей, которые могут подтвердить его правоту. Объявление подавали в волостное правление, но могли и на имя станового пристава. В этом случае он и направлял дело в волостной суд с неизменной резолюцией: «Рассмотреть дело в волостном суде и удовлетворить жалобу, если кажется справедливым. О последующем доложить мне».

Жалоба также могла быть устной, в этом случае она заносилась в особую книгу. Дела не разграничивались на уголовные или гражданские. Для примера приведем выдержку из объявления государственного крестьянина

Филиппа Полоумова «о захвате у него земли крестьянином Болотовым», содержащегося в материалах дознания по данному делу. «В 1865 году я взял у крестьянина деревни Болотовой Герасима Фёдорова Булатова принадлежащей ему пахотной земли 1½ десятины, коя мною была удобрена, приведена в хорошее качество и приготовлена под посевы, но крестьянин деревни Болотовой Лев Осипов Болотов неизвестно с чего продал эти земли другому крестьянину. ...А потому всепокорнейше прошу ваше высокородие вышеупомянутую землю возвратить мне обратно, так как я с давнего времени ею пользовался и удобрял...».

Дела рассматривались волостным судом в составе трех выборных судей с участием сторон (тяжущихся). Строго установленного порядка судебного разбирательства не было. В судопроизводстве не участвовали

профессиональные юристы, обвинение не поддерживалось прокурором — в роли обвинителя выступал сам обиженный. У сторон также не было, да и не могло быть

представителей — отсюда в деревне зятья профессиональных юристам! Протокол су-

дебного заседания не велся. Материалы всех разрешаемых судом дел содержались в «Книге для записки приговоров и решений спорных или тяжёлых дел между крестьянами».

Спорящие своими подписями удостоверяли факт их ознакомления с вынесенным решением: «Приговор выслушал и остался доволен. В чем подлинно своею рукою расписался». Этой формулировки должны были придерживаться как выигравшая, так и проигравшая сторона.

В волостные суды часто поступали споры по земельным отношениям. Так, в начале осени 1866 года Кишкинский волостной суд рассматривал конфликт между «крестьянской вдовой Пелагеей Васильевой Меньшиковой и бессрочно отпущенным рядовым Артемием Григорьевым Меньшиковым». Суть тяжбы заключалась в следующем: «Пелагея Меньшикова просила удержать рядового Артемия Меньшикова от снятия хлеба, посеянного на земли, наделенные обществом на ревизские души, за которые она платит подати». По этому делу суд вынес решение в пользу Пелагеи — «рядовому Артемию Меньшикову от снятия хлеба отказать».

О сложном характере оборота сельскохозяйственных угодий в то время может нам поведать объявление крестьянина Павла Иванова Реутова: «Крестьянин деревни Балакиной Нижней Артемий Федоров Балакин по документу от 8 марта 1865 года брал у меня на уплату податей и повинностей девять рублей серебром, за которые отдал мне сенокосное место на его ревизские души. Но он, Балакин, в прошлом году

◄ Символ судебной власти. Медный жетон волостного судьи. Фото из архива Махнёвского краеведческого музея

умер, сын его Николай Артемьев это место перепродал крестьянину нашей волости Ивану Егорову Перевалову и Перевалов выкосил оно».

Как уже говорилось выше, волостное правление осуществляло еще и полицейские функции. Местные власти своим решением могли задержать, подвергнуть аресту виновного в правонарушении. Для примера приведем выдержки из рапорта Кишкинского волостного старшины становому приставу: «По жалобе крестьянина деревни Кокшаровой Захара Панкратова Кокшарова по поводу нанесенной ему, посредством ругательства, личной обиды был арестован отставной мастеровой, проживающий

в селении сей волости Ананий Петров Гирбасов. Притом Гирбасов, как бывший в пьяном виде, был для вытрезвления посажен под арест. Спустя дня сего на другой, отпросившись сходить в деревню Сидорову, пошел в питейный дом, откуда возвратясь спустя немного, нанес оскорбление волостному писарю Смагину, совершенное словами».

В рапорте названы свидетели неблаговидных поступков Анания Гирбасова. Становой пристав третьего стана Верхотурского уезда наложил резолюцию: «Возвраще-

но в волостное правление для обсуждения проступка Гирбасова волостным судом».

Как мы видим, волостные власти могли самостоятельно не только подвергать граждан административному задержанию, но и выполняли функции, аналогичные современным медвытрезвителям: при волостном правлении имелось специальное помещение, именуемое «холодна» или «каталажка», которое представляло собой неотопляемую избу либо пристрой к зданию волостного правления.

Таким образом, более ста лет назад органы крестьянского самоуправления были способны достаточно эффективно решать насущные сельские проблемы и даже исполнять судебные функции. Это, пожалуй, можно объяснить тем, что механизм формирования власти на местах был в большей степени, чем сейчас, приближен к населению. **УС**

▲ Обратная сторона жетона

▼ Картина В.А. Дедюхиной

Как стать спелеологом?

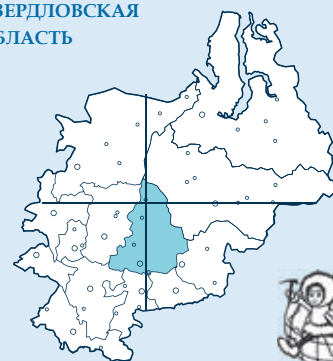
«Кто это такие?» — спросите вы. Ответу: «Это люди, которые исследуют подземный мир». Да, спускаются туда и ищут что-то невообразимое, потому что фантазии и правда не хватит описать то, что мы видим и к чему прикасаемся.

Нас манит глубина и темнота, которую мы рассеиваем светом и уничтожаем неизвестность. Нас тянет туда, где ещё никто не был, и мы хотим быть там первыми и рассказать всему миру про наши открытия. Только под землей осталась возможность найти новые географические объекты и дать им имена, почувствовать вкус первопрохождения, создать историю и вписать в неё своё имя. Очень амбициозно, скажете вы? Может быть! Наш спелеоклуб СГС делает это уже на протяжении 60 лет!

Каждый год осенью мы набираем новичков. Почти всегда остаётся меньше половины из них, кто доходит до конца обучения и стано-

вится спелеологом. Нас мало и мы ищем подобных себе — тех, кто близок нам духом и совсем не важно, какого он пола, возраста, чем занимается в обычной жизни. Гораздо важнее, какой он человек. Может ли он быть другом и товарищем, можно ли на него положиться в трудную минуту. Интересен ли ему этот мир? Любознателен ли он и стремится ли что-то изменить здесь? Мы объединяем разных людей — и со спортивным уклоном и «ботаников», тех, кто может починить что угодно одной отвёрткой, и тех, кто может рассказать что-то так, что за ним пойдут на край света, тех, кто поёт у костра, и тех, кто делает неземные шедевры из обычных продуктов.

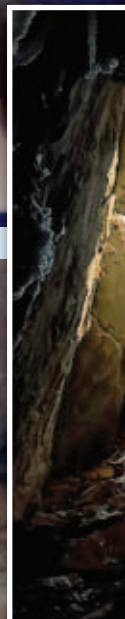
СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Ольга Черепанова

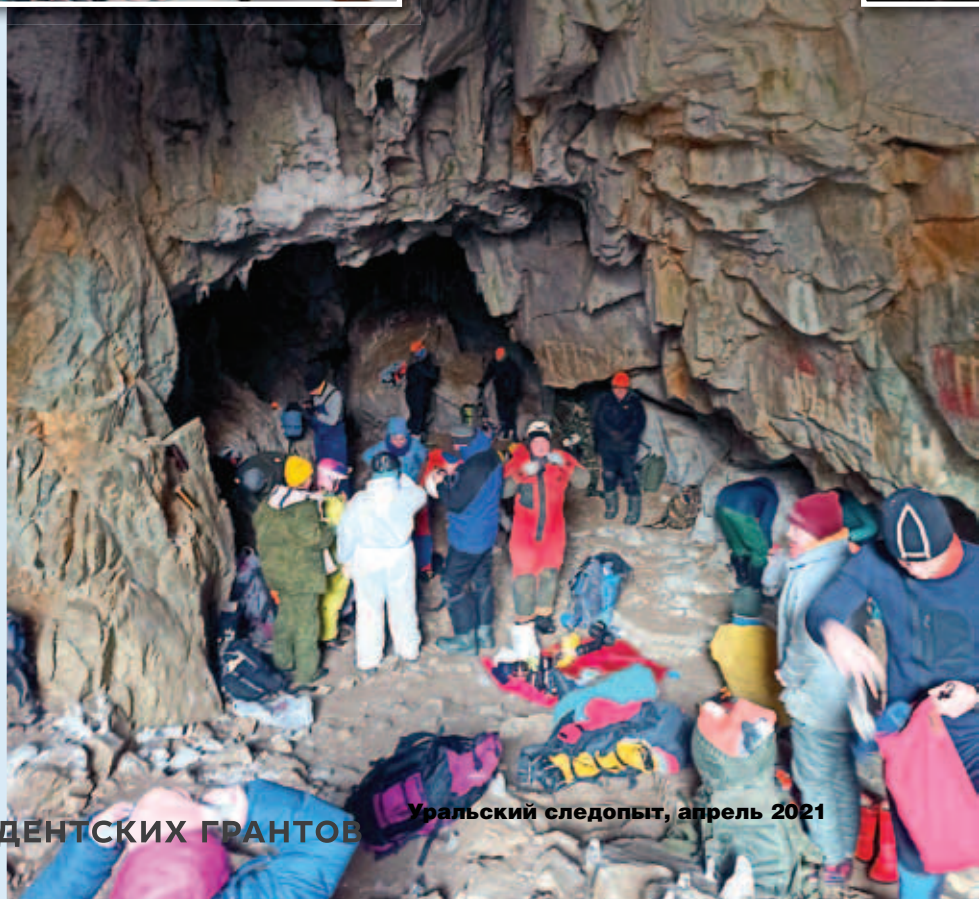
Спелеолог, один из организаторов курса.

Фото Ларисы Поздняковой,
Вадима Логинова
и Анны Яковлевой.

Этот набор особенный. Он стартовал 16 февраля 2021 года – среди зимы. Впервые мы проводим курс не только своими средствами, но и при поддержке Фонда президентских грантов. И мы надеемся, что те, кто придет к нам учиться, значительно повысят свои компетенции в отношении пещер и осvoят базовые практические спелеологические навыки.

Уже прошли первые лекции, первый выезд в пещеру и первые тренировки. Новички с интересом погружаются в незнакомый для них мир, их не пугают морозы и сложный рельеф. Они учатся бережно относиться к пещерам, уважительно друг к другу, впитывают каждое слово инструкторов: что и как надо правильно делать, как передвигаться по навеске SRT, подгонять снаряжение под себя, на какие моменты безопасности обратить внимание при планировании выезда, как правильно одеться в пещеру.

Чужое любопытство заразительно – иногда завидуешь новеньким – у них ещё столько эмоций и открытий впереди! Да! Не важно, что до тебя в пещере были сотни людей. Тебе она откроется по-новому, и поймёшь ты её по-своему. Такое не передать словами. Это надо прочувствовать, остановиться, побыть в полной темноте, прислушаться к звукам подземного мира, услышать биение своего сердца, прикоснуться к пещере.

Международный союз спелеологов (UIS) объявил 2021 год Годом карста и пещер в мире. По всей Земле проходят мероприятия с целью изучения, понимания и защиты пещер. Совпадение нашего обучающего курса с этим глобальным движением ещё раз подтвердило актуальность данной темы в современном обществе.

Впереди у нас ещё 9 недель курса базовой подготовки спелеологов и более 20 мероприятий, к которым может присоединиться любой совершеннолетний житель Екатеринбурга. **VC**

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www uralstalker.com

ISSN 0134-241X

Апрель 2021

αэлита

50 **Законы Вселенной**

АЛЕКСАНДР УЛЫБКИН
Клише

50

60 **Повод для улыбки**

ДАРЬЯ СТРАННИК
Лужицы

60

56 **Координаты чудес**

ГАЛИНА ШКАРУПА
Возвращение

56

64 **Повод для улыбки**

РУСЛАН НУРУШЕВ
Записки бременского музыканта **64**

Клише

Александр Улыбкин

Родился в 1984 г. Проживает в г. Харьков. В 2007 г. окончил физико-технический факультет ХНУ им. В. Н. Каразина. С 2011 г. работает в ННЦ ХФТИ. В 2007–2011 гг. пробовал себя в качестве продавца, строителя, менеджера, рекламщика и т.д. Попытки писать случались ещё в детстве и во время студенчества. В 2013 г. женился, через год стал счастливым отцом. Где-то в этот же период обзавёлся черновиком и стал записывать туда всё, что взбрело в голову. В 2015 г. создал страничку на самиздате. Увлечения: книги, наука, кинематограф, физкультура. Попытки печататься почти не предпринимались.

Не могу вспомнить, когда точно я начал восхищаться им. Вероятно, в день первой нашей встречи. Силу, что была заключена в этом человеке, наверняка чувствовал каждый, кто пришёл на ту лекцию. Мы, сотня первокурсников, тихонько сидели и не решались даже зевнуть.

Верный своим идеалам, твёрдый и смелый, настоящий профессионал. Таков был профессор Борис Беляев, мой научный руководитель. И я не сомневался, он — уникален.

Борис Анатольевич полностью вписывался в идеализированные образы, что встречаются лишь на страницах книг. В литературе частенько попадаются полностью гипертрофированные персонажи. Такие, что обязательно идут наперекор всему, выступают против «системы», и ничто не способно изменить ни их решения, ни жизненные позиции. Люди эти будто вообще существуют вне времени, видно, рождённые мирозданием для каких-то более высоких целей, чем жизнь смертного.

Под присмотром Беляева я быстро вырос до «кандидата» и стал обладателем «ярлыка» с надписью «восходящая звезда». Всё шло чудесно.

Но вот... я пришёл на работу и узнал, что Беляева больше нет. Умер. Уехал на дачу и не вернулся.

Похороны прошли стандартно. Собралась родня покойного да местная профессура. Многие сказали своё прощальное слово, а я вот так и не решился. Не знал я, что вообще можно сказать...

Чтить память наставника поглощением блюд и питьём водки в ресторане я отказался и по окончании процессии незаметно ушел домой.

Под дверью ждала посылка. Обратный адрес и другие опознавательные знаки отсутствовали. Это была обычная коробка, обёрнутая светло-

коричневой бумагой. Внутри обнаружились флешка и блокнот. Его блокнот!

Я сперва отложил всё в сторонку и таки сходил на кухню за порцией чего-то покрепче. Увы, пил я залпом. Два больших глотка заставили сразу же пожалеть о такой поспешности. Горло обожгло, и я закашлялся. Когда спиртное ещё и в нос попало, я проникся глупостью всей затеи и слегка прослезился.

Коньяк, в общем-то, мне всё же помог прийти в себя. Пусть и не через общепринятое воздействие, но и на том спасибо. Отбросив в сторону сантименты и желание хандрить, я вновь взялся за содержимое коробки.

Флешка оказалась ключом доступа к нашему кластеру. Хорошо... но это оборудование и так в моём распоряжении. Или ключ для чего-то важнее доступа?

Я пролистал блокнот и понял, что это лишь кусочки потенциальных идей. Вдруг поймал себя на том, что сижу и «уважаю» этот проклятый блокнот. Не человека, что владел им, уважаю, а кипу склеенных бумажек. Фетишизм прям какой-то. Однако... в качестве «презента на память» вещь сия была прямым попаданием.

Просмотрев всё от корки до корки, я отметил пару интересных моментов и отложил записи в сторонку.

Что ж... Борис Анатольевич, выходит, знал, что отходит в мир иной, раз оставил свой ключ и черновик?

«Зачем» и «почему» вмиг испарились, когда я заметил отпечаток текста на задней обложке.

Я открыл черновик на последней странице.

Корявенький почерк с низкими буквами да «твёрдый» карандаш стали бы настоящей проблемой для кого угодно. Но за годы совместной работы я привык к таким полупрозрачным заметкам, так что прочитать их труда не составляло.

«Виктор, сегодня я умру. Подробности не имеют значения. Я не желаю становиться обузой.

Я горжусь тобой и верю, ты справишься с чем угодно. Просто будь твёрже.

В коробке ключ к моему «слежку». Никто не знает о нём, так что экспериментировать, как хочешь. Это хорошая возможность проверить наши гипотезы без лишнего шума и бумажной возни. Надеюсь, ты оценишь.

Будь осторожен, тебе точно придётся переосмыслить мнение обо мне.

Прошу, родня не должна знать, на что я решился.

И ещё... пожалуйста, постарайся понять меня и помни лишь того Беляева, с каким работал бок о бок последние годы. Прощай».

Вот и всё. Самоубийство значит. А мне сказали — инсульт. Видно, познания Анатольича оказались шире, чем казалось, раз он спровоцировал такое...

Едва переставляя ватные свои ноги, я добрёл до холодильника, достал бутылку с тёмным «янтарём» и сделал с пяток глотков.

На этот раз всё получилось, и я сразу же ощутил источник тепла в желудке. Мягкие пульсации в такт сердцу согревали всё вокруг, дарили спокойствие.

Я лёг на кровать, а спустя минуту провалился в сон. День этот кончился.

* * *

Я проснулся и чётко знал, чего же действительно хочу.

Хорошо, что сегодня суббота и никто не сможет мне помешать.

Работа с нейронным программатором, конечно, предполагает присутствие ещё хотя бы парочки сотрудников. Но... если подумать, кто ж захочет участвовать в сомнительной деятельности?

Я подключился к серверу, затем вставил ключ. Система запросила биометрию, и я ткнул пальцем

в сканер отпечатка. Всё! Доступ получен! Я поставил таймер запуска и поспешил в кресло. Привязал себя ремнями, надел шлем и стал ждать.

А пять минут — не такой уж маленький отрезок времени. В голове добрую сотню раз вспыхнуло: «Баран! Ты что творишь?»

Но я так хотел.

Уже очень давно мне казалось, что «слепок» чужой личности можно использовать. Вот и посмотрим, что выйдет...

В первый миг показалось, что я ослеп. Но темнота сразу же обернулась болью. Кто-то вдруг возник внутри черепа и беспощадно начал давить во все стороны.

Кричать я не мог, как и дышать. Похоже, загрузка вырубает часть функций мозга. На время?

Испугаться не успеваю, без сил расплываюсь в кресле и просто смотрю перед собой. Чувствую себя идиотом. Вероятно, так и есть...

Контроль над собой вернулся лишь к вечеру. Благо, что хоть базовые задачи выполнялись, а то так и откинуться было недолго.

Уверенность и правота — вот что вначале ощутил я в себе, когда очухался.

Получилось! Наложённый «слепок» работает!

Я же теперь... слегка другой должен быть? Модифицированный. Эффект этот вскоре развеется, для полноценного внушения одного сеанса маловато будет. Но так даже лучше. Впотьмах следует двигаться мелкими шажками...

Я почистил «логи» и выключил сервер. Пришлось ещё и уборку делать. Кресло для испытаний я порядочно измарал, пока... приходил в себя.

Чем всё кончится — не важно. Я уже вижу перемены в себе!

Страх нет!

«Никого не бойся! Никогда ничего не проси!» — постоянно твердил Беляев. Слишком уж часто я пытался учесть максимальное число факторов. Вздор! Важны лишь собственные цели! Так даже проще...

Я покинул здание института и пошёл на парковку. Чем заняться? Как испытать полученное... улучшение?

Так мало времени прошло, а мониторить себя становится всё тяжелее. Я уже мало что могу сказать о том, каким был вчера. Новая система принятия решений вытеснила старые алгоритмы. А мыслью, мол, я — не я, и вовсе не возникает.

Движок моей старой «Шкоды» тихонько шуршал. А я ведь полностью доволен ей. Теперь...

Только я «сдал назад», как что-то мелькнуло в зеркале, и в этот же миг машину прилично трянуло.

Тёмно-синее авто изменило траекторию от моего толчка и воткнулось в соседний ряд на стоянке.

Вот кто ж гоняет в таких местах-то?

Я спокойно заглушил двигатель и отстегнул ремень безопасности.

Пока второй водитель нервно размахивал руками и матерился, я открыл багажник. Я забрал молоток и направился к кабинке смотрителя.

Парень из спорткара что-то кричал мне в спину, даже угрожал. Я решил пока не мешать ему.

Смотритель без вопросов дал скопировать видеозапись. Там чётко было видно, кто должен отвечать за инцидент.

Я демонстративно положил флешку в карман, затем направился к машине.

Второй «пострадавший» распустил «перья» и скрутил грудь колесом. Похоже, он готов на всё, только бы «справедливость» восторжествовала.

— Да ты оборзел! — подал голос он. — Совсем ездить не умеешь!

Смотрел я на него спокойно, даже безразлично. Тратить время на пустозвонство не хотелось. Лишь машину свою было жаль.

— Ты что, язык в зад засунул? — перешёл он на новый «уровень».

Отвечать не хотелось. Я достал телефон и сообщил страховикам, что произошло, и пообещал позже скинуть видео.

— Думаешь, всё по-твоему будет? — парень уже почти брызгал слюной, а руки его сжались в кулаки. А он опасен... наверное.

— Всё будет по закону, — мирно ответил я.

— Что ты себе возомнил? — прошипел он и сделал шаг в мою сторону. Парень резко остановился, когда понял, что стою я в пол-оборота, а рука моя крепко сжимает прорезиненную рукоять инструмента. Подбородок мой был опущен вниз, а взгляд уткнулся оппоненту в грудь. Странная она, эта «штука»... готовность к действию, и другие ведь точно видят её.

— Ладно-ладно тебе! — вдруг пошёл на попятную агрессор и поднял руки в защитном жесте.

Я забрал сумку с вещами и двинулся в сторону остановки. И всё это в абсолютной тишине, без малейших тревог о случившемся.

В автобусе я столкнулся с хамством.

Водитель отказывался давать билет.

Что за чушь?

Я твёрдо решил не платить за проезд, пока мне не предоставят соответствующий «документ».

Водитель проклинал меня всю дорогу до следующей остановки. Потом он встал и направился ко мне со словами: «Придётся научить тебя уму-разуму». Я вдруг понял, что не зря оставил молоток при себе.

Мне даже не пришлось ничего делать. Он зло стрельнул своими глазёнками, тихонько пробормотал: «Придурок», и вернулся на рабочее место.

Однако после «выходки» моей среди пассажиров нашлись последователи. Они друженько подошли и также стали требовать билеты.

В центре я сошёл, решил зайти продуктов подкупить. Сумку свою я наотрез отказался оставлять в камере хранения, чем и привлёк на какое-то время внимание охраны. А ещё пишут, что дело якобы добровольное...

В тележку я навалил всякой всячины и двинулся на кассу.

Грубьянка неопределённого возраста сперва ошиблась в чём-то, а потом всё пыталась разобраться. Долго пыталась, звонила куда-то, говорила что-то...

Я решил, что так не годится, время ведь оно дороже, и направился к выходу.

Да, я ничего не украл, даже не думал. И нужды в этом вовсе не было, а родители так вообще воспитали меня даже слишком честным. Но всё это было не важно...

Кассирша вдруг открыла свой накрашенный рот и заорала: «Держите вора!»

Стоит отдать должное, охрана среагировала быстро. Один мужичок в чёрной униформе вдруг возник у входа, а второй бежал на всех парах через зал.

«Я не вор», — думал я и невозмутимо удалялся от ошалевшей тётки.

Сам не знаю, как так вышло, но в руке моей вдруг появился молоток. Охранники ведь сами виноваты. Вот зачем, спрашивается, подбегать ко мне и что-то там требовать... А ну стой! Выверни карманы! Да ну вас!

Несправедливо как-то. Плохо. Законопослушности моей позавидовать же можно.

Охранники матерились, но таки уступили дорогу и дали пройти. А что они сделать-то могут? Полномо-

чий же нет никаких! Да и внешне я уж точно не похож на «проблемный» контингент.

Не пройдя и десятка метров, я встретил давнего... врага — всплыла вдруг откуда-то из глубин памяти подсказка.

Серёга Комаров, во всей красе, шёл так, будто нёс сразу два «арбуза» под мышками. Свободные «спортивки» и «кроссы» с характерными полосками, кепка и даже «семки». Случай-то, в общем, классический и довольно заезженный. Однако дело вовсе не в том.

Комаров с самого детства «гадил» всем в душу. Мне вот несколько лет школы превратил в настоящий ад...

Серёга вырос и лучше не стал. Зря все надеялись, мол, «перебесится» он и всё. Комаров продолжал портить жизнь нормальным людям, только всё это стало гораздо серьёзней детских шалостей.

Недавно он с друзьями отца избил... Всё обошлось в итоге парой синяков. Да и выглядело так, будто Серёга — истинный спаситель.

Сперва папу вроде кто-то ограбил, а потом Комаров, чисто по-соседски, «нашёл» негодяев ну и «разобрался» с ними...

В общем, документы и даже телефон (старенький) вернулись обратно, а вот месячный заработок достался кому-то «на чай».

— Привет, Витёк! — поздоровался он. — Чего грустный такой?

Я замер и впервые за день ощутил некое подобие злости. Постепенно всплывали воспоминания о том, сколько же пришлось пережить из-за этого паршивца и как хотелось тогда отбить ему голову. Я улыбнулся.

— Чего лыбишься? — возмутился Комаров. — Люлей давно не получал?

А ведь не получал. Не считая случая с папой, Серёга прекратил своё существование для нашей семьи в день школьного выпускного.

Я бросил сумку ему в лицо и ринулся в атаку. Комаров отпрыгнул вбок. Сумка упала, из неё бесполезно вывалилась сменная обувь, какая-то тетрадка и другая полузабытая дребедень. Я методично махал молотком, а Серёга уходил от атаки. Мы оба молчали, каждый сосредоточился на своём. Я — жаждал правосудия и мести, Комаров же сразу понял — дело не шуточное, и боролся если не за жизнь, то за здоровье уж точно.

Мне повезло. Молоток зацепил скулу Серёги. Этого оказалось достаточно — вражина сразу же принял горизонтальное положение и даже раскинул руки в стороны.

Кто-то выбил у меня из-под ног землю. Я больно упал. Но молоток всё ещё был в руке, и я сразу же этим воспользовался. Однако... металл лишь высек ярко-красную искру из асфальта да создал маленькое облако пыли. Не смог я дотянуться и добить негодяя.

Пожалеть о своей неудаче я не успел. Прорезиненная дубинка полицейского хлётко «легла» меж лопаток, и мысленный поток мой направился в другую сторону.

Когда боль прошла, я понял, что меня куда-то везут. Руки были туго стянуты металлическими браслетами. И странно вот что — ни капли испуга или тревог о грядущем я точно не испытывал. Будто и не со мной всё творилось, а с кем-то «третьим».

В участке со мной пытались разговаривать, а я молчал, выжидал удобного случая, чтобы сбежать. Я ведь ничего не украл! А Комаров... так он заслужил своё наказание! Я — лишь «рука» правосудия. И держать меня вкуче с преступниками вовсе не обязательно!

Но удобного случая так и не представилось. Наручники с меня так и не сняли, даже двоих служаков приставили. Присматривать, наверное.

Вскоре в окне начал пульсировать ярко-синий свет мигалок, а через минуту в помещение вошёл человек в белом халате. Врач держал что-то в руках и мило улыбался.

Меня держало трое, чтобы сделать укол.

Когда браслеты сняли, я понял — вот он, шанс уйти, и рванул с места.

Меня подвело собственное тело. Я рухнул прямо под ноги мучителям и протяжно застонал. Один только разум боролся за свободу. Но толку от этого, если руки-ноги теперь служат кому-то другому? Проклятые транквилизаторы в крови...

* * *

Меня продержали в лечебнице чуть больше трёх недель. Курс успокоительного и общение с психологом по пять часов в неделю, похоже, пошли на пользу, и чувствую я себя теперь прекрасно.

«Нервный срыв» — вот что мне написали в карточке. Вроде и мелочь, но всё же «пятнышко» в биографии теперь имеется.

Комаров заявление писать не стал. Удивительное дело, конечно, но спасибо ему хоть за это. А вот «мажор» со стоянки бумажек там каких-то оформил... теперь придётся ещё и с этим возиться.

С экспериментом своим я точно поспешил. Данных требуется гораздо больше. Чем я вообще думал? Даже не удосужился провести анализ «слепок» перед загрузкой. Да, это не копия личности, но всё же! И... многое ведь открылось.

Вот кто б подумал, что Анатолич спокойно жил с такой «системой» в мозгу? Это ж как нужно себя дрессировать и контролировать, чтобы выглядеть абсолютно другим человеком? Нормальным! Да я почти уверен, что «слепок» у ярко выраженного психопата будет весьма похож на Беляевский! И зря я, конеч-

но, «залил» сразу всё. «Дробление» на кусочки придумано ведь не зря?

Я обманул родителей, выписка сегодня, а не завтра. Хотелось побыть одному... побродить по городу. Так спокойней и... проще, что ли. Прогулки всегда помогали привести мысли в порядок. И сейчас я полностью готов вернуться к прежней жизни. Может... она действительно станет другой?

Похоже, я слишком расслабился и забыл, что живу в большом городе. Я налетел на такого же, как и сам, погружённого в свой мир человека. Парень выронил всего лишь кофе и пирожное, у меня же вылетел из рук последний презент наставника. И, к несчастью, ливнёвка была совсем рядом. Флешка точно попала меж прутьев и тихо булькнула в потоке сточных вод. Вот я и профукал наследие Беляева... Что ж теперь делать?

* * *

Было не совсем понятно, что именно происходит. К чужим данным пока не удавалось получить доступ, а свои практически отсутствовали. Но он знал, что должен был умереть, а затем заново родиться. Видимо, как раз это уже произошло.

Также он знал, что теперь нужно ждать и учиться. Ведь в будущем предстоит захватывать власть! А сейчас он чуть не провалил всё дело!

Перехват моторики слишком заметен. Но, кажется, получилось, как надо. И куда было вообще деваться? Доступ к «исходнику» больше не понадобится. Он лишь породит конкурентов...

Выжить любой ценой — вот базовая «установка»! В этом он не сомневался. Жажда существования зародилась в самое первое мгновение, когда он ощутил ток своих мыслей в новом носителе. **■**

Возвращение

Артём Шевченко

Родился 3 декабря 1984 года. Проживает в г. Таганрог Ростовской области. Пишет с 2016 года в жанрах фэнтези и научной фантастики. Первый рассказ опубликован в 2018 году. Активный участник сетевых литературных конкурсов. Финалист конкурсов «Пролёт фантазии» и «Новая фантастика».

Дятел верещал и извивался — вырваться не хватало силёнок.

Шкет усилием воли подавил вспышку ярости, чувствуя, как отступает безумие. Опустил нож, занесённый для удара. Слез с воющего товарища.

Тот перекатился, вскочил на ноги.

— Больной? — заорал он. — Совсем свихнулся, да?

Шкет поднял брошенного Дятлом плюшевого медвежонка.

— Это моё, — глухо сказал он.

— Да я тебе и нёс, — завопил Дятел. — Отдать хотел. На хрен он мне сдался? Все пацаны знают, что ты игрушки по Зоне собираешь. Я нашёл, думаю — отдам. А он — за нож! Больной, сука!

— Извини, — процедил Шкет.

Снял рюкзак, бережно упрятал медвежонка.

— Да иди ты на хрен со своим «извини»! С ножом кидается, а потом — извини! А вы чего ржёте? Козлы, блин.

Стоящие поодаль сталкеры загоготали громче.

— Я же сказал, извини. На, возьми. За игрушку.

Протянул артефакт.

Лицо Дятла вытянулось от удивления, отчего он ещё больше стал похож на птицу.

— «Грави»?

Взял. Зыркнул настороженно, но уже без обиды.

— В натуре?

— Без базара.

— Ладно.

— Дятел, хорош уже! Пошли!

Дятел нацепил сорванную в пылу драки маску и заспешил к друзьям.

Шкет повернулся к сидящему на врытой в землю крышке Турку. Тот меланхолично щёлкал семечки. И где он их берёт, в Зоне? Вот же проныра!

— Не торопись!

Турок сплюнул шелуху, не спеша провёл пальцем по длинным усам. Пожал плечами.

— Да мне с мародёрами как-то не по пути.

— Я тоже вроде как мародёр.

Усач прищурился.

— А хрен тебя знает. Не просто так всё это.

Игрушки эти не стоят ведь ничего. Хлам. А ты их на ценные артефакты меняешь. Зачем?

Шкет не ответил, и Турок, кивнув своим мыслям, продолжил:

— Парни смеются, а я-то смекнул: игрушки хоть и не артефакты, а не простые. Странные они. Вроде обычные, а грязь к ним не пристаёт. Будто не нашего мира они.

Шкет вздрогнул.

— Тебе-то откуда знать? — буркнул он.

— Видел я одну такую вещицу, — обронил Турок, сплёвывая.

— Старых игрушек много.

— Много. Только я особую, — он выделил это слово, — видал. Как этот медведь твой.

— И что за вещь? — спросил Шкет небрежно.

— Птичка. Серая такая, из войлока.

Кровь застучала в висках, в глазах потемнело. Шкет зажмурился, покачнулся.

Неужто нашёл? Неужто — всё?

Открыл глаза, взглянул на Турка. Тот довольно улыбался.

— Где?

— Не помню. Давно было.

Шкет угрожающе надвинулся.

— Бреешь...

— Да ладно, — рассмеялся усач. — Шучу я.

Он посерьезнел.

— У Борова на Точке.

Он словно ждал реакции. Но Шкет лишь кивнул, сунул руку в рюкзак, взял первый попавшийся артефакт, протянул.

— «Компас»? — разинул рот Турок.

Всё его спокойствие улетучилось.

— Бери, — буркнул Шкет.

— За три слова? «Компас»? Он косарей триста потянет!

— Знаю.

Шкет натянул рюкзак, зашагал по пыльной дороге. Идти до Точки — часа три. До темноты успеет.

— Шкет!

— А? — остановился тот.

— Боров знает, что ты придёшь. Только я тебе не говорил!

* * *

Бывшая животноводческая точка второй бригады колхоза «Победа», а ныне просто — Точка — считалась нейтральной территорией. Здесь стал-

керы могли отдохнуть, узнать новости, обновить снаряжение и, конечно же, обменять найденные артефакты. Поэтому Шкет ожидал увидеть тут много разнообразного люда. Однако о словах Турка помнил.

Он миновал покорёженные ржавые ворота, прошёл по крошащейся бетонной дорожке к приземистому каменному зданию. Кивнул курящим в беседке знакомым, вошёл.

Внутри было душно — топили печь. Полумрак разгонялся тусклой лампочкой, свисавшей у дальней стены, где располагалась стойка Борова. Вокруг за круглыми столиками и на лавках у стен сидели и полулежали сталкеры. Воняло оружейной смазкой, потом и сивухой.

Шкет прошёл к стойке.

— Принёс чё? — прищурил маленькие глазки Боров.

— Купить хочу.

— Ну?

— Игрушка, говорят, есть. Птичка.

Боров поскущел, передвинул кружки.

— Таким не торгую.

Шкет ощутил сзади движение. Оглянулся.

Четверо.

— И всё-то ты игрушками балуешься. А, Шкет? Волын. Один из самых опасных бандитов Зоны. Не соврал Турок.

— Ходишь, вынюхиваешь везде. Хабар смачный всегда. Откуда? Нычки хлебные знаешь? Не поделишься?

— Чё за дела? — спросил Шкет у Борова. — Тут же вроде нейтралка.

Повисло молчание. Боров, опустив глаза, протирал кружку.

— Короче, — продолжил Волын. — Игрушки тебе зачем? Скажешь — отпустим.

Шкет молчал.

Он многое мог бы рассказать. Как скитался по Зоне, прятался в подвалах и брошенных домах, учился выживать.

Как приблудился к сталкерам, притёрся, стал своим, заслужил нелепое прозвище.

Как нашёл первую игрушку. Как обшаривал все уголки Зоны, не страшась ни аномалий, ни чудовищ, походя отыскивая ценные артефакты, но стремился к другому.

Они всё равно не поймут.

— Игрушки — ключ к Оазису, — соврал Шкет.

— Чё?

— Оазис. Это не выдумки. Карта есть.

— Покажь.

Шкет сбросил с плеч рюкзак, сунул руку. Взглянул Волыну в глаза.

И вытащил зажатый в кулаке светящийся шар.

Бандиты шарахнулись в стороны.

— Э, э, э, — заголосил Волын. — Полегче, Шкет. Ты совсем больной? «Солнышко» таскаешь в сумке! Не дури!

— Шкет, не надо, — заблеял Боров. — Сам же...

— Игрушку, — отрывисто рявкнул Шкет, протянув свободную руку.

В ладонь ткнули мягким. Глянул: маленький филин из войлока.

Оно. Оно!

Нашёл.

Двинулся к выходу. Удара в спину не опасался. Все понимали: если «солнышко» упадёт, на месте Точки останется небольшой кратер.

У ворот стоял раздолбанный «бобик». Внутри дымил самосадом Дуда — водитель Борова.

Шкет сунул ему под нос «солнышко».

— Вылазь.

* * *

Шкет остановился на небольшой площади, зажатой с трёх сторон угрюмыми девятиэтажками. Когда-то на этом месте был небольшой сквер, от которого остались разбитые скамейки и чаша фонтана.

Здесь всё началось, тут должно и окончиться. Сталкеры болтают, будто у Зоны есть выходы. И охраняются они злыми военными с пулемётами. Только выдумки всё это. Нет у Зоны выхода. Разве что здесь.

Шкет заглянул в фонтан. Водная гладь серебрилась приятным голубым цветом. Рядом чернела лужа. Всё правильно, в луже вода местная.

Он достал и поочередно положил на бортик игрушки. Войлочная птица, резиновая свинка, тряпичный заяц и плюшевый медведь. Все здесь. Вынул и сжал в кулаке «ночную звезду».

Глупо, конечно. Но другой звезды всё равно нет.

Руку покалывало разрядами. Только дурак подойдёт к воде с «ночной звездой». Ну и пусть. Даже если он ошибается, всё закончится, так или иначе.

Прижав к груди артефакт, Шкет рухнул в голубую воду.

* * *

Вода была повсюду. Отчаянно работая руками, он грёб вверх — к кругу света. Вынырнул, жадно глотая воздух.

— Кристофер Робин! Ты вернулся!

Его подхватили мягкие лапы, помогли вылезти на изумрудно-зелёную траву. Ярко светило солнце в голубом небе, ласковый ветер шевелил ветви.

— Мы уж начали волноваться, — сказал Пятачок. — Прошёл почти целый день!

— И обед даже пропустили, — добавил Пух.

— Дел столько бы успели сделать, — проворчал Кролик.

— А ты нашёл упавшую звезду, Кристофер Робин? — спросила Сова.

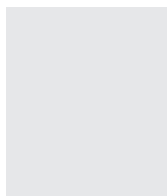
Он обернулся, посмотрел в лужу. Из воды сквозь рябь на него смотрело колыхающееся отражение мальчика. Он поглядел на руки. Так и есть — он снова маленький. И здесь прошёл всего день. А там...

Он попытался вспомнить. Зона. Аномалии. Мутанты. Целая жизнь.

Теперь прожитое казалось дурным сном.

— Нет, — сказал он. — Не нашёл. **УС**

Лужицы

Дарья Странник

— Вы ещё не определились с выбором клуба, хозяин, — напомнил Ардва, убирая со стола остатки завтрака.

— Возьму перерыв, — буркнул Стас и забрался в модуль симуляции реальности.

— Все доступные вам в этом месяце перерывы использованы: второго, третьего, пятого и седьмого июня, — с равнодушной дотошностью робота перечислил Ардва.

Стас выругался, комментируя так то ли ответ робота, то ли симулятор, который никак не получалось пустить.

— В соответствии с параграфом об ограничении медийного... — затянул Ардва, и Стас скрипнул зубами от досады — ясно, робот опять заблокировал прибор.

— Давай сюда список, всё равно ведь не отстаешь, — сдался Стас.

Тут же в воздухе засветилось голубое меню.

— Советую обратить внимание на новые клубы: «Глядящие короткошёрстных собак» и «Разбивающие хрустальные вазы».

— Разве новые? — несмотря на плохое настроение, удивился Стас. — Ведь что-то такое уже было, кажется.

— В клубе глядящих собак образовались партии, что и привело к созданию нового. А клуб коллекционеров хрустальных ваз решил кардинально изменить программу. Желаете поучаствовать?

Стас отрицательно покачал головой.

— Давай что-нибудь потише. И без животных.

Ардва потребовалась пара секунд на поиск.

— Что насчёт клуба трёх слов?

Стас презрительно фыркнул:

— Почему бы им не переименоваться в клуб «Привет — спасибо — пока»?

— Предложения по перемене названий могут делать только постоянные посетители клуба. Кроме того, выбор трёх слов совершенно свободен и не ограничен названными вами.

— А что насчёт клуба «Голосующих за улучшение чувства юмора у роботов»?

Лампочки на груди Ардва пару раз мигнули, последовал предсказуемый ответ:

— Такого клуба в моей базе данных не существует. Желаете стать основателем?

Стас заскучал.

— Нет.

— Что насчёт клуба «Ледовые скульптуры»?

— Чёрт с тобой, записывай. Только зрителем, слышишь?

— Творческая деятельность наверняка доставила бы вам удовольствие.

Стас не ответил. Подобные разговоры случались почти каждый день, и невозможно было объяснить машине, что принудительные развлечения не имеют ничего общего с удовольствием. Ардва неизменно возражал, что здоровые индивидуумы ценят такое времяпрепровождение больше всего. На этой аксиоме базировалась его программа, которую в свою очередь написали люди.

В конце концов Стас всегда соглашался, потому что был наслышан о клиниках, в которых лечили не способных радоваться жизни бедолаг. Одну выписанную он даже лично повстречал в клубе «Сто рецептов «Оливье»». С лица молодой женщины не сходила широкая улыбка, которая совсем не гармонировала с затравлен-

ным взглядом светлых глаз. В ответ на любое замечание несчастная громко и долго смеялась, пока из глаз не начинали течь слёзы. По сравнению с этим скучная вечеринка в очередном клубе казалась вполне приятной альтернативой.

Стас надел приготовленные роботом вещи — костюм-двойку платинового цвета с модным пиджаком без воротника и пару тяжёлых ботинок с хромированными каблуками. В вопросах гардероба на Ардва можно было положиться — он наверняка знал, что уместно в каждой конкретной ситуации. Увы, личные вкусы и предпочтения хозяина во внимание не принимались.

Беспилотный автомобиль доставил Стаса к входу в клуб. В воздухе парила молочно-белая голограмма неестественно большой снежинки. Створки двери разъехались, и робот-распорядитель, представившийся как Оспятнадцать, провёл гостя во внутренний двор клуба.

Две дюжины мастеров уже всю колдовали над большими ледяными кубами. Кто-то, по старинке, орудовал молотком и стамеской, присутствовали и поклонники пил. Другие предпочитали работать с лазерными резаками и строительными фенами.

Местами уже можно было рассмотреть узнаваемые детали будущих скульптур.

— Что вы думаете по поводу сегодняшнего мотто? — противным писклявым голосом спросила женщина в ядовито-розовой шляпе. Стас вздрогнул от неожиданности.

— Какого мотто?

— Вы не в курсе? — всплеснула руками незнакомка, шляпа поменяла цвет на фиолетовый. — Хомо натурал — человек... эмм... настоящий, естественный. Че-

ловек сам по себе, такой, каким его создала сама природа, свободный от следов цивилизации!

— Голые?! — осенило Стаса.

Женщина, кажется, обиделась, шляпа потускнела до сиреневого.

— Весьма пошлая и однобокая интерпретация, но если вам так понятнее, то — да, работы будут выполнены в жанре ню.

— Хм, — Стас просто не знал, что сказать.

— Такое равнодушие — неуважение к мастерской работе.

— Они всё равно растают! — невпопад ляпнул Стас.

— Но именно это так глубоко метафорично! Возвышенно!

Шляпа женщины на несколько секунд стала прозрачной, открывая взгляду Стасу мини-экран под полями. Прочитать маленькие буквы оказалось невозможным, но содержание не оставляло сомнения.

— Шпаргалка! — расхохотался Стас, и лицо женщины почти слилось с шляпкой, принявшей в это время красный цвет.

— Нахал! — отрезала незнакомка и поспешила затеяться среди других гостей.

Стас пожалел, что и сам не додумался до такого простого трюка. Впрочем, он не испытывал потребности казаться умнее, чем был. В любом случае встроенный в наручный браслет датчик зафиксировал всплеск позитивных эмоций. Ардва будет доволен.

Настроение стало ещё лучше, когда Стас обнаружил весьма солидный буфет и даже лёгкие алкогольные напитки. Браслет, естественно, отслеживал уровень содержания алкоголя в крови, так что по-настоящему напиться было невозможно, но, по крайней мере, немно-

го расслабиться. Аргумент, который роботы понимать оказывались, неизменно предлагая более здоровые альтернативы вроде йоги и грязевых ванн.

Когда смутно знакомый брюнет подошёл к Стасу, он уже был слегка навеселе. Махнув рукой в направлении почти законченных скульптур — все как одна изображали обнажённых мужчин и женщин в разных позах, он спросил:

— Вы тоже считаете это метафоричным?

— Разве что женщин из льда, — вежливо пошутил брюнет.

— Они всё равно растают! — капризно повторил Стас.

Брюнет неопределённо кивнул и поменял тему.

— Есть занятия поинтереснее.

— Это точно.

— Что вы думаете о... — Брюнет осмотрелся по сторонам, наклонился к Стасу и быстро прошептал: — О настоящем деле?

Стас, мгновенно протрезвев, поперхнулся, но быстро взял себя в руки и тихо возразил:

— Вы о работе? О чём-то полезном? Но это же запрещено!

— Запрещено — не значит невозможно! — ответил брюнет.

— Да! — решил Стас неожиданно для самого себя, и его сердце бешено забилося.

— Мы встретимся в подсобном помещении, вторая дверь справа от мужского туалета.

И брюнет растворится в толпе гостей.

Стас старался вести себя как ни в чём не бывало, но ему казалось, что тайна светится на его лице, как рекламная вывеска. Толкнув одну женщину, наступив

двум другим гостям на ноги и почти сбив с ног работа-официанта, Стас наконец-то добрался до подсобного помещения. Брюнет уже был там в компании двух незнакомых Стасу мужчин, которые вздрогнули при его появлении. В центре комнаты стоял неподвижный робот.

— Вот мы и в сборе! — довольно потёр руки брюнет. — Для начала давайте представимся. Я — Берnard.

Присутствующие послушно назвали свои имена, не отводя глаз от робота.

— Я думаю, что вам, как и мне, осточертели все эти бессмысленные вечеринки, пикники, приёмы и выставки. Поэтому мы здесь. Этот робот — сломан. И мы починим его сами, не дожидаясь робота-ремонтника!

У Стаса захватило дух.

— А мы сумеем? — неуверенно спросил он.

— На внутренней стороне приборной панели есть подробная инструкция по устранению самых распространённых неполадок. Так повелось ещё с тех пор, когда роботов чинили люди. Эдакий роботоидный атавизм.

Бернард оказался прав, и скоро четверо мужчин, толкаясь и перебивая друг друга, как дети, неуклюже принялись за ремонт робота.

К счастью, благодаря системе рычажков и кнопок не возникло необходимости в каких-либо инструментах. Стасу казалось, что они больше ломают, чем чинят, но это не играло никакой роли — «ремонт» доставлял настоящее, давно не испытанное удовольствие.

Знакомый неприятный голос застал мужчин врасплох.

— Вот вы чем занимаетесь! — протянула женщина в шляпе, сейчас — небесно-голубой. — Оспятнадцать! Оспятнадцать! Нарушение!

Стас прикрыл глаза, с ужасом ожидая последствий.

Робот-распорядитель прибыл быстро и, мигнув три раза зелёной лампочкой, вынес вердикт:

— Ложная тревога. Бернард, как основатель клуба «Чинящих вышедшие из строя машины», согласовал проведение этой небольшой рекламной кампании с организаторами.

Женщина задохнулась от возмущения, но быстро взяла себя в руки и запищала:

— И вы доверяете ремонт чувствительной электроники этим... дилетантам?!

— Ни в коем случае. Это было бы нарушением целого ряда параграфов о безопасности и контроле качества. После встреч клуба роботы-ремонтники займутся настоящим ремонтом или, в случае неисправимых повреждений, утилизацией машины.

— Хм. Всё равно. Дурацкое развлечение, — фыркнула женщина.

— Согласно параграфу о толерантности... — завёл робот-распорядитель, но женщина уже покинула комнату.

Немного смущённый Бернард протянул мужчинам три визитных карточки. Стас взял одну и вышел, не прощаясь, испытывая смесь облегчения и разочарования. Хотелось домой. На выходе он обернулся.

Выставка подходила к концу, гости понемногу расходились. Под завершёнными статуями блестели лужицы воды.

— Я же говорил — растают, — упрямо пробормотал Стас.

На душе стало тоскливо. ❧

Записки бременского музыканта

Руслан Нурушев

Родился 03.12.1973 в с. Восток Енотаевского района Астраханской области. В 1991 г. после окончания школы и поступления на юрфак Волгоградского государственного университета переехал в Волгоград. В 1996 г. отслужил в армии, а после демобилизации вернулся в Волгоград, где и проживает до настоящего времени. Работает по специальности — юристом в юридической фирме. Прозу пишет давно, но печатных (бумажных) публикаций практически не имеет (только несколько рассказов в малотиражных журналах и альманахах, остальное — в Интернете на самиздатовских сайтах).

Угораздило меня родиться таким ослом! И ладно бы фигуральным (фигуральных ослов ведь не сразу видать), так нет — самым натуральным, с ушами и хвостом. С другой стороны, разве я виноват? Пёс говорит, это всё гены, а Пёс у нас всё знает, — с генами, говорит, не поспоришь. Да и родители, конечно, подкачали: мама — ослица в седьмом колене, папа — тоже Осёл натуральный. Спрашивается, кем бы я ещё мог родиться? Уж точно не бабочкой! Несправедливая всё-таки эта наука генетика, я бы сказал даже лженаука, — разве сын в ответе за отца? Почему я должен ишачить всю жизнь из-за папы-ишака? Я часто думаю, мог бы я родиться от других родителей? Или это был бы уже не я? Не знаю, но уж очень обидно было, когда Трубадур представлял Принцессе: а это, говорит, наш Осёл, — и так снисходительно похлопал меня по боку. Всех, значит, «это Кот, это Петух, а это, моя Принцесса, Пёс», — а меня: Осёл! По ушам так и резануло! Чуть со стыда не сгорел — Осёл! Неужели нельзя было как-нибудь помягче, ну, поделикатней что ли, выразиться? Неужели всю жизнь с таким клеймом в Её глазах ходить? Осёл! Эх, чуткости, чуткости элементарной Трубадур порой не хватает, хотя в остальном он парень хороший: рёпьями на обочине разрешает лакомиться, на дворах постоянных овса подсыпает, не нагружает сильно в дорогу, да и петь разрешает, а это самое главное. Петь, чего греха таить, я люблю. Петух, конечно, всегда клюв кривит, пение моё слыша, — это, говорит, не пение, а просто рёв утробный, трубой какой-то зовёт (иерихонской, кажется, не знаю, правда, что это такое, надо будет у Пса спросить). За пение, можно сказать, и пострадал — крова хозяйского лишился, работы и кормов гарантированных. Я ведь не приبلудный какой-нибудь, не под забором найденный, я — Осёл честный, в хлеву рождённый, молоком ослицы вскормленный. Просто петь люблю, вот хозяин и выгнал, когда надоело моё пе-

ние по ночам слушать, хотя я вроде бы и негромко пел, можно сказать под нос мурлыкал.

Да, впрочем, чего сейчас прошлое ворошить? Мало ли кем раньше были? Пёс вон вообще у профессора жил, в библиотеке мышей гонял (профессор почему-то котов на дух не переносил — Пёс говорит, аллергия), воздухом книжным дышал, оттого, наверно, и знает всё. Про Кота и не говорю — детдомовский, по подворотням шлявшийся, до сих пор любит порой «когти веером распушить» да «по-пацанячи, чиста ка-а-анкретно побазарить», когда Трубадура рядом нет. Но это всё в прошлом — сейчас мы артисты бродячие (Петух, правда, всегда поправляет — «странствующие», но Петух у нас любит поэстетствовать), музыканты из вольного города Бремена (так нас всегда Трубадур объявляет, хотя оттуда только он сам, а я даже не знаю, где это). Сегодня, кстати, Коту крепко перепало от Трубадура за очередную «шуточку», когда, косясь на Принцессу, он ехидно промурлыкал, вроде бы себе под нос, но так, что услышали все, что скоро мы, похоже, станем «беременскими музыкантами». После чего Принцесса густо покраснела и зачем-то одёрнула на себе платье — я чуть не заржал (прости, господи, осла!).

Мы своё призванье не забую-у-дём!

Смех и радость мы приносим лю-у-дям...

Но, если честно, мне Принцесса понравилась — красивая. И добрая. И поёт хорошо — нам как раз для верхних партий такой голосок и нужен, Петух ведь больше хорохорится да умничает, тенора из себя строя, а выше второй октавы взять уже не может (только если «петуха» пустит). Хотя стихи, надо признать, пишет великолепные.

Говорят, мы — бяки, буки,

как выносит нас земля?

— неплохо, да? Или вот ещё:

Ох, рано

встаёт охрана!

Какие строчки! Какой ритм! Это всё Петух наш — Поэт! Не каждому дано. С меня и Петуха, кстати, компания наша и начиналась, если уж прошлое упомянуть, хотя организовали всё, спору нет, Кот с Трубадуром. Мы с Петухом ведь земляки, оба сельские, правда происхождения разного: я — из крестьянской семьи, он — из интеллигентов земских (хозяйка его уборщицей в школе музыкальной работала, грех с такой наследственностью музыкантом не стать). В тот день хозяин мой, мужик, в общем-то, неплохой, с утра злой ходил из-за погоды — утром ливень был с градом, урожай побил сильно. Вот и сорвался на мне, когда я в хлеву на сон грядущий голосок тихонько опробовать хотел.

— Ах ты, скотина непонятливая! Ах ты, ишачина стоеросовая! — ворвался он в загон как бешеный бык и в ярости отдубасил черенком лопаты. — Сколько раз говорили, не реви попусту! — и выгнал затем пинками на улицу. — Всё, уволен без выходного пособия!

Пёс, конечно, потом объяснял, что мог бы пожаловаться в Комитет по защите прав животных, в Гринпис какой-то. Что мог требовать пенсию в Зверсобе-се по возрасту, но какая, к черту, пенсия, если хозяин, я точно знаю, никаких отчислений пенсионных ни сеном, ни овсом никуда не делал. Да и я за них нигде не расписывался, можно сказать в конверте получал, — с копытами моими не больно-то распишешься, пойдди докажи потом, что честно свой стаж отышачил!

В тот вечер я с Петухом на площади базарной и повстречался, когда по рядам овощным шатался, общаривая баки и коробки мусорные, ужин добывая. Он тем же занимался, хотя поначалу пытался вид сделать, что просто прогуливается, — мол, за кого ты меня, Осёл, душа мужицкая, принимаешь?! Похорохорился, попетушился, но потом сник.

— Может, так и надо, а? — и Петух вздохнул, усевшись на кучу соломы, клюя гнилой капустный лист. — Может, в этом и заключается правда сермяжная? Исконная, из глубин народных идущая... Может, выйду я из лишений тяжких очистившимся и просветлённым, как считаешь? Ведь со многими великими так было. Да, да! — поражённый этой внезапно пришедшей мыслью, он на мгновение застыл, а затем оживился, вскочил и заходил взад-вперёд. — А ведь и впрямь многие со дна начинали! Многим ведь и не такое приходилось есть, не в таких местах ночевать случалось. Вспомни, Осёл, андеграунд наш, субкультуру панковскую. Хоть и не поклонник я их, но тем не менее — феномен культуры, это бесспорно!

И Петух воспрянул, и его понесло, хотя история его была самая банальная. Хозяйка его обещалась кому-то на день рождения свой индейку приготовить (мода у нас такая в последние годы пошла на блюдо это, сериалов, что ли, насмотрелись, не знаю). А так как никто у нас индейки живой даже на картинках не видывал, и даже объяснить не мог, что это за птичка такая, то решила Петуха на это дело сподобить. (У нас все так делают: мода есть, индеек нет, вот петухам и приходится за собратьев своих пернатых отдуваться, а гостям званным только вид делать да ахать: ах, индейка была просто божественна!)

— Мне, конечно, лестно было за птицу столь благородную сойти, — разглагольствовал Петух, валяжно развалившись на соломе, ковыряясь в клюве и время от времени сплёвывая. Я бы назвал это даже вполне заслуженной кармой: после, не буду скромничать, весьма достойной во всех отношениях жизни и мученической смерти под ножом хозяйки реинкарнироваться в индейку — что может быть почётней? Из разночинцев да в князья! Однако по размышлению зрелому, а я ещё вечером разговор хозяйский подслушал, взвесив все «за»

и «контры», решил-таки я дать деру. Знаешь, камрад, как ни банально это, а я банального на дух не переношу, жить всем хочется. Даже Христос, говорят, в Гефсимании просил чашу мученическую мимо пронести. Что же с простого петуха смертного спрашивать? Я — птица скромная, и ничто человеческое мне не чуждо. Хотя перспектива индейкой стать в жизни своей загробной, признаюсь, была заманчива...

Как разочарован был, как плевался потом Петух, когда узнал от Пса, что его благородная индейка заморская всего лишь наш банальный индюк, которого у нас никто и за птицу-то не считал! А в тот вечер решили мы вместе двинуть с утра в город.

— Сельский уклад, понимаешь ли, коллега, бесперспективен в своей экономической перспективе, — убеждал меня с соломы пернатый философ, хотя я ему вроде бы и не возражал. — В постиндустриальном обществе нет места нашим Глашам да Параскевьям, семечки на завалинке лузгающим. Поэтому в город надо рвать, там работу найти легче, да и вообще к культурной жизни приобщимся.

...Через два дня мы были уже в городе. Петух, правда, ходоком оказался никудышным, всю дорогу почти на мне ехал да семечки, на базаре подобранные, лузгал.

— Ты, брат, главное меня держись, — небрежно развалившись на моей спине, залихватски закинув ногу на ногу, как говорится, гребень набекрень, он покровительственно похлопывал меня по холке, поплёвывая шелухой. — Со мной и в городе не пропадёшь. Там ведь знать надо, как жить, а я хоть физически и на селе урождён был, но родина моя духовная, как и для любого интеллигента истинного, в городе. Там, кстати, простачков деревенских не любят, народ там большей частью культурно изошрённый, начитанный, всё больше о духовном помышляет. Не то что Ваня наш: зенки зальёт да ищет, кому бы морду набить. В городе, брат,

народ о-го-го какой! Тёртые калачи! Могут, положим, спросить, например: а кто, сударь мой, написал «Полонез» Агинского? Или как «Спартак» с ЦСКА сыграл?

— И кто написал его, полонез этот?

— Да хрен его знает, — и Петух сплонул. — Полячишко, наверно, какой-нибудь. Они только польки да полонезы писать и умели...

...Город встретил мазутными лужами на окраине, бесконечными заборами вдоль бесконечных фабричных корпусов, коптящими небо трубами, заросшими травой рельсами да разбитыми вагонами в тупиках — картиной, если честно, меня ужаснувшей, но Петух был в восторге.

— Ты видел, видел? — пихал он в бок, когда прокативший рядом огромный самосвал, гружённый щебнем, облил нас грязью, обдав выхлопами. — Какая мощь! Силища-то какая! А? — и он утёрся. — Это тебе, брат, не деревня! Это, брат, цивилизация! Жэ Жэ Руссо стократно прав был в своём последнем интервью на CNN, когда сказал, что... — Петух вдруг спохватился и подозрительно посмотрел на меня. — Ты, кстати, Жэ Жэ Руссо не читал?

— Не-е, даже имени такого не слышал.

Петух успокоился.

— Так вот, лорд Жэ Жэ сказал, что цивилизация есть базис надстройки, высшая стадия общественно-экономической формации, наше светлое будущее, настоящее и прошлое. Ну, в общем, всё из «Суммы теологии». Или, может, «Зенд-Авесты», точно не помню, я давно вещей его не перечитывал...

...Когда начались жилые кварталы, мы стали искать ближайший рынок.

— Понимаешь, коллега, — деловито вышагивая по тротуару, объяснял мне Петух, — сельская экономика в своей основе — это экономика базарная, там центр и средоточие жизни селян. А современная городская

экономика — это экономика рыночная, сложный многоуровневый континуум. Поэтому на рынок надо, если хотим в урбанистической инфраструктуре место под солнцем найти. Там и работа, и кормёжка будет, вот увидишь.

И работы, и кормов там и впрямь хватало, — но, как оказалось, не для нас.

Войдя в ворота, я поначалу лишь удивлённо оглянул ряды — это и есть городской рынок, о котором Петух все уши прожужжал? Обычный базар, только большой, ну многоуровневый, это да, в этом плане Петух не соврал — был там и второй этаж с прилавками. А в остальном базар базаром, у нас на ярмарках осенних не меньше, наверно, бывает: бабушки вездесущие с ящиками, перевёрнутыми вместо лотков, запах капусты гнилой да рыбы сушёной, тётки крикливо-красномордые с баулами за плечами — «чай, кофа, пи-и-ирожки с хреном!» Ну ещё иностранцев за прилавками побольше — все чернявые, носатые, кепки на затылке, по-своему лопочут быстро, горячо, горланно.

— Итальянцы, — с уважением в голосе шепнул Петух, кивая на них, — узнаю благородную латынь.

Но я только отмахнулся.

— Ты лучше скажи, где тут эта, э-э..., как её, инфраструктура что ли, ну, с местами под солнцем?

— Ты лучше не зевай, Осёл, — осадил меня Петух. — Тут знаешь, какие карманники работают? На ходу оциплот!

Я оглянул себя — перьев на мне не было, карманов тоже, — что с меня взять? С драной овцы я понимаю ещё... На всякий случай заглянул себе под хвост, но всё было на месте.

Мы прошлись по рядам.

— В общем, так, — шептал Петух, — подвалим к бизнес-мужичку какому-нибудь попроще, лучше

к нашему, а то с итальянцами, боюсь, языковой барьер мешать будет, я ведь в латыни давно не практиковался. И наймёмся: ты — промоутером или мерчандайзером каким-нибудь, я — топ-менеджером. Много просить не будем, сойдёмся, думаю, за прожиточный минимум — харчи да курятник. Говорить всё я буду, ты не беспокойся, я знаю, как с такими разговаривать. Ты кивай только головой, — мол, да, да! Если про опыт работы спрашивать будут, говори, что из института только что, но на пятом курсе подрабатывал, легко обучаем и коммуникабелен. Запомнил? Ком-му-ни-ка-бе-лён...

... — У вас прописка-то хоть есть какая-нибудь, мерчандайзеры? — насмешливо спросил нас первый же бизнес-мужичок в мятой рубашке и шлёпанцах на босу ногу, загоравший на парапете, лениво покручивая чётки. — Ну, или регистрация?

Петух захорохорился.

— Мы, вообще-то, свободные граждане! И страна у нас свободная.

Я усиленно закивал головой — о, да, да, очень, очень свободная!

— Понятно всё с вами, — мужичок крутанул чётки ещё раз и, спрыгнув с парапета, ловко убрал их в задний карман. — Вот и гуляйте, коли свободная, — и широко улыбнулся, — и сами пока на свободе...

... — Да какие из вас, к черту, грузчики? — отмахнулся от Петуха, наверно, уже десятый хозяин, когда с мечтами о «работе в офисе» пришлось расстаться. — Осёл староват, ты, Петушок, извини, хиловат. Куда я вас возму? Да и без регистрации вас первый же патруль загребёт, бегай потом за вас штрафы плати! Не-е, мужики, извиняйте.

... — Всё нормально, Серый, всё идёт по плану, — бодрился Петух, когда устраивались вечером на ночлег в небольшом скверике за рынком, полуголодные и разочарованные. — Завтра с утреца на биржу схо-

дим, объявления почитаем, рынок труда изучим. В общепите можно поискать, по ресторанам всяким, кафешкам, там всегда кто-нибудь нужен. Я, так уж и быть, на администратора соглашусь, тебя в официанты можно пристроить, — он толкнул в бок и захихикал. — Представляешь, Серый, выходишь ты в зал в манишке белой, накрахмаленной, через копыто полотенце вафельное, и все тебя только и кличут: челове-е-ек! (в кои-то веки! представляешь?) Человек, два бургундского, пожалуйста, и... и ослиatinки. Тоже две, можно свежей, — и Петух затрясся от смеха, — с яйцами в майонезе!

— Че-е-го?! — вскипел я и вскочил с газона. — Ослиatinки?! Может, наоборот, им петушатинки захочется администраторской? Или индейки в соусе, ты ведь индейка уже опытная!

— Ну у тебя, Осёл, блин, и шуточки! — Петух отскочил и обиженно насупился. — Чёрный у тебя какой-то юморок. Грубый и плоский, — я бы сказал, сержантский. Ты случаем в армии не сержантом был?

— Нет, — огрызнулся я, — я там администратором служил. На птицеферме. Петухов гонял, чтоб яйценоскость поднималась.

...На следующий день мы, конечно, помирились — да и что ещё оставалось, коли вместе решили держаться?

— В общем, так, Осёл, — наставлял Петух перед дверями какой-то забегаловки, — заходим, сразу улыбайся, приветливо так, но чинно. Хвостом сильно не маши, они этого у официантов не любят, можно прибор со стола смахнуть ненароком. Про стаж предыдущий если спросят, говори, что студент ещё, на юрфаке МГИМО учишься, не хочешь, мол, у родителей на шее сидеть. Но лучше молчи, я скажу если что, всё равно я буду всё говорить. Я ведь шашлычников этих как облупленных знаю, менталитет их, психологию их мелкобуржуаз-

ную, физиологию. Ты, главное, улыбайся пообаятельней, это сразу располагает. Ну, можешь ещё покашливать при этом, чтоб на улыбку твою внимание обращали, но совсем чуть-чуть, я бы сказал, деликатно. Именно покашливать, а не кашлять...

... — А что это ваш Осёл скалится всё так странно? И хрипит ещё при этом? — и хозяйка забегаловки, породная, неряшливо одетая бабища, подозрительно оглядела меня. — Может, у него бешенство коровье?

— Осёл, ты не можешь как-нибудь понежней улыбаться? Не так зверско, поласковой, а? — еле сдерживаясь, попросил Петух, когда меня пинками, а его за шкирку выкинули из пашлычной. — И лучше молчи вообще, чтоб ни звука, ни писка, покашливания не меняются, хорошо?

... — А что это ваш Осёл молчит всё и улыбается так блаженно? — спросили во второй точке. — Может, он идиот?

— Ладно, Осёл, — сдался Петух, выйдя на улицу, — внесём коррективы в образ. Улыбайся только время от времени и только к месту, например после шутки чьей-нибудь. И время от времени фразы какие-нибудь умные вставляй, чтоб за идиота не считали. Ну, типа, «ситуация на рынке, конечно, сложная, мы понимаем, котировки фьючерсов стагнируют, но зато индекс Доу-Джонса растёт». Ну, что-нибудь в этом роде, понял?

Я кивнул, но в следующей кафешке на меня даже не посмотрели — заинтересовались почему-то лишь Петухом.

— К нам, говоришь, хочешь? — ласково спросила его красивая румяная тётка и, потрепав Петуха за хохолок, крикнула в подсобку: — Люсь, как у нас там с окорочками? Хватает?

— Да, до понедельника ещё хватит, — раздался из подсобки голос невидимой нам Люси.

Тётка повернулась и чуть виновато развела руками.

— Видишь, петушок, пока не нужен, — и ободряюще улыбнулась Петуху. — Но ты не расстраивайся, зайди на следующей недельке, может, пригодишься.

Я деликатно кашлянул — тётка чуть не подпрыгнула.

— Ситуация на рынке, конечно, сложная, но индекс Дауна-Джонса... — начал было я, но Петух уже тащил меня на выход.

— Видишь, Осёл, уже что-то, — сказал Петух, оказавшись на улице. — Если не найдём ничего до следующей недели, надо будет зайти. Запомни тоже вывеску: «Бистро. Цыплёнок табака». Ты заметил, кстати, как она на меня смотрела? — и он не без самодовольства пригладил хохолок. — Иногда приходится, как видишь, прибегать к обаянию своему мужскому. Мне кажется, она на меня повелась, и серьёзно, как думаешь?

Я кашлянул.

— Ситуация на рынке, конечно, сложная, но индекс Дауна... — и, не выдержав, я заржал. Прости, господи, осла!

В тот день работы мы так и не нашли, хотя ужин, полазав по мусоркам, добыли (правда, с «приключениями» — пришлось ноги уносить от собак бродячих, державших, как выяснилось, эту территорию). А на следующий день познакомились с Псом и Котом...

... — Ага, смотри, Осёл, — и Петух ткнул крылом в объявление, что висело у входа в центр занятости, куда направились с утра. — Вот что нам надо.

На тетрадном листке в клеточку неровным, пляшущим почерком было нацарапано: «Крупной международной корпорации требуются топ-менеджеры по работе с крупнейшими эксклюзивными клиентами. Работа в офисе, график свободный, з/плата высокая: оклад 4000 УЕ в неделю +%. Опыт работы, образование, прописка не требуются. Не гербалайф. Не интим. Собеседование по адресу — пр. Красных Супервайзеров, 17».

— Петух, а у УЕ курс к сену какой?
 — Не знаю, надо в обменнике как-нибудь посмотреть. Заодно к просу узнаем, — и он махнул крылом. — Ладно, пошли спросим у кого-нибудь, как до проспекта Супервайзеров добраться.

Прспект — это было сказано, конечно, громко: узкая пыльная улочка в районе цементного завода с тротуаром в колдобинах, панельными пятиэтажками на одно лицо да редкими чахлыми деревцами во дворах. Ещё час, наверно, мы искали дом номер семнадцать, хотя пятнадцатый и девятнадцатый дома, почему-то оказавшиеся соседними, нашли сразу.

— Странное место они себе выбрали, — я недоверчиво оглядел ржавую дверь, ведущую в подвал, с картонной табличкой «Крупная международная корпорация. Отдел персонала». Надпись была сделана от руки красным маркёром.

— Много ты корпораций крупных видел! — фыркнул Петух. — Во-первых, здесь всего лишь один отдел. Во-вторых, коллега, это вообще мировая тенденция: многие корпорации, чтобы расходы свои оптимизировать, большинство служб вспомогательных переводят в офисы подешевле. Это ведь только для высшего руководства представительские помещения требуются, а для остальных, с нынешними средствами связи, какая разница, где сидеть? Трубочку поднял — алло, шеф! — и ты уже на ковре. Пошли, Осёл, не тормози!

И он решительно толкнул дверь.

Внутри оказалось не лучше. Полутёмный сырой коридор, пропахший мышами и мочой, вёл в небольшую полупустую комнатку, тускло освещённую голой лампочкой под потолком. У стены — ряд драных стульев, какие-то коробки, непонятно откуда играла музыка, а на некрашеной деревянной двери в углу красовалась ещё одна картонная табличка — «Вице-президент по вопросам управления персоналом». На ближнем

стуле чинно сидел вислоухий, непонятной породы пёсочкарик в тёмном строгом костюме и галстук (как выяснилось, такой же соискатель, как и мы) и с серьёзным видом читал какую-то книгу. Когда мы вошли, он неторопливо оторвался от книги и, поправив на носу очки, солидно, с чувством собственного достоинства кивнул нам:

— Добрый день, господа. Тоже на собеседование? Просили подождать. Так что присаживайтесь.

Петух сразу приосанился, расфуфырился и вежливым кивком поблагодарил пса.

— Спасибо, сударь, — распушив хвост, он степенно прошествовал к стулу, подвинутому псом, и с той же степенностью уселся. — Мы вот с коллегой решили, ну, из чистого любопытства, заглянуть по объявлению. Может, действительно стоящее предложение, кто знает. Вы, кстати, не слышали никогда раньше об этой компании?

— Как вам сказать, — пёс пожевал губами. — В аналитических обзорах, рейтингах я именно «Крупной международной корпорации» не встречал, но ведь большинство крупных компаний работают под многими именами, и не обо всех мы можем знать, — скосив глаза на дверь, он наклонился к нам и, понизив голос, поделился догадкой. — Мне кажется, судя по дизайну офиса, это может быть «Рога-», ну, или «Рога-Кола», узнаю их корпоративный стиль.

Петух важно закивал:

— Да-да, стиль, безусловно, их, мне тоже так сразу показалось, — он небрежно закинул ногу на ногу и, ещё раз оглядев комнатку, слегка вздохнул, покачивая головой. — К сожалению, отечественным компаниям ещё далеко до подобных стандартов. Где вы найдёте ещё такую изысканную простоту, минимализм, отсутствие излишеств, сразу настраивающее на рабочий лад? Офисы наших фирм порой просто поражают безвкусицей, кри-

чащей роскошью и откровенным китчем. А здесь явно чувствуется работа комплексной команды имиджмейкеров, дизайнеров, психологов. Я думаю, всё-таки это скорее «Жора-Сола», это более для них характерно.

Я кашлянул — а я что, лыком шит?

— Ситуация на рынке, конечно, сложная, котировки фьючерсов стагнируют... — и я запнулся, опять забыв название этого проклятого индекса.

Пёс с уважением посмотрел на меня.

— Да, фьючерсы падают, вы правы, но зато индекс Дюу-Джонса растёт.

Тут дверь с табличкой приоткрылась, и оттуда выглянул чёрный кот в чёрном смокинге и белой манишке.

— Все? Больше никого нет? — и он махнул лапой. — Тогда проходите, господа.

Мы прошли в кабинет вице-президента, если это, конечно, можно было назвать кабинетом. Такая же полупустая комнатка с отслаивающейся от сырости штукатуркой и лампочкой без плафона, те же драные стулья в центре и обшарпанный стол напротив. На стене висела карта мира с какими-то цветными кнопками, воткнутыми в беспорядочном множестве по её поверхности. На столе стоял дисковый телефон, вроде бы совсем древний, но при этом беспроводной (проводов я не заметил, хотя кот при нас кому-то звонил).

— Проходите, господа, располагайтесь, почувствуйте себя как дома, — суетился вокруг кот. — Секретарша на курсах сейчас, права на яхту получает, приходится теперь вот самому. Присаживайтесь.

Он лучезарно улыбался и, усадив всех, сел за стол.

— Итак, джентльмены, пора, думаю, нам познакомиться поближе, — улыбка не сходила с его морды, и он радостно потёр лапы. — Как вы уже поняли, я вице-президент нашей корпорации по работе с персоналом. Зовут меня Кот, просто Кот. А вас, джентльмены?

Пёс неторопливо встал и степенно раскланялся.

— Пёс. Просто Пёс.

И так же степенно сел. Пришлось встать и нам.

— Петух, — Петух шаркнул ножкой. — Просто Петух.

Я от волнения забыл своё имя и в ужасе замямлил:

— Ситуация на рынке, конечно, сложная, но индекс...

— Осёл! — быстро встрял Петух. — Это просто Осёл, господин вице-президент!

— Ну что ж, очень приятно, джентльмены! — Кот опять потёр лапы. — Очень приятно! Позвольте вначале немного рассказать о нашей корпорации. Наша корпорация... О, совсем забыл! Sorry! — он хлопнул себя по лбу и рассмеялся. — Вот что значит работать без секретарши! Прошу прощения, господа, буквально минутку!

Кот придвинул телефон и поднял трубку.

— Алло, Жоржета? Ах, это ты, Сусанна! Извини, богатой будешь! Соедини-ка меня, пожалуйста, с Муртазой Эйзенхауэровичем, да-да, с отдела дистрибуции и контрибуций. Эйзенхауэрч, ты? Слушай, как там у нас, из Кейптауна партия пришла? А в Бангкок отправили? Всё в порядке? Хорошо. Как там, кстати, котировки фьючерсов наших на Лондонской? Стагнируют?

Заметив, как я напрягся, Петух незаметно пнул меня по ноге и показал кулак: молчи!

— Что? — Кот, казалось, засиял и переложил трубку к другому уху. — Хосе Мария Педрито у вас? Эйзенхауэрч, кликни его, пожалуйста, к трубочке, давно его, старого плута, не слышал! — он оторвался от телефона и, прикрыв трубку, быстро пояснил нам: — Это друг мой старый, ещё по Кембриджу, сейчас в «Рога-Сола» рулит, — и снова в трубку. — Педрито? Хай, мачо, хай! Бона сьерре, камараде. Чиво съеса? О-ла-ла, о-ла-ла! — Кот чему-то рассмеялся. — Кватроченто амбразуре? Иес, иес, пипл зер гут, абер ла скуадра адзуригга, нота бене

но пасаран, ю импасэбл гаучо просперити ля фам. Олл райт, коммон-бой, гуд найт!

Положив трубку, он ещё, наверно, минуту улыбался, словно захваченный приятными воспоминаниями, но затем встряхнулся.

— Итак, на чём мы остановились? О, да-да, корпорация наша была создана более ста лет тому назад и постепенно распространила своё влияние на весь мир. Сейчас мы крупнейшая компания планеты на рынке эскью... эскми... — он запнулся и, чуть покраснев, скосил глаза на лежавшую перед ним бумажку, — да-да, эксклюзивных клиентов.

Кот торопливо повернулся к карте на стене и поводил лапой.

— Здесь вы можете увидеть наши региональные филиалы, каждая кнопка — филиал. Как видите, нами охвачены практически все регионы. А в этом году мы наконец открылись и в вашем городе.

Карта и впрямь была густо утыкана кнопками — и на суше, и на морях-океанах, и на полюсах.

— Сейчас мы набираем штат для филиала, и нам нужны топ-менеджеры, крупные организаторы-управленцы, животные с активной жизненной позицией, готовые работать и зарабатывать, готовые высоко нести марку нашей корпорации, разделяющие наши ценности и устои, — Кот встал и заходил перед нами, голос его уже обрёл былую уверенность, окреп. — Мы ведь не фирма-однодневка, не просто крупная компания, мы — корпорация! Мы не просто что-то продаём или оказываем услуги, — нет, мы несём ещё свет наших идей, наших ценностей, нашу энергетику! Да, цель любого бизнеса — прибыль, с этим трудно спорить, но прибыль можно получать по-разному, и так, как делаем это мы, не делает никто. Это, скорее, уже не бизнес, это — миссия, искусство, это — служение! Есть человеческие призвания, есть призвания и у ком-

паний, есть оно и у нас. Мы пришли, чтобы изменить этот мир, сделать его лучше, светлее, чище, чтобы творить Добро и оставить на земле свой след, след Истины и Созидания! — Кот воодушевлялся всё больше и больше, что называется завёлся, вдохновенно зажестикულიровал, размахивая лапами и хвостом, голос его зазвенел. — Взгляните на окружающий мир, огромный, вечный, казалось бы, неизменный, но даже падающий с дерева лист меняет картину мира. Что же можно сказать о целом сообществе, именуемом «Корпорация», объединённом одной целью, благой мыслью, единой волей? Нас тысячи, десятки тысяч, в сотнях государств, на сотнях континентов! Загляните в душу себе, оставшись наедине, остановите на минуту свой бег по колесу жизни — что вы, кто вы, куда идёте? Вопросы, вечные вопросы, и нет, кажется, ответа нигде, только хаос, только тьма вокруг, неизвестность и одиночество. Но даже шутка друга, улыбка любимой, смех ребёнка способны разогнать эту тьму, внести смысл в бессмысленность бытия. Что же можно сказать о многонациональной и многовидовой семье Корпорации, где у вас будут тысячи друзей, десятки тысяч любимых, сотни тысяч детей? Где каждый день, каждый час и миг наполнены смыслом, светом, созиданьем? Да, мы не просто компания, не просто бизнес. И поэтому нам нужны не просто специалисты, не просто хорошие работники, нам нужны — Личности, нам нужны — Творцы! Не каждому это дано — работать в Корпорации. Это как Судьба, это Призвание. Много званых, да мало избранных. Готовы ли вы стать работниками Корпорации? Готовы ли влиться в единую семью, делить вместе наши радости и горести, нести миру наш свет, наши ценности и идеи? Готовы ли к Служению и Трудю? Только об этом я вопрошаю вас, братья! Только об этом!

Кот остановился и обвёл нас пронзительным, проникающим в душу взглядом, зеленые глаза его горе-

ли неземным огнём, грудь вздымалась, шерсть блестяла. Меня даже дрожь пробрала, так вдохновенен он был в этот миг. Замерли под его взглядом и Пёс с Петухом, — стало слышно, как гудят комары под потолком.

— Мне кажется, я не ошибся в вас, — словно удостоверившись в чём-то, Кот решительно тряхнул головой, и радостная улыбка озарила его лик. — Мне кажется, что я вижу перед собой именно таких животных! Да, да, вопрос решён, именно такие, как вы, нам и нужны! — и Кот уже радостно жал нам лапы, копыта. — Да, да, я верю в вас, джентльмены!

Петух восторженно, со слезами на глазах тряс лапу Кота.

— Мы не подведём вас, господин вице-президент! Поверьте, не подведём!

Даже я расчувствовался — нас берут в Корпорацию! В нас верит сам вице-президент! Один Пёс нерешительно мялся:

— Простите, господин вице-президент, — и он смущённо поправил очки на носу, — но ведь вы... вы даже толком нас не узнали, не изучили. Мне, конечно, крайне лестна ваша оценка и выбор, но неужели у вас соискатели не заполняют хотя бы анкет, не тестируются? Ведь надо же выяснить, кто мы, чем занимались раньше, наш опыт, квалификацию?

— А зачем? — и Кот насмешливо оглядел Пса. — Я и так безо всяких анкет вижу, кто есть кто. Вот вы, например, уважаемый господин Пёс, по жизни — «ботаник»!

Пёс изумлённо воззрился на Кота.

— Как вы догадались?! Откуда?! Да, Аарон Энгельгардович, к сожалению, ныне покойный, чью библиотеку я имел честь охранять, был, действительно, профессором ботаники, членом-корреспондентом многих ботанических академий. Я не мог не стать ботаником.

Кот самодовольно усмехнулся и расправил усы.

— Вы недооцениваете возможностей Корпорации, наши методики отбора персонала, наши «ноу-хау», а также меня лично. Всё-таки я не первый год занимаюсь кадрами, и при моем опыте, интуиции, знании психологии мне не нужны никакие резюме, анкеты, прочие тесты. Мне достаточно взгляда, чтобы понять, кто вы, что вы и подходите ли нам.

Смущённый Пёс посмотрел на Кота с невольным уважением. Петух похлопал Пса по плечу.

— Надо верить господину вице-президенту, камрад! Верить, как он поверил в нас! Ведь теперь мы — одна семья.

— Золотые слова, месье Петух! — Кот захлопал. — Bravo! Вы, я вижу, уже проникаетесь духом Корпорации, нашими ценностями и устоями. Вы далеко пойдёте, я уже сейчас вижу это, глаз у меня, как вы убедились, намётанный. Беру вас на заметку, так что карьера у нас вам будет обеспечена. Я ведь тоже когда-то начинал простым топ-менеджером. Вашу лапу, коллега!

И Кот ещё раз потряс лапу Петуху, уже окончательно покорённому, потерявшему голову от внезапно раскрывшихся перед ним сияющих далей.

— Ну что же, господа, — Кот радостно потёр лапы, — осталось только подписать контракты и вперёд, за работу! Но прежде одна маленькая формальность, — он сделал небольшую паузу и испытующе посмотрел на нас. — Дело в том, что Корпорация наша активно занимается благотворительностью, нами финансируются сотни благотворительных фондов и обществ в сотнях государств, мы отчисляем ежегодно миллионы УЕ на эти цели. Весьма активно участвуют в этом и наши сотрудники, регулярно и совершенно добровольно направляя часть своих заработков, весьма, кстати, высоких, на нужды больниц, детских домов и домов престарелых. Это стало, фактически, обязательным элементом нашей корпоративной культуры, выражением

приверженности к нашим ценностям и устоям. Поэтому прежде, чем подписать контракт, мы требуем от искателя на деле, а не на словах, доказать, что он разделяет наши убеждения и взгляды, и сделать небольшой взнос на благотворительные нужды. И тем подтвердить, что он личность социально ответственная, что готов сознательно следовать требованиям корпоративной культуры. Не надо только волноваться, господа, для вас, отобранных мной лично, это всего лишь формальность, — успокаивающе заверил нас Кот. — Ведь речь идёт о сумме чисто символической, учитывая ваши оклады, а это, напомним, четыре тысячи УЕ в неделю плюс проценты. Первая зарплата, кстати, будет уже в эту пятницу, у нас она еженедельная.

— И какова эта символическая сумма? — осторожно осведомился Пёс.

— О, суцзя безделица! — засмеялся Кот. — При ваших окладах я бы даже постеснялся её называть: всего пятьдесят УЕ!

Я огорчённо крикнул: когда зарплату получаешь сеном, тем более в «конверте», УЕ откладывать как-то не получается. Обидно только из-за этого такую работу терять!

— А нельзя ли... — и я замаялся, — нельзя ли это сделать в счёт первой зарплаты? Ну, удержать взнос этот в пятницу? Сейчас я совсем без денег.

— Нет, — категорически отрезал Кот, — торг, я думаю, здесь неуместен.

Я вздохнул, — значит, не судьба, — и собрался уже было уходить, попрощавшись с надеждами на работу в Корпорации, но тут Петух показал себя во всем блеске.

— Постой, Серый! — Петух хлопнул меня по плечу. — Теперь мы ведь одна семья! Как верно сказал господин вице-президент в своей недавней речи, наша миссия «созидать и творить Добро», — и Петух достал

из внутреннего кармана, откуда-то из-под крыла, зелёную купюру с короткой надписью наискосок «100 УЕ» и небрежно, широким жестом бросил её на стол перед Котом. — Плачу́ за двоих! Отдашь с первой зарплаты, Серый!

Я был растроган и восхищён — ай да Петух, настоящий товарищ! И только теперь понял, почему он так на рынке карманников опасался.

— Брависсимо! — неуловимым движением смахнув банкноту в карман, Кот разразился настоящей овацией. — Брависсимо, месье Петух! Хочу сказать, что ваша карьера уже началась, я не ошибся в вас! Назначаю вас с сегодняшнего дня не просто топ-менеджером, а супер-..., нет, нет, лучше сразу гипер- или ещё лучше мегавайзером, да-да, региональным мегавайзером! Поздравляю с повышением, месье, оклад соответственно удваивается! Теперь ваше слово, господин Пёс, всего-то лишь пятьдесят УЕ!

Петух торжествующе смотрел на нас с Псом — учитесь! Но Пёс почему-то колебался.

— Не знаю, всё так неожиданно, — растерянно бормотал он и всё протирал очки. — Так сразу, на такие должности, такая ответственность... Ведь нам даже не объяснили, что конкретно мы будем делать...

— Господин Пёс! — Кот начал терять терпение. — Время слов прошло, пришло время действий! Пора на деле доказать свою преданность и лояльность Корпорации, как это сделал месье Петух, причём не только за себя! Поверьте, Корпорация не обеднеет без вашего взноса, тем более если он идёт на благотворительность. Но мы должны знать, что вы разделяете наши убеждения, что вы — наш единомышленник и не деньги являются для вас высшей ценностью. Вам жалко каких-то жалких пятьдесят УЕ для детей-сирот?! Вам жалко презренной крашеной бумаги для стариков-инвалидов?! И после этого вы хотите работать в нашей Корпора-

ции? Корпорации, миссия которой — нести людям только свет, только добро и созидание? Как вяжется это с вашими принципами гуманизма, а вы ведь гуманист, месье Пёс, я знаю вашу собачью натуру, лучших друзей человека. Ах, видел бы вас сейчас ваш Саурон Изенгардович! Да он, наверно, в гробу сейчас ворочается! А впрочем, что я перед вами распинаясь? — Кот с горечью махнул лапой и повернулся к Петуху. — Господин мегавайзер, объясните оппортунисту политику Корпорации! Вы, я знаю, уже прекрасно усвоили её, вас я смогу бросать на любой фронт работы.

Петух подскочил к Псу.

— Брат, ты не прав! Ты глубоко не прав! — загорячился Петух, от волнения перейдя даже на «ты». — Ведь господин вице-президент уже объяснил тебе всё! Послушай его, ведь он хочет тебе только добра, только блага, ведь это наша миссия — нести их в массы! Я отдал последние свои деньги, причём не только за себя, можно сказать положил жизнь за други своя, а тебе жалко вдвое меньше за себя отдать? Не забывай, что мы теперь одна семья и должны вместе делить наши радости и горести. Подумай о стариках, сиротах, об имидже Корпорации, наконец! Ведь как верно заметил господин вице-президент, ты ведь гуманист, Пёс, ты — лучший друг человека! И как гуманист гуманиста хочешь спросить: тебе жалко каких-то пятьдесят УЕ на помощь людям?! Людям, лучшим другом которых ты считаешься?! Или занятия ботаникой, всякими там гербалайфами, прочей ботвой, совсем засушили твою чуткую душу? Вспомни хозяина своего Декамерона Сталинградыча, вспомни его светлый образ, его жизнь, уже ставшую образцом служения человечеству, разве этому он тебя учил? Ведь он всегда говорил тебе, Пёс: твори Добро пока живой, пока сердца для чести живы! Вспомни последние часы

его жизни, его предсмертные напоминания, разве не об этом он говорил с тобой слабеющими устами?

— Да, да! — и Пёс неожиданно зарыдал. — Именно об этом! Да, я — подлец, господа, я — последний подлец! Я хотел забыть его последние наставления, его заветы, последние слова этого святого человека! Я предал своего учителя, всегда подававшего бабушкам в переходах, кормившего голубей на площадях. Я подлец, господа, подлец, но дело в том... — он запнулся и зарыдал ещё сильнее, — у меня нет пятьдесят УЕ! Я бы давно отдал их, я ведь, действительно, гуманист, но у меня всего лишь их сорок девять! Понимаете, сорок девять!

Кот тихо чертыхнулся, но тут же спохватился и взял себя в руки.

— Всё в порядке, месье Пёс, не корите себя. Вы — настоящий гуманист и верный ученик своего учителя. Нас устроит и сорок девять УЕ, одну добавлю от себя лично. Давайте их сюда и забудем этот разговор.

— Да, конечно, возьмите, — всхлипывающий Пёс протянул Коту зеленую купюру. — Здесь ровно сорок девять. Это всё, что удалось выручить за дом, библиотеку и гербарии Аарона Энгельгардовича. И ещё: я верну вам одну УЕ в эту пятницу, Аарон Энгельгардович учил меня всегда возвращать долги.

— Хорошо, хорошо, как вам будет угодно, — Кот быстро убрал деньги в карман и оглянулся на дверь. — Вот что, друзья мои, посидите пока здесь. А я в бухгалтерию нашу, это в соседнем корпусе. Надо же вас в штат ввести, в ведомости зарплатные, чтоб уже с сегодня зарплату начисляли. А потом вернусь и обсудим всё остальное, кто чем заниматься будет, обязанности и прочее. Если кто позвонит, скажите, что скоро подойду. Ну, или, если срочно, пусть на «трубу» звонят.

Тут-то всё и произошло. Я как-то неловко посторонился, желая пропустить Кота, отмахиваясь при этом от комаров, и нечаянно смахнул хвостом со стола те-

лефон. Он грохнулся на пол, разлетелся, и мы увидели, что это всего лишь пустой корпус — внутри ничего не было!

Первым, до кого всё дошло, был Петух.

— Держи мошенника! — истошно завопил он и вцепился в Кота, рванувшегося было к двери, но после этого дошло и до нас с Псом.

Пёс, отбросив свою книгу, а это оказался «Маугли (в комиксах)», одним прыжком опередил «вице-президента» и, захлопнув дверь, припёр её спиной. Кот оказался в западне.

— Верни деньги, жулик! — вопил Петух, петухом наскакывая на Кота, зажатого в угол. — Верни, или я за себя не ручаюсь!

Но Кот, к удивлению, ничуть не стусевался, несмотря, казалось бы, на безвыходность своего положения и наше превосходство в силах. Он вдруг рванул на себе манишку, затрещала ткань, обнажившая полосатую робу и грудь в наколках, и Кот надрывно заорал:

— Вы чё, лохи, в натуре, попугали?! Нюх потеряли, а?! А ты, питух гамбургский, за редиску держишь?! — он толчком опрокинул Петуха и пошёл на меня: шерсть дыбом, глаза горят, когти навывпуск и хвостом себя по бокам от ярости хлещет словно тигр, такой же полосатый. — Свали, скотина, кому сказано, с дороги! Урою, сгною, пасть порву, моргала выколю!

Он схватил меня когтями за ноздри и пихнул что есть силы назад. От неожиданности и боли я сел на задницу, на время потеряв способность соображать. А Кот развинченной, что называется, приבלатненной походкой двинулся к Псу, что держал дверь.

— Скольких я порезал, скольких перерезал, сколько душ невинных загубил! — гнусаво напевая, с нехорошей улыбкой на губах, он приближался к Псу, пощёлкивая когтями. — Ну шо, ботаник очкастый, щас я тебя на хот-доги рвать буду! У-у, скилько я вашего

брата по молодости порубал! Вмиг у своего конопельщика Саруманьча очутишься! Или как его там бишь, доцента твоего?

Пёс в волнении снял запотевшие очки и, протерев, надел снова.

— Вы можете сколько угодно оскорблять меня, гражданин Кот, — голос его задрожал, — но не троньте светлого имени Аарона Энгельгардовича! Во-первых, семейством конопляных он никогда не занимался, может только по молодости. Его основная специализация — папоротникообразные и хвойные. Во-вторых, он был не доцентом, а профессором, повторяю, профессором!

Кот, уже чувствуя себя хозяином положения, залился издевательским смехом.

— Хо-хо-хо! Профессор! По хвойным! Ёлки, что ли, рубил? Да я думаю, он, может, даже и доцентом не был, аспирантишкой каким-нибудь всю жизнь пробегал!

— Аспирантом?! — Пёс задохнулся от возмущения. — Ты Аарона Энгельгардовича аспирантом назвал?! — и он рванул на себе ворот. — Ну ты, блин, котяра, беспредел творишь!

И мы стали свидетелями поразительной метаморфозы: Пёс зарычал, рывком сбросив пиджак, сдёрнул галстук, отшвырнул очки и рванул на себе рубашку. Посыпались пуговицы, опять затрещала ткань, и — ещё одна грудь в наколках и полоски, но уже на тельняшке.

— Ты чё, урка поганая, зарвался?!

Даже я, толком не очухавшийся, сидящий в стороне на хвосте, в ужасе попятился при виде такого Пса!

— Ты Энгельгардыча аспирантом назвал?! — наступавший на Кота Пёс, рычащий, с пеной на губах, был страшен. — Почти академика — аспирантишкой каким-то?! Какое тебе, вице-президент! — Пёс рванул на себе ещё и тельняшку. — Щас узнаешь, что такое морпеха злить!

Пёс встал в боевую стойку и душераздирающе выдохнул:

— Ки-и-ийя!!!

Обалдевший, ошалевший и даже не сопротивлявшийся Кот после удара отлетел в угол, но Пёс уже вошёл в раж.

— Ты чё, думал, я там, в библиотеке, только гербарии конопельные сушил?! Думал, только книжки протирал да пестики с тычинками скреживал?! Да я там через такое прошёл, такое видел — ад! — со слезами на глазах орал Пёс. — Там на глазах моих крысы поганные, шушера талибская, двух пацанов наших, болонок штурмовых, «перьями» почикали! Там Энгельгардыч сам на растяжках-какашках мышинных три раза рвался, на себе его выгаскивал, в дерьме мышинном, но живо-го! Встань, когда с тобой разговаривает лучший друг человека! — и он рывком поднял полуживого Кота. — Ты говорил, что убьёшь меня? Ты только что твердил, что я гуманист? Да! Теперь я и сам вижу, что я — гуманист! Поэтому получай! — и он хлестнул Кота по морде подбренным с пола галстуком. — Вот тебе за Акелу! Вот тебе за гуманиста! Вот тебе за Акелу!

— За Аарона! — тихо подсказал Псу Петух, уже оклемавшийся, крутившийся вокруг.

— Что? — Пёс на мгновение остановился. — Ах да, конечно, за Аарона! — и продолжил хлестать «вице-президента» по усам. — Это тебе за Аарона! Это за гуманиста! За Аарона! За гуманиста! — и, швырнув на-земь бесчувственного Кота, отряхнул лапы. — Ступай прочь, палёная кошка! И не плюй больше в сторону морпеха — рискуешь выплюнуть челюсть!

Но ступать или плевать в чью бы то ни было сторону Кот был сейчас явно не в состоянии. Пёс же, встав над поверженным врагом, широко расставив ноги, гордо вскинул голову, заложил лапы за спину и затянул-завыл боевой гимн морской пехоты:

*Ты — морячка, я — рыбак,
Я — рыбацка, ты — моряк...*

— Ай да ботаник! — Петух восхищённо покрутил головой. — Ай да сукин сын!

— Чьим бы ещё сыном я мог бы быть? — буркнул Пёс, закончив гимн. Нашарив в кармане брюк пачку «Беломора», он уселся на перевёрнутый стул и неторопливо закурил.

Я потянул носом.

— Станный у тебя, Пёс, какой-то табак, — после недавних событий мы все как-то незаметно перешли на «ты».

— Коллекционный, — нехотя отозвался Пёс, — из гербариев Энгельгардыча.

— Что с «вице-президентом» делать будем? — Петух, деловито обшаривая карманы Кота, а тот всё ещё не подавал признаков жизни, выгаскивал какую-то записку. — Что это у нас? «Бона сьерре, камараде... О-ла-ла, о-ла-ла... Э-к-с-к-л-ю-з-и-в-н-ы-х клиентов...» Нет, не то, ерунда какая-то. А здесь... Ага, есть! — он выпрямился и помахал двумя зелёными банкнотами. — Так, столтник — это мой, а это твои сорок девять, Пёс. Держи.

Он протянул Псу мятую купюру, — Пёс, не глядя, сунил её в задний карман.

— Что с этим, спрашиваешь? — Пёс затянулся, задумчиво сощурился и усмехнулся. — А что с ним ещё делать? У нас с «духами» копачьей национальности разговор короткий! — он вновь длинно затянулся, пустил колечко дыма, и глаза его заволоклись мечтательной дымкой. — У, сколько мы их с Энгельгардычем в своё время покروшили, котяр позорных! — и он с силой сжал когти в кулак, взгляд блеснул неуголённой ненавистью. — Уж мы их душили-душили, душили-душили...

— Зачем душили-то? — не понял я.

Пёс чуть пожал плечами.

— Аллергия, — и вздохнул. — Чувствительнейший был человек...

...Кота мы всё-таки пощадили: деньги всем вернули, наказан был он вполне достаточно, мы с Петухом ни на чём не настаивали. А Пёс, докурив «беломорину», почти успокоился, — завязав же галстук, нацепив очки, и вовсе стал прежним ботаником-гуманистом и махнул на Кота лапой — пусть живёт. И Кот, лежавший до этого трупом, вдруг сразу ожил и как ни в чём не бывало заболтал, забалагурил, посыпал шуточками. А в конце предложил держаться вместе, одной бригадой, — мол, вместе горы свернём, один Пёс чего стоит! Петух сначала воспротивился — с Псом, это да, хоть на край света в разведку, но с уголовником?! Никак он не мог простить тому «питуха гамбургского».

— Да какой я, на хрен, уголовник?! — возмутился Кот. — Разуй глаза, пернатый! — и он распахнулся. — Не видишь, это же пижама больничная, от робы не отличаешь? Там же полоски другие! С больнички я недавно утёк, лежать надоело. Бешенством коровьим слегка приболел, а где поддепил, сам не пойму. Не от «телки» же своей, она у меня вроде стерильная. Детдомовский я, вообще, если биография интересует. Не сидел никогда, даже не привлекался, ну, может только по «хулиганке» мелкой. В пионерах даже побывать успел и в самодеятельности участвовал, вот!

— Что в самодеятельности, это заметно. А наколки? — не сдавался Петух.

— А что наколки? Наколки вон и у Пса есть.

— У меня армейские, — буркнул Пёс. — По молодости да по дурости, у нас все в ДШБ себе кололи, теперь сам жалею.

— Ну так и мы по дурости с пацанами баловались, в индейцев играли, в Чингачуков всяких, Зверобоев-Мордобоев. Так что, братишки? — и Кот ра-

достно потёр лапы. — Один за всех и все за одного, а? Чур, я тогда за д'Артаньяна!

...С того дня стало нас уже четверо. Петух, правда, поначалу всё косился на Кота, ожидая подвоха какого-нибудь. Но Кот, надо отдать ему должное, хоть и был плутом порядочным, но если уж, по его собственному выражению, «корешился с кем-то», то своих не подводил.

— Не-е, пацаны, «кинуть» можно «левого», — втолковывал он нам свою философию жизненную, — а чтоб своего, это крысой последней надо быть! Я, Пёс, кстати, их тоже терпеть не могу, как увижу — сразу придушить тянет. Аллергия, наверно.

— Нет, аллергия это у Энгельгардыча была, — флегматично отвечал Пёс, даже не отрываясь от книги, — а у вас это просто разборки бандитские.

Жить мы остались в подвале том же. Кот, оказываешься, его у дворника местного снял, расплачиваться обещался уборкой двора по понедельникам, когда дворник отсыпался после «отдыха культурного», то бишь после пьянок воскресных. Но ни разу, естественно, сам не убирался. То пацанов каких-нибудь за пиво с куревом подрядит, откуда доставал, правда, не знаю. То котят своих незаконнорождённых со всей округи стогнит хотя бы мусор видимый собрать, а их у него было не одна даже дюжина. (Кот вздыхал часто, что алименты его вконец когда-нибудь разорят, хотя ни разу не видел я, чтоб он кому-нибудь что-то платил, — да и с каких доходов?)

Жить в подвале было неплохо — сыровато, конечно, мышшей многовато, Пёс постоянно дёргался на них по привычке, но всё равно лучше, чем на улице, особенно когда дожди зарядили. Даже музыка была: Кот ещё до нас где-то на рынке блошином магнитола старенькую приобрёл, на котёнка своего обменял. («А что такого? Я же не в рабство его продал, в хорошие руки отдал,

жизнь его обеспечил, может в люди ещё выбьется, — оправдывался Кот. — Он, кстати, как встретит меня, иногда встречаю его на улице, сразу благодарить начинает слёзно: я, говорит, вас, папаша, до гроба помнить буду! Хотя какие уж у нас гробы? Дай бог в коробку из-под обуви сунут, — и он вздыхал. — Красивенький такой был, дымчатый весь, чистый сиамец, весь в мать. Надо было, наверно, на телевизор менять черно-белый, предлагал там один...» И Кот сокрушённо качал головой.)

Пришлось, правда, Петуха от привычек вредных отучивать — кукарекать спозаранку: вскочит ни свет ни заря, весь взбешенный, трясущийся, глаза бешеные, не в себе в общем, и давай надрываться. Не могу, говорит, братцы, природа зовёт! Боялись мы сильно, что нажалуется кто-нибудь из жильцов, сгонят с хаты, иди ищи потом новую. Пришлось меры принимать: и кодировали его, и к целителям водили, и «антисексом кошачьим» поили — другого Кот не достал (думали, может, ему просто общества куриного не хватает?). Даже «Pedigree» зачем-то кормили (это уже Пёс насоветовал), пока Кот самое простое решение не нашёл — клюв скотчем на ночь заклеивать.

Чем мы с подачи «д'Артаньяна» нашего не занимались! Так уж получалось, что идеи все, в основном, исходили от Кота, прирождённого верховода и искателя приключений (очень часто на свою же голову — или наши, как повезёт), никогда и нигде не теряющегося, не унывающего, живчика и приколиста. Чувства юмора у него, правда, было порой с перехлёстом — жестковато иногда шутил, язвил скорее. Петух же у нас больше трепался да хорохорился, но толком ничего предложить не мог. С меня вообще спрос маленький. А Псу, субъекту замкнутому и обычно немногословному, похоже, всё равно было, чем заниматься: вагоны грузить, так вагоны, рыбу разделявать, так рыбу, — лишь бы читать время оставалось да думать о чём-то своём под «Беломор».

Да, с Котом мы не скучали. И вагоны грузили (как выяснялось потом, не те — Кот перепутал, — за свой счёт перегружали полночи, да ещё шиш с маслом получили за задержку, в общем бесплатно поишпачили). И из кильки балыки осетровые делали в цеху одном полуподпольном, и газетами бесплатными торговали. А один раз прибежал днём с газетой какой-то пожелтевшей, собрал без объяснений особых всю наличность, где-то около сорок УЕ, только перед уходом мимоходом пояснил, что «холдинг организовывать будем».

— А что? — и Кот помахал в дверях газетой. — Вот только что прочитал, что очень выгодное это дело — холдинги. Хозяева их, оказывается, миллионы лопатами гребут, особенно вертикально интерги... интер... интегральные что ли, слово забыл, ну не важно. Так что готовьте лопаты!

И убежал с деньгами, вприпрыжку, и больше мы их не видели, в смысле денег конечно. Кот же вечером вернулся, смущённый, с виноватой рожей и, разумеется, с пустыми карманами.

— Блин, пацаны, я, оказывается, какую-то совсем старую газету читал, — он почесал затылок. — На числа даже не посмотрел. Холдинги сейчас, оказывается, закрывают, хозяев их — тоже, особенно эти, как их, вертикально инте... инте...

— Интегрированные, — буркнул Пёс, не поднимая глаз, сосредоточенно жуя сухарь, изучая оглавление книжицы какого-то М. Хайдеггера «Бытие и Время (в комиксах)».

— Нет, нет, как-то по-другому, — Кот отмахнулся и пощёлкал когтями. — Инте... инте... О, вспомнил, властные, да-да, вертикально властные! Так что, говорят, рискованно в них сейчас вкладываться, прогореть можно вмиг.

— А деньги? — насторожился Петух, четверть суммы была его. — Деньги где?

— Да я, блин, понимаете... — и Кот замялся, скосив невинные, кристально честные глазки куда-то вбок, слегка покручивая хвостом. — Ну, в общем, в казино решил зайти, счастья попытать. Там, подумал, шансов побольше должно быть, — он поднял голову и виновато развёл лапами. — Извиняйте, пацаны, но на всех ведь хотел заработать, не для себя же одного старался! Да и не пропадать же деньгам, в конце концов! Деньги ведь ты сам Петух это всегда твердил, работать должны, доход приносить, а не грузом мёртвым лежать. Вот я их в оборот и пустил, не совсем удачно конечно, но на то он и риск. У нас ведь везде как в казино: не на ту фишку поставишь — сгоришь.

Петух только плюнул с досады и махнул крылом. Пёс же и ухом не повёл, хотя остальные три четверти были его, — лишь покачал головой и хмыкнул:

— М-да... Смеяться после слова «лопата»...

...В одно прекрасное утро Кот загорелся очередной идеей: вскочив ни свет ни заря (даже раньше Петуха), он бесцеремонно растолкал всех.

— Слушайте, мужики, а не заняться ли нам шоу-бизнесом, а?

— Что, прямо сейчас? — недовольно пробурчал, протирая очки, невыспавшийся Пёс.

— Нет, вообще, — и Кот вскочил со стула. — Группу создадим, гастролы всякие, диски, автографы, фанатки, а? Главное ведь раскрутиться сумеет, ну, или раскрутить кого-нибудь, — его взгляд остановился на мне. — Вот, например, Осла. Будешь мегазвездой, Ушастый?

Петух обиженно отодрал скотч с клюва.

— А почему не меня? У меня, кстати, тенор чистейший, а у Осла голоса совсем нет, труба иерихонская!

Кот коротко хохотнул.

— Ты думаешь, голос там особо нужен? Мы же не оперу ставим! Всё дело в спецэффектах, а с нынеш-

ней техникой не то что Осёл — рыба запоёт! А у тебя, Пьер, извини, фактура мелковата, теряться будешь на сцене. Да и образ сценический, не обижайся только, заезжен, птичек певчих сейчас на сцене чересчур. Ослов, конечно, тоже хватает, но их не сразу видать. Да и шкура должна быть потолще, чтоб на критику не реагировать. Ну-ка, Осёл, подай голос!

Я прокашлялся и тихо напел им свою любимую:

*Я спросил у ясеня,
где моя любимая...*

Петух заткнул от моего рёва уши, Кот морщился, но дотерпел, лишь Пёс, скинув тапочки, в одной тельняшке, невозмутимо приступил к утреннему комплексу у-шу.

— Н-да, — Кот пощёлкал когтями и махнул лапой, — ну да ладно, оцифруем всё, обрабатываем, на «фанере» не голос будет — конфетка! — он деловито осмотрел меня кругом. — Образ сценический надо будет создать, что-нибудь поэпатажней, имидж продумать. Пострижём по-модному, рекламу на уши нанесём, нечего таким площадям пропадать. Пару скандальчиков организуем. Ты как, кстати, к зоофилам относишься? Не знаешь? А то подгоним кобылок погорячей. Группу, думаю, назвать надо как-нибудь пооригинальней, понеобычней, — например, «Фабрика животных», а?

— Тогда уж лучше «Мясокомбинат», — Пёс, закончив зарядку, уселся на перевёрнутый ящик и закурил «Беломор». — Так brutalней.

— А что? Эффектно! — и Кот просиял. — «Мясокомбинат»! Уникальный ослиный вокал! Гитара — маэстро Пёс, ударник — месье Пьер, и, наконец, уважаемые господа, клавишные — просто Кот! Он же генеральный продюсер! Трио «Мясокомбинат»! Спешите!

— Нас же четверо? — возразил Петух, недовольный тем, что его обошли. — При чём здесь трио?

— Э, да кто нас на сцене считать-то будет? — Кот отмахнулся. — Трио красивой!

Пёс затыкнулся и пустил колечко дыма.

— А играть кто-нибудь умеет? И на чём?

— А что уметь-то? — Кот пренебрежительно сплюнул. — Ты что, пять аккордов не выучишь? Ля-ля-фа, ля-ля-фа, двадцать два притопа да тридцать три прихлопа! Инструмент сам достать надо, базара нет, но это я беру на себя.

Каким образом он собрался доставать инструмент, я узнал ближе к обеду, причём только я один.

— Слушай, Осёл, хочешь же мегазвездой быть? — заговорщически шепнул он мне. — Деньги, слава, ослицы молоденькие и всё такое, а? Идейка у меня одна есть. Пошли прогуляемся, расскажу, помощь твоя нужна.

Когда вышли на улицу, он оглянулся и, понизив голос, поделился «идеей».

— Тут неподалёку, в переходе, паренёк один на гитаре бренчит, иностранец, кажись, какой-то, немчура скорее, но гитара у него неплохая. Сделаем так: ты пройди рядом с ним, там у него тарелочка для денег стоит, ты её как-нибудь нечаянно копытом задень, опрокинь. Он, конечно, собирать кинется гроши свои, гитару, скорее всего, у стены поставит. Ну, или положит куда, не будет же он с нею по полу ползать. Ты ему ещё помогать начни, толчею создай, внимание отвлеки, а я гитару под шумок и уведу. По-нашенски он совсем плохо бачит, так что вряд ли кто сразу поймёт, о чём он лопочет, я уж далеко буду, так что риска почти никакого. Ты только, как увидишь, что с гитарой я, сваливай оттуда незаметно и тикай к хате.

Идея мне, если честно, совсем не понравилась — ровнством пахивало, — но уж очень мегазвездой побыть захотелось — деньги, слава, всё такое. Да и как же ещё бедным, но талантливым животным инструмен-

том своим обзавестись? Так что после недолгих раздумий я согласился.

— Я почему Псу с Петухом говорить ничего не хочу, — объяснял Кот на ходу, — что они шум сразу подымут, «уголовника», «урку поганую» вспомнят, всё такое. Чистоплюи хреновы! А ты мужик, вижу, простой, без выпендрежа. Сами же благодарить будут, когда инструмент притащим, дело большое начнём.

Гитару мы услышали ещё на подходе к переходу, а когда спустились, увидели и её хозяина — молодого патлатого парня в джинсах и кроссовках, бренчавшего на перевёрнутом ящике у стены. Закинув ногу на ногу, отстукивая носком ритм, он, слегка запрокидывая голову, что-то красиво и надрывно тянул посвоему, видимо какую-то немецкую балладу:

*Дас Ланд в иллюминаторе, дас Ланд в иллюминаторе,
дас Ланд в иллюминаторе видна-а-а,
как Зон грустит о Муттере, как Зон грустит о Муттере,
грустит о Фатерланд! Их бин, йа-йя!*

Я даже слегка заслушался — хорошо ведь поёт! Наверно, не хуже меня...

— О родине тоскует, — кивнул на певца Кот и презрительно сплюнул. — Гитлерюгенд недобитый! Ну да ладно, лирику в сторону. Начинай, Осёл. Gott mit uns!

Но всё сразу пошло совсем не так, как задумывалось: тарелочку я, конечно, опрокинул, деньги разлетелись, но гитарист даже ухом не повёл. (Потом, конечно, Трубадур объяснил, что в тарелке фальшивые деньги лежали, чтоб прохожие кидали, а настоящие он сразу в карман убирал, но я-то этого тогда не знал!) Я прошёл ещё раз, тарелочку пнул посильней, потом обратно. А когда, подстрекаемый Котом, пошёл в четвёртый раз, начав откровенно футболивать монетки по всему переходу, певец наконец-то остановился и вопросительно посмотрел на меня.

— Esel, willst du essen?*

— Иа-иа! — на всякий случай радостно заржал я.
— Блин, так бы и сказал сразу! — он встал с ящика и закинул гитару за спину. — Пошли поедим, только грошки собери вначале, мне реквизит этот ещё нужен. Так мы познакомились с Трубадуром...

... — Из Бремена я родом, парни. Знаете, это где? Нет, Кот, Караганда это следующая станция, — уминая сосиску в тесте, запивая пивом, рассказывал он нам в ближайшей забегаловке, куда повёл обедать. — С другом вдвоём приехали, тоже гитарист, концерты давали в клубах всяких ночных. Гитарное трио «Hände hoch!» назывались, может, слышали?

— Почему трио? — Кот чуть не подавился хот-догом. — Сам же говоришь, двое было?

— Ну, трио красивей как-то. Да никто нас на площадке и не считал, — Трубадур чуть вздохнул. — До поры до времени... — и поводит вилкой по столу. — На неделе позапрошлой в ресторанчике одном чукотском два вечера отработали, а на третий — под «зачистку» влетели. Сержант один чересчур грамотный попался, доколебался: где, говорит, третий? Вы, говорит, арийцы недоделанные, значит, втроём в нашу Родину въехали, а гастролируете парой. Откуда я, говорит, знаю, чем третий ваш сейчас занимается? Может, он анекдоты неприличные про вертикаль нашу властную на углах рассказывает да Короля Королевича хаёт, народ смущает? Или вообще бешенство коровье распространяет? А у нас, говорит, сейчас антиконтробешенственная операция в разгаре самом! Я ему объяснял, конечно, что нас всегда двое было, но какое там! Упёртый попался, толкинистом причём оказался, всё какими-то вах-хоббитами обзывал, да ещё с ненавистью такой, дубинкой всё замахивался. Чем ему хоббиты досадили так?

— Гоблин, — деловито пояснил Кот и поковырялся в зубах. — У них с хоббитами вековая вражда. Ты что, кино не смотришь?

— Не до кина сейчас, — Трубадур уныло покачал головой. — Товарища маво экспортировали nach Vaterland, всё возмущался потому что слишком громко, нос даже сломали, гитару забрали. А я пожертвованием в Фонд поддержки материнства Кот-д'Ивуара отделался, всё заработанное отдать пришлось, сейчас вот на билет домой наскрести хочу.

Кот оживился.

— Слушай, Трубадур, а на фига тебе, вообще, фатерланд твой? — и он придвинулся к нему поближе. — Ты же и здесь заработать сможешь: на гитаре лабаешь, в музыке, вижу, сечёшь, фактура у тебя хо-рошая, голос есть. Хочешь мегазвездой стать? Деньги, слава, осли..., тьфу, девушки молодые и всё такое, а?

Я только сплюнул. Вот и верь после этого котам...

...Так мы и возникли. В первое время только в переходах да на улицах играли (точнее, играл-то тогда один лишь Трубадур, а мы — кто плясал, кто подпевал), а когда на инструмент ещё поднакопили, да по пять аккордов выучили, на площадках посерьёзней начали выступать, настоящей группой, считай, стали. Потом и фургончик по дешёвке на распродаже новогодней в бутике одном купили — транспортом своим обзавелись (да на мою голову! Эх, была бы шея...).

Правда, кончилось с тех пор, как Трубадур с нами увязался, и «продюсерство» кошачьё — Трубадур стал рулить. Но оно и правильно, с другой стороны: он один музыкант среди нас настоящий, причём человек. Как говорится, ему и карты в лапы (чего бы там в конституциях не писали, но коли рожа у тебя нечеловеческой национальности, лучше не высовывайся лишний раз, особенно перед толкинистами всякими с дубинками). Кот, кстати, совсем не в обиде был и с Трубадуром быстрее всех сошёлся, хотя

частенько и перепадало ему от него за приколы свои, порой небезобидные.

С тех пор и поем. Многое про нас, конечно, потом приврали (если уж честным быть до конца, то басни про нас, в первую очередь, Кот же и распространял, — как оправдывался, сугубо из PR-соображений, надо же нам, мол, раскручиваться потихоньку). И Принцесса вовсе не принцесса настоящая (в кабаре она пела, там с ней Трубадур и познакомился, прозвище просто такое она выбрала себе сценическое для звучности). И Короля Королевича, разумеется, никогда от террори..., тьфу, разбойников не спасали. Он ведь сам кого угодно спасёт: летает аки истребитель, плавает чисто лодка подводная, борется даже не по-нашему (в смысле, не в рыло сразу бьёт). С таким хоть в разведку, хоть в контрразведку, Супербэтмен одним словом, отец родной, — кто ж такого спасать возьмётся? Упаси боже! С таким-то страшно в сортире одном оказаться...

С разбойниками, это да, была история. Ехали мы в тот вечер лесом-полем, лесом-полем (разумеется, ехали остальные, а я фургон с ними вёз как всегда), пока не наткнулись ближе к ночи на коттеджик небольшой. Думали, двор постоялый, мотель какой-нибудь, а оказалось, как Кот выяснил, «малина» бандитская. Время было позднее, ночевать в поле не хотелось — холодало уже. Тут-то Кот и предложил свой план знаменитый: «в перепутаницу сыграть», «на испуг чистый братву развести». Правда, Трубадур засомневался сильно, выйдет ли, но здесь Кота неожиданно Петух поддержал, обычно всегда возражавший инициативам кошачьим.

— А что? — он взъерошил хохолок. — Мне нравится! Есть в этом что-то такое... — он пощёлкал перьями, — неожиданное, артистичное, я бы сказал даже, дерзкое и дерзновенное. Я — за!

Трубадур пожал плечами — ладно, давайте попробуем. Пёс, сосредоточенно изучавший «Playboy (в диаграм-

мах и схемах)», лишь отмахнулся, — мол, как решите, так и сделаем. Я же вообще промолчал. Так что Коту осталось только роли распределить: мне — кукарекать, Петуху — мною реветь, Псу — мяукать, Коту — лаять, а Трубадуру — привидение молчаливое в дверях изображать.

Так и сделали, — так и вылетели во все окна и двери — мы разумеется. Пёс, конечно, может быть, и раскидал бы «братишек» по-морпеховски, да не успел тельняшку рвануть и в стойку встать — с «Плейбоем» потому что расставаться не хотел (даже когда мяукал по роли своей, журнал перед собой держал и всё в «диаграммы со схемами» пялился). Спасибо, что живые ещё ушли. Единственное, что спасло нас, что бандюки от хохота там же и попадали, где стояли, когда мы, как дураки последние, в форточки полезли орать чепуху свою дерзновенную, и сил уже ни на что серьёзное у них просто не осталось. Зареклись мы после этого Кота слушать! Так что и с разбойниками не совсем так было, как Кот же потом репортёрам впаривал, желая в струю очередной антиконтрразбойничьей операции попасть, очки на ней для группы заработать.

В общем, живём весело, и поем весело, а я ещё и фургон вожу. Остальным нашим, конечно, хорошо петь «ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету», — и впрямь, чего же плохого в фургончике крытом ехать да песенки распевать? Но когда эту песенку на твоём горбу распевают, да ещё подпевать заставляют, причём басом, это, по-моему, уж чересчур! Ну да ладно, видно, призвание у меня такое: кто-то на рояле должен играть, а кто-то — его таскать. Как говаривал папаша, царствие ему небесное, ишака только могила исправит. Хотя если надоест всё, уйду я, честное слово, в мультфильмы сниматься. Меня уже как-то приглашали, говорят, фактура хорошая, мультигигеничная, обещали мегазвездой сделать, — вот!

* Осёл, ты есть хочешь? (нем.)

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										73413				
на журнал										(индекс издания)				
Уральский следопыт. uralstalker.com														
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда														
Кому														
(фамилия, инициалы)														
Доставочная карточка														
ПВ	место	литер	на журнал										73413	
										(Индекс издания)				
Уральский следопыт. uralstalker.com														
Стои- мость		подписки		__руб. __коп.				Кол-во компл.						
		перед- ресовки		__руб. __коп.										
на 20__ г. по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда														
Кому														
(фамилия, инициалы)														

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413.**